

Евгений
НОВИЧИХИН

ПАРАЛЛЕЛИ
ИЗБРАННЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

АО «Воронежская областная типография»
г. Воронеж, 2023

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2) 6
Н 73

Новичихин Е. Параллели: избранные поэтические переводы / Е. Новичихин. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография». – 2023. – 320 с.

Евгений Новичихин – автор многих книг, написанных в жанрах поэзии, прозы, публицистики. Наряду с этим он активно работает в жанре поэтического перевода. В книге «Параллели» представлены избранные переводы с греческого и туркменского, латышского и литовского, других языков народов мира.

ISBN 978-5-4420-1043-5

© Новичихин Е.Г., 2023

Юлюс ЯНОНИС (1896-1917)

Юлюс Янонис – литовский поэт и революционный деятель, основоположник литовской пролетарской революционной поэзии. Во время Первой мировой войны жил в Воронеже, учился здесь в гимназии на Большой Дворянской (ныне проспект Революции). Первый сборник поэта вышел в Воронеже, на литовском языке, в 1918 году. Переводил на литовский стихи А.С. Пушкина, А.В. Кольцова.

Переводы Е. Новичихина удостоены премии Всесоюзного конкурса на лучший перевод стихотворений Ю. Янониса (1978).

ЗАДАЧА БАРДОВ

Не думайте, барды,
Что ваша задача –
Творить безмятежно
Одни дифирамбы,

Что можно беспечно
С природою слиться,
Смотреть безучастно
На горе людское.

Совсем не для этого
Музы вам дали
Язык свой прекрасный
И звонкую лиру.

Они для того,
Чтобы с черною силой,
С владычеством тьмы
Человеку бороться.

Они для того,
Чтоб, людей пробуждая,
Указывать путь им
К свободе и к свету.

* * *

Я знаю: неправду твердят мудрецы
О звездах, глядящих на землю с высот,
Что будто они горячи-горячи,
Что, вечно сияя, пылают огнем.
Не верю. Ведь были б они горячи,
Неужто могли бы смотреть на людей,
Исполненных зла, безмятежно всегда,
Спокойно и холодно в небе светить?
Ведь видят они, как страдает народ,
Как терпит он голод, как терпит нужду.
Задавлен, забит кровососами он
И может одно только: горько рыдать...

МОИ ПЕСНИ

Песни мои – слез и стонов сплетенье,
Песни мои – это крови кипенье,
Струи которой – гневные строки –
Рвутся из сердца, словно потоки.
Их породили горе и мука,
Беды их нянчили, голод баюкал.
Не потому ли в них не воспета
Нежная музыка солнца и ветра?
Каждое слово их бурей дышит,
Скорбные ноты сердце пронзают.
Слез не сдержать тому, кто их слышит,
Кто их в вечерний час напевает.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

О, ласковый ветер,
Кольшущий ветви,
Меня убаюкай ты песней своей.
О, ноченька в звездах,
Хоть маленький роздых
Пошли мне, пошли мне, бедняжке, скорей.

Соловушка серый,
Луч солнышка первый,
Меня поутру пожалейте чуть-чуть:
Ко мне не спешите,
С зарей не будите,
Чтоб хилые ручки смогли отдохнуть.

МОЯ МУЗА

Моя муза – подруга лишений и бед,
Моя муза – страдания дочь.
Не богиней прекрасною выглядит, нет, –
И темна, и страшна, будто ночь.

Не в волшебных виденьях приходит она,
А в мучениях черного дня,
Когда в сердце опять безнадежность одна
И терзают сомненья меня.

БОЛИТ СЕРДЦЕ

Что-то сердцу невмочь:
Не кончается ночь,
Правит миром, страшна и черна.
Где желанный восход?
Знать, не скоро придет,
Если даже заря не видна.

Что-то стало невмочь.
Чем же сердцу помочь,
Если ветра свирепость крепка,
Если, нам на позор,
За раздором раздор
В наших силах, ничтожных пока.

Что-то стало невмочь.
Чем же сердцу помочь,
Если мир этот гнусен и лжив,
Если душу знобит,
Если в людях забит
Благородных стремлений порыв.

ОН

Никогда не склонял он своей головы
Перед теми, кто миром владеет.
Не умел в ожидании тихого дня
На ветру, как тростинка, качаться.

Он и в бурю стоял, словно дуб вековой,
Что вершины своей не склоняет.
Он, толпою покинут, сражался один,
Был всегда и бесстрашным, и гордым.

Но, как молния дуб расщепляет порой,
Жизнь его поборола однажды.
Он, сражаясь, погиб. И таким навсегда
Сохранит его память потомков.

ЭХО ВЕСНЫ

Прозрачна даль. Снега белеют
Лишь кое-где. Поля черны.
И солнце светит веселее,
И птичьи голоса слышны:
– Все это – признаки весны!

Везде бурлят, клокочут воды,
Ручьи к реке устремлены.
И вторит голос ледохода
Звучанью плещущей волны:
– Все это – признаки весны!

Леса опять позеленели,
Луга от сна пробуждены.
Ростками, что пробились еле,
Они уже возвещены:
– Все это – признаки весны!

Стихают боли. Как природа,
Мы будем снова рождены.
И чувства наши благородны,
И цели наши так ясны!
– Все это – признаки весны!

ДРУГУ

Ты снова и снова печально глядишь,
Ты снова тоскуешь, забросив дела,
И, жизнь проклиная, о ней говоришь:
Мол, счастье сулила, но муки дала.

Не лучше ль улыбкою грусть превозмочь?
Что толку быть вечно с печальным лицом!
Гони и тоску, и уныние прочь.
А счастье... А счастья будь сам кузнецом!

Его не дождешься ты, руки сложив,
Оно постигается только в борьбе.
Борись неустанно! Борись, пока жив!
И счастье увидеть удастся тебе.

МЫ

Дней нашей жизни унылый поток
Медленно тянется, теплится еле.
Мы, словно сорванный желтый цветок,
Вянем и сохнем без пользы и цели.

Где эти цели, где наши пути,
Жалким умишком понять не стремимся.
Как нам истоки страданий найти,
Если искать их мы просто боимся!

Любим других поучать свысока,
Любим болтать и красиво, и длинно.
И, ничего не свершивши пока,
Хвастаться всюду, что мы – исполины.

* * *

Смотрятся в окна звезды несмело,
Листья ласкает ветер весенний.
Что же ты, сердце? Иль оробело
Вдруг на пороге мук и лишений?

Снова гнетет предчувствие краха,
Снова терзают душу сомненья.
Будто сражен я молнией страха,
Но – на мгновенье, лишь на мгновенье.

Я на сомненья жизнь не растрачу.
Буду бороться, буду бороться!
Пусть и не брезжит даже удача,
Пусть поплатиться жизнью придется.

В ЧЕМ СЧАСТЬЕ?

Кто после смерти счастья ждет –
Обманут сам собой.
Лишь тлен один – загробный тот
Хваленый мир иной.

Кто, предвкушая счастья сласть,
Уйдет к страстям в полон,
Увидит: мимолетна страсть.
Обманется и он.

Пусть не щадит себя в бою,
Кто хочет счастлив быть.
Он может жизнь отдать свою,
Но может – победить.

НЕ ВИНИТЕ МЕНЯ...

Зачем винить меня за то, что я совсем
Немного совершил, что рано я упал,
Что голову свою невысоко держал?
За то, что слабым был, винить меня зачем?

Зачем винить меня, что пули и огня
Я убоялся вдруг, как трус бежал от них?
И так мне тяжело. И так уж нету дня,
Чтоб луч покоя мне блеснул хотя б на миг...

* * *

Я буду весну воспевать
и природу,
В грядущее веру
и веру в свободу,
А боли, страдания – нет!
Они не дают человеку покоя,
Пусть в песне отыщет он слово такое,
Чтоб радость увидеть и свет.
Довольно сомнений, довольно терзаний,
Бессмысленной скорби, бесцельных рыданий,
Тоску и уныние – прочь!
И слезы, и стоны в себе заглушая,
Я буду смеяться, рассвет воспевая,
Хоть в сердце измученном – ночь.

* * *

Глядя в небо, в беспредельность высоты,
Поразмысли: высоки ль твои мечты?

Оглянись вокруг, открой свои глаза –
И увидишь, как решительна гроза,

Как, бушуя от темна и до темна,
Бьется в берег непокорная волна,

Как орел парит, штурмуя синеву.
И себя спроси: «А так ли я живу?»

* * *

Ну почему мне два крыла
Судьба не подарила?
Все, что доступно для орла,
И мне б доступно было.

Ведь чувством высоты дано
Мне тоже наслаждаться.
Взлететь бы вольно в небо.
Но без крыльев как подняться?

И все же... все же поднимусь,
Прорвусь через недолю.
Пусть упаду, погибну пусть,
Зато увижу волю.

* * *

Сказал художник умиленно,
Любуясь неба красотой:
– Как ночь ясна!
 Как звезды томно
Струят блаженство и покой!

О люди, люди, ну чего нам
Еще желать, я не пойму?..

...Но только стоном, слабым стоном
Рабочий отвечал ему...

* * *

К грядущему, к свету
Дорог еще нету
Из бездны, в которой от горя темно.
Нам, рабство отринув,
Путем исполинов
Сквозь горные выси
Пройти суждено.

Нас много упало,
Взбираясь на скалы,
Немало с пути, устранившись, уйдут.
Но близится это:
Искатели света
Победную песню, ликуя, поют!

ПУСКАЙ СЕРЕБРЯТСЯ СТУДЕНЬЕ РОСЫ...

Пускай серебрятся студеные росы,
Пускай мои бедные ноженьки босы,

Пусть их обжигает трава на лугу, –
К нему убегу, все равно убегу!

Мы будем, пока не забрезжит восток,
Плести поцелуев прекрасный венок.

И нам с ненаглядным друг друга ласкать
Лишь солнышко сможет одно помешать.

По лугу росистому с милым вдвоем
Под песню соловушки мы побредем...

КЛОУН

Я клоуна пестрый колпак надеваю
И вам на потеху кривляюсь опять.
Признайтесь: вам кажется – горя не знаю
И счастлив, коль смеха не в силах унять?

Вы смотрите весело на переливы
Огней золотых на одежде моей.
Но в сердце ко мне заглянуть не смогли вы.
Зачем оно вам? Побрякушки милей.

Мой выход небрежными встретив хлопками,
Зеваете сыто, занявши места.
Приятно ль паясничать мне перед вами?
Об этом не спросит никто у шута.

Считаете, тянет меня к этой роли?
Да я только с голода клоуном стал!
Вы морщитесь. Правда не нравится, что ли?
Ну, ладно, кончаю. Уже замолчал.

Последней копейки лишиться за эти
Признания горькие я не хочу.
За сценою плачут голодные дети,
Поэтому вновь я и вновь хохочу...

ИЗ РАБОЧЕГО КАТЕХИЗИСА

Повсюду протяжные стоны,
Повсюду и слезы, и пот.
В мученьях живут миллионы,
А кучка – в безделье живет.

Все блага в руках богатея,
Пирует безудержно он.
Бедняк, ничего не имея,
Терпением лишь наделен.

Но разве не волею неба,
Не Богом устроено так,
Что, мучаясь в поисках хлеба,
Всегда голодает бедняк?

Нет, попусту небо не будем
Молить о спасении мы.
Неравенство послано людям
Не Богом – самими людьми.

Неужто не поровну делит
Природа богатство свое?..
Так что же нам, что же нам делать,
Чтоб наше улучшить житье?

Нам счастья мольбой не добиться.
А значит, добьемся борьбой.
Мы будем с тиранами биться.
Нас Маркс поведет за собой.

ПЕСНЯ БОРЦОВ

Вовек не увидит ни счастья, ни воли
Не смеющий сбросить оков.
На бойню себя увести не позволим,
Как стадо безмолвных быков!

Недаром обидчики мести страшатся,
Не зря потеряли покой.

Мы жаждем свободы – и будем сражаться,
И жертвовать будем собой.

Мы можем победы добиться, а можем
Погибель свою обрести.
Проклятье обманщикам – тем, кто по ложной
Дороге пытался вести!

ПЕСНЯ БАТРАКА

Ну, тяни, тяни, Гнедой.
Вон идет хозяин мой.
Он работать не привык,
Но зато горазд на крик.

Я ж вспахал за много лет,
Может, столько, сколько бед
Над моею головой.
Ну, тяни, тяни, Гнедой.

Я – как лошадь. Я – батрак.
Вечно в поле натошак.
Борозда за бороздой...
Ну, тяни, тяни, Гнедой.

* * *

Тот не бард, кто нас обманет,
Кто фальшивит в пенье.
Пой печаль, коль роза вянет,
Радость – коль в цветенье.

Горемыкой-сиротинкой
Плачь над смертью горько.
Но приветствуй и былинку,
Что пробилась только.

Славь могучих бурь кипенье,
Но и синь с рассветом.
Возглашай любовь, прощенье,
Но и месть при этом.

ЗИМОЮ

Одеты в зимний свой наряд,
Рябины серебром горят.
И над полями – белый пух,
И все белым-бело вокруг.

Лишь роща, что вблизи видна,
Стоит угрюма и мрачна.
Я пронесу среди деревьев
Свой души и боль и гнев.

У каждой стонущей сосны
Спрошу: не скоро ль ждать весны?
Спрошу у рощи я: ответь –
Листве не скоро ль зеленеть?

Ну и сугробы на пути!
Тут нелегко тропу найти.
Едва бреду. А надо мной –
Снежинки радостной гурьбой.

Я долго по тропе кружу –
И в темный гулкий бор вхожу.
И сам уже под стон и шум
Сосредоточенно-угрюм.

ПОРОСЛЬ

Шквал дождей и злые ветры,
Гроз жестокие раскаты
Погубили рощу эту,
Зеленевшую когда-то.

Лес погиб. Березы пали,
Повалились наземь ели.
Где они стеной стояли,
Там зловеще пни чернели.

И в краю, что был обильным,
Был зеленым и ветвистым,

Только ветер – жуткий, сильный –
День и ночь гулял со свистом.

Гнезд соловушки не вили,
Злое место облетая.
Жили тут сова, да филин,
Да мышей летучих стая.

Словно жалкие изгои,
Попадались редко-редко
Лишь следы зеленой хвои
Да березовые ветки.

И казалось, что судьбою
Был конец злосчастный велен,
Что печальный край собою
Не украсит больше зелень.

Но она пробилась к свету,
Непокорно прорастая!
Пробудила рошу эту
К жизни поросль молодая!..

ВИДАЛ ЛИ ТЫ?

Видал ли ты,
Как умирают дети,
Как их, всегда голодных, хилых,
Отец спасти уже не в силах?
Как, проклиная все на свете,
Идут, гонимые нуждою,
Девчонки торговать собою,
Видал ли ты?

Видал ли ты,
Как шли жандармы стаей,
Толпу рабочих разгоняли,
Ее нагайками хлестали,
Повсюду трупы оставляя?
Как палачи, горды расправой,
Скакали улицей кровавой,
Видал ли ты?

Видал ли ты,
Как мать, совсем седая,
У леса жутко голосила,
Где сына павшего могила?
В безумстве сосны обнимая,
О землю судорожно билась,
По роще с хохотом носилась.
Видал ли ты?

А я видал!..
Видал не раз – и знаю:
Хоть мне невмочь, хоть я страдаю,
Но у меня – пустяк, не рана,
Не горе – только тень от горя,
А боль моя – лишь капля в море,
Песчинка в бездне океана.
А я видал!..

НА МОГИЛЕ ПАВШИХ

Зашумите, сосны, кроною зеленой
В безумешном горе, в безумолчном гнев
Над могилой этой, кровью орошенной,
Людям расскажите, мудрые деревья,
Как зарю свободы, жертвуя собою,
Павшие качали в колыбели боя.

Бор ответил гулом, сосны застонали.
Кажется, что это – не деревьев стоны:
Словно мать седая мечется в печали
И кричит в безумстве – жутко, отрешенно,
Падает на землю, бьется онемело.
Стонут, стонут сосны, небо почернело.

Стонут, стонут сосны мрачным гулким хором,
А над ними хмуρο громоздятся тучи.
Я клянусь сегодня перед этим бором,
Перед этим стоном, скорбным и могучим:
Отомстить за павших скоро обещаю.
...Стонут, стонут сосны, месть благословляя.

* * *

Создавать пышных образов тонкие сети,
Видно, не мне.
Лишь задумаю я рассказать о рассвете
Иль о весне,
Как возникнут опять и страдания, и стоны
Мрачной толпой,
Встанут страшные судьбы людей угнетенных
Передо мной.
И тогда, будто этим страданиям вторя,
Словно в ответ,
Захлестнут меня образы муки и горя,
Образы бед.

* * *

Отдыхать нам не придется,
Дело только началось.
Хоть дрожит, но не сдается
Власть, прогнившая насквозь.

Не она ль, сковавши слово,
Нас пытается согнуть
И, лютуя, травит злобно
Всех, кто выбрал честный путь?

Не она ль дала нам право
Лишь на бездну мук и слез?
Не ее ль потоп кровавый
Жизней тысячи унес?

Отдыхать нам не придется,
Дело только началось.
Хоть дрожит, но не сдается
Власть, прогнившая насквозь.

НЕ ПЛАЧЬТЕ...

Не плачьте у этих священных могил,
Над памятной скорбной плитою.
Кто голову в битве за волю сложил,
Тот жив и за смертной чертою.

Ни словом печали, ни вздохом одним
Живого обидеть не смеите.
Но правое дело, что начато им,
Продолжить достойно сумеите.

Не плачьте... Завидна такая судьба –
Сражаться под знаменем алым.
А лучшая память герою –
борьба
И верность его идеалам.

МАЯК

Море вздыбилось багрово,
Все повергло в стон и мрак.
Но бесстрашно и сурово
Над пучиною – маяк.

Он стоит, непокоренный,
Перед бездною морской
С горделиво вознесенной,
Вдаль светящею главой.

Он – из стали высшей пробы.
Пусть клокочет все вокруг,
Но лавине дикой злобы
Не сломить могучий дух.

МОЗОЛИСТЫМ РУКАМ

О руки в мозолях, о потные лица,
Всегда вы в заботах, всегда вы в работе.
Для счастья людского вы все создаете, –
Все блага на свете, чтоб жить – не нажиться.

Но все, что нас кормит, что нас одевает,
Но все, что для жизни и радости надо,
Бездельников праздных ленивая банда
У вас отнимает, у вас отнимает.

А если богатства, что созданы вами,
Не дать ненасытно пирующей своре?
Настала бы светлая жизнь, о которой
Весь мир исстрадавшийся грезит веками!

Так что же вы медлите, руки в мозолях?
Неужто колеблетесь, потные лица, –
Иль права на общие блага добиться,
Иль мыкаться вечно в нужде и неволе?!

Чего же вы ждете? Чего вы боитесь?
Ведь их только горстка, кичащихся властью.
Сплотитесь! Для вашего счастья сплотитесь
И ваших детей обездоленных счастья!

ДРУЗЬЯ

И странно, быть может, и страшно, – но я
И горем, и бедностью выбран в друзья.

Еще в колыбели ласкаясь ко мне,
Они покидали меня лишь во сне.

Светает – на пашню, темнеет – домой,
Как мрачные тени, шагают за мной.

И знаю: верны до последнего дня,
Два друга в могилу проводят меня.

И странно, быть может, и страшно, – но я
И горем, и бедностью выбран в друзья.

МЫСЛЬ

Быстрее ничего
И свободнее нету
Стремительной мысли,
Летящей по свету.

Не будет преграды
За нею идущим.
Все знает о прошлом,
Все видит в грядущем.

Мир старый она,
Если надо, низложит
И к новому миру
Дорогу проложит.

ВЕСНА

Вновь весенними лучами
Небосвод прошит.
Вновь незримыми путями
К нам любовь спешит.

Вновь ее волшебным светом
Полнится душа.
Но пора весны не этим
Только хороша.

Мне дороже молодая
Зелень по весне,
Что шумит, напоминая
О грядущем дне.

А всего-всего дороже:
С каждой весной
Ближе он.
Спеши! Дороги
Для него отстрой!

ТРИ ДОРОГИ

Три пути, три дороги лежат предо мной,
Смотрят в разные три стороны.
Зелень лавров шумит на дороге одной,
Голубые просторы видны.

Мироздания тайны и звезд хоровод
Ждут меня на дороге второй.
Вот и третья – она по ухабам ползет,
Извиваясь голодной змеей.

Три пути, три дороги лежат предо мной.
«Ну, куда ему?» – каждая ждет.
Если первой пойду – золотою струной
Мир вокруг зазвенит, запоет.

А пойду по второй – распахнутся, маня,
Мне ворота от тайн бытия.
А на третью ступлю – будет жалить меня
Нищеты и страданий змея.

Я хотел бы по первой пойти, по второй –
По дорогам прекрасной мечты.
Но безжалостно тянет меня за собой
Этот страшный удав нищеты...

**AVE, VITA, MORITURUS TE
SALUTAT!***

Полюбил я это небо,
Это солнце золотое,
Зелень буйную повсюду
И росы хрусталь прозрачный.

Полюбил я эту деву,
Что еще ясней, чем солнце.
Что еще нежней, чем травы,
И росы прозрачной чище.

* Объяснение слов и фраз, помеченных звездочкой, см. в примечаниях в конце книги.

Я всегда стремился к счастью,
Как и этот мир огромный, –
Тот, что сбрасывать оковы
Только-только начинает.

Исполинскими делами
Я надеялся заняться,
Жил мечтами о свершеньях
Прометея и Геракла.

Но березкою зеленой,
Не успевшей распуститься
И подточенной червями,
Я безвременно погибну.

Я безвременно погибну,
Даже сил не испытавши.
Все, что мне свершить мечталось,
Уношу с собой в могилу.

Уношу любовь с собою
К миру этому, который,
Как большой бутон прекрасный,
Скоро станет раскрываться.

Хоть рассвета не дождался,
Но его взрастил я в сердце.
Уходя из этой жизни,
Мир приветствую грядущий.

Евген ПЛУЖНИК

(1898-1936)

Евген (Евгений Павлович) Плужник – самобытный украинский поэт, родившийся в воронежской Кантемировке. Первые стихи подписывал литературным псевдонимом Кантемирянин. Автор нескольких сборников стихов, романа, пьес и киносценариев. Переводчик на украинский язык произведений Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Чехова, М. Шолохова, М. Горького.

Первые на родине поэта, в Воронеже, книга его избранной лирики была издана в 1992 году. Одним из составителей сборника был Е. Новичихин.

* * *

Упал – вставай у стены! –
Он – за крыльцо рукой...
Вспомнил: теперь у жены
Ни гроша за душой.

Страх превозмог и боль,
Видя нагана оскал.
Будто немую роль
В пошлой сценке играл.

Только свело лицо –
Хлеба нет у жены...
Крыльцо.
Труп у стены.

* * *

Стиснул зубы. Потупил взгляд.
За оградой село пылало.
Кто-то в спину ему – приклад:
– Вас немало!

Сухо шелкнул старый наган
(Нота главная в новой гамме...)
И вечерний лежал туман
Над хлебами.

Кто-то свистнул, пугнувши тишь.
На тачанки! – ищи, где знаешь!
Поле, поле!
Что ж ты молчишь?
Не рыдаешь?

* * *

Ничего ему старый отец не сказал.
Молча вывел коня за ворота.
Потихоньку осенний свет разливал
По степи позолоту.

Первый снег полетел позолоте вдогон.
Весть пришла в помятом конверте.
За далекое завтра он
В бурьян головою – к смерти.

То вода... То скотина... А день за днем...
Вновь подворье взялось травой...
Сердце, сердце! С твоим огнем –
Да в бурьян головою!

* * *

Читаю Синклера, хожу – ищу работу.
А рос мечтателем таким в краю лесов!
О прошлом в голове – Гораций, с детства что-то,
А о грядущем – много тысяч слов.

Решусь когда-нибудь – закрою сердце, уши!
Все безразлично мне – я так устал!
Про будущее все я переслушал,
А о прошедшем все перечитал.

* * *

Торгуем всем, что только продается, –
Словами, лесом, жизнью и сукном...
Но все ж не каждый за аршин берется, –
Я, как всегда, мечтаю за окном.

Что я продам? Мечты? Сердцебиенье?
Иль карандаш, истершийся вконец?
Да у кого ж появится сомнение:
Какой там из мечтателя купец!..

Но знаю, верю – день настанет скоро! –
Всю землю опояшет миг такой,
Что над базаром руку фантазера
Пожмет рабочий сильною рукой!

* * *

И снова сумрак со страницы
Все буквы выкрал, все слова...
На плечи тихо мне ложится
Вечерней тени синева.

В проемах окон, как в тумане,
Не город – степь я узнаю...
И сразу груз воспоминаний
Теснит, сжимает грудь мою.

Промерзлый шлях. Летят тачанки.
Здесь человек ничтожно мал!
А на снегу из чьей-то ранки
Узор кровавый запетлял.

Молчи, строка! Прошу – ни слова!
Пусть боль моя уйдет скорей!
...А за окошком город снова
И мертвый отсвет фонарей...

* * *

Вздохнула: «Ну что ж ты так бледен,
сынок?» –

Ответить словами какими?

На север,

На запад,

На юг,

На восток –

Лишь трупы да волки над ними!

Тяжелые веки падут на глаза,

К рукам моим – матери губы...

А вижу –

Кровавая всюду гроза...

И трупы!

И трупы...

«В глазах моих, мама, от крови темно!» –

Слезу набежавшую прячет...

На поле несжатое смотрит в окно –

И плачет...

Далекое завтра! В кровавой пыли

Какие ты зерна посеешь?

...Ой, мама! Ну что же

так сердце болит?

И ты не согреешь!

* * *

Плакала ты. Свою спину устало

Прятал день под крышами дач.

И лишь эта вздорная фраза витала:

– Полно, не плачь.

Полно? Не плачь? Иногда сморозим

Дикость такую в глупых словах!

Взять бы сердце свое – да оземь!

– Ах!

Вскрикнула б вдруг. И вмиг услышала
Дальних путей-дорог моих гул.
...День под крышами дач устало
Свою спину гнул.

* * *

Как видно, снова будет недород:
Весна без снега, а мороз все круче.
Бледен небосвод
И обестучен.

Вечеря наша скудная грустна.
Всего – еды и слов – здесь понемножку.
Сдается, что сегодня не одна
Рука
несет ко рту пустую ложку.

Молчит и дед. То ль слов недостает,
То ль мысли все вразброс – куда попало.
Видать, гнедую город отберет,
А пегая сама зимою пала...

* * *

Пропало сено! Только покосили,
Да не прибрали – ливень не дает!
Уж третьи сутки хлещет что есть силы,
Причем всего усердней – на мое!

А что поделать! Ешьте, жеребята!
Лежу. Одолевают грусть и лень.
Из-под стрехи в объяття листьев мяты
Больше капли падают весь день.

* * *

Пролился дождь, за много дней впервые
Лицо полей иссушенных омыв.
И сквозь густые сеты дождевые
Зарделись, засветились щеки нив.

А вскоре жар совсем исчах громами,
И в радугу оделся небосвод.
Уж, встретившись с крестьянскими глазами,
Не сразу в них читаешь: недород!

Под вечер жабы оргию подняли.
Она такой веселою была!
И робко, будто шепотом, звучали
В ночной прохладе песни у села.

А снилось так: горячий южный ветер,
Блестит коса гадюкою в росе...
И снова фразы бойкие в газете
О том, что нынче с хлебом будут все!

* * *

Все ближе дождь. Березы зашумели...
Рвут молнии свинцовых туч рядно...
А дюжий гром такие выдал трели,
Что от испуга звякает окно!

А на мосту скрипят возы натужно...
Под стадом глухо стонет оболонь.
Вдруг застучали капли дробью дружной...
И снова ветер, грохот и огонь.

И вот туман плывет, бредет по полю,
Чтоб солнцем расцвести в последний миг,
Чтоб вновь читал с надеждою и болью
Я строчки писем выцветших твоих...

* * *

Когда опять сентябрь золотоглавый
Шагает плавной поступью своей,
Когда, лаская озимь и отавы,
Он в косяки скликает журавлей,

Люблю смотреть на вспышки звезд падучих,
Летящих в небе, как из-под кресал.
Как будто плотник огненную кучу
Серебряных опилок разбросал...

А даль – в зарницах! Утомившись, надо
Природе отдохнуть в красе такой.
За страстность лета высшая награда –
Покой.

* * *

Все дольше говорим, собравшись вместе,
И все слышнее тиканье часов...
Пришло покоя зимнего предвестье –
И хмарь, и грусть осенних вечеров.

И так приятно у стола склониться,
Нырнув надолго в папиросный дым,
Листать романа старого страницы.
Нет, не читать его – мечтать над ним!

Ложиться спать под утро, на рассвете...
А на столе Некрасов и Барбье...
...А дождь шумит, и волосатый ветер
Гудит в трубе.

* * *

Не хутор – а темница. Тихо-тихо.
Повсюду лес – береза да сосна...
И книжек нет совсем – такое лихо!
А главное, дождливая весна.

Но не тревожусь я, что овладела
Вода землей и небом – всем вокруг.
Усевшись на амбаре, то и дело
Глядит журавль растерянно на юг...

Когда же дух промозглости и прели
Овеет хутор, околдует сад,
Я буду рад сквозь поздний свет апреля
Безвременный увидеть листопад.

* * *

Четвертый день горячий суховой
Звенит песком, в окно мое стучится.
Хандра такая! Я в судьбе своей
Перевернул еще одну страницу...

Потерянный, подавленный хожу,
Как будто весь в комок смятенья сжатый...
И лишь тебе, тебе одной скажу,
Как больно мне, когда минула жатва!

* * *

Сердце – удивительная пташка –
Все бы петь неугомонно ей!
А в груди порой бывает тяжело,
Не до песен голове твоей...

Если ж пустота владеет грудью,
Голова безмыслия полна,
Значит, все. Тебя уже не будет.
Смолкла пташка. Не споеет она!

* * *

Мудростью нельзя прожить чужою, –
Надо ошибаться и самим.
...Сколько слов осталось нам от Трои –
Тех, что взял себе на оды Рим?

Вчитывайся даже в запятые,
Каждой строчкой пищу дай уму.
Но, ошибки выучив чужие,
Лучше ошибаться самому!

* * *

Напишешь, рвешь... И пишешь снова!
И снова результат не тот...
Пока истертых слов полову
Усталость в памяти сожжет!

И в уголочках вздрогнут губы...
Но как же истина нудна!
«Хоть все слова возьми, мой любый, –
Души не вычерпать до дна!»

Пусть весь ты скован вдохновеньем,
Пусть каждый нерв натянут твой, –
Умей зевнуть без сожаленья
Над неоконченной строкой.

* * *

Целый день шалют сегодня нервы,
Настроенье взяв мое в осаду, –
Астры, что мороз пометил первый,
Принесла ты в комнату из сада...

Стебли, чуть живые от остуды,
Тихо мне на книжку положила.
Ощутил я сразу, как оттуда
Смертный холод побежал по жилам!

И гнетуще надо мной нависло
Чувство то ль утраты, то ль разлуки...
И невольно коченеют мысли...
И невольно коченеют руки...

* * *

Теперь меня волнует мало
Все то, что заперто в слова:
Не запьянеет, как бывало,
От звонкой фразы голова.

Под шелест праздных разговоров
Все чаще хочется молчать
И легковесный стих, который
Строчил от скуки, не кончать.

Ведь лишь такое слово вечно,
Когда откликнется в душе
Все то, что неподвластно речи,
Где нет нужды в карандаше!

* * *

Бушует море. Новый вал идет.
И все дрожит от грохота и воя.
Как будто вырвал шквал
весь хаос вод
Из самой бездны вечного покоя.

А где-то там, в бездонной глубине,
Подвижно все. Поверить невозможно!
И лишь дельфин в притихшем табуне
Глядит в глаза детенышу тревожно.

О хаос, как познать тебя, скажи!

* * *

Две параллели, два меридиана –
Вот твой квадрат. Живи. Твори. Сгорай.
Тут тверди тень. Тут, трепетный и странный,
Замкнулся свет. Тут – Тигр, Евфрат и Рай.

Настанет час – тут Ева будет тоже...
Час пролетит – и мир утратишь ты...
И переступишь грань какой-то, может,
Незримой долготы и широты.

И будет снова: два меридиана,
Две параллели – твой квадратный рай.
И тверди тень. И, трепетный и странный,
Бессмертный свет... Живи! Твори! Сгорай!

* * *

Линяют краски... Тихнут голоса...
И души молкнут... Принимай. Не сетуй,
Всю тишину в себе, как дар, неся, –
Дар взлетам и паденьям жизни этой.

Спи лежнем иль бросайся в жар труда,
Застынь, как пень, иль топай общим строем, –
Лишь не спеши остаться навсегда
Наедине с собою.

* * *

Окошко в сад. Таблеток мертвый дух
Собой затмили запахи живые.
Скажи, болезнь, как превратила вдруг
Ты маленькие радости в большие?

А не таит ли твой упрямый жар
В себе каприз загадочной природы, –
И радость жизни – лишь совместный дар
Фармакопеи и температуры?

* * *

Вечереет... Мгла легла на море.
Так негромок, робок плеск волны.
Гаснут звуки. В их нескладном хоре
Все слышнее голос тишины.

Ночи провозвестница-предтеча,
И душе отрада, и уму, –
Все живое тянется навстречу
Ровному дыханью твоему!

Хлынь на землю, звуки поглощая,
Грянь из бездны вечной немоты,
Где, седые молнии метая,
Мирозданье созидает ты!

* * *

Когда-то пышный храм здесь был.
А ныне,
Шатер раскинув посреди руин,
На солнцепеке дремлет бедуин,
И тени туч гуляют по пустыне.

Невдалеке, привыкшие к безлюдью,
Шагают два верблюда не спеша.
И бедуинка кормит малыша
Своей до срока высохшею грудью.

Она поет и смотрит в даль пейзажа
Немого, что оставил ей гяур.
На те пески, где не отыщешь даже
Следа держав, народов и культур...

* * *

Суди меня сурово, современник! –
Потомки беспристрастные простят
Мои ошибки мне и заблужденья.
Простят и запоздалую печаль,
И радость преждевременную тоже, –
Им искренность моя понятной будет.

* * *

Одолено упрямство Изабеллы,
И завершились споры многих дней, –
И вот Колумб выводит каравеллы
На долгий, тяжкий путь мечты своей.

То шторм, то снова штиль. Идут недели,
Но впереди не видно берегов.
Неужто бред – и довод Тосканелли,
И смутные догадки моряков?

Быть может, все напрасно, все впустую
И Индию не суждено найти?

Неужто море землю молодую
Из вод своих не вздыбит на пути?

Но сквозь туман уже летит упрямо
Земли предвестник – голубь за кормой.
Уже звенит над палубою пряный,
Такой желанный бриз береговой.

Земля! Земля! Закончились мученья!
Был не напрасен труд и точен румб!
И голод, и насмешки, и сомненья, –
Все позади. Колумб!

Колумб!

Колумб!

Выходит он. Уверенно ступает
На землю долгожданную нога...
...И, Индию открывший, обнимает
Америки какой-то берега!..

* * *

Вновь за окном ненастье разыгралось...
Вновь по палате серый мрак разлит...
Хандрю, скучаю... Небольшая радость –
Хронический плеврит.

Стал узким мир, пространство замыкая,
Где нас лишь трое, как ни посмотри:
Я сам да боль (душевных не считая),
Да беленький халат сестры.

Что ж! Так и быть! Лежи, глотай микстуру,
В термометре проворном грея ртуть...
Да утешай себя (с тоски, с испуга, сдуру?),
Что все пройдет, как только
спину разотрут!

* * *

Взгляд очей наивных ваших
И глубокий платъя вырез
Так настроили поэта
На высокий лад лиричный,

Что я мог бы очень долго
(И вполголоса, конечно)
Говорить вам о прекрасном
Душ родстве и единенье.

Про Любовь и про Страданье
(Все, прошу, с заглавных литер),
Тут же, к слову, намекая
На цинизм эпохи нашей.

Я бы так проникновенно
Мог сказать об этом, если б
Нудным то нам не казалось,
Что давным-давно известно!

И поэтому лишь молча,
В ожидании смотрю я
В очи ваши, что наивны,
На глубокий платъя вырез...

* * *

Однообразно, безысходно
Кончалось лето. Рад, не рад, –
Встречай спокойно переходный,
Пришедший рано листопад.

И, спрятав сгорбленную спину
В объятья теплого пальто,
Нудливый запах нафталина
Вдыхай, как аромат цветов.

И начинай тихонько новый
Строчить про день весенний стих,
Такой же, может, бестолковый
И недостойный сил твоих,

Как и прошедшее – такое
Пустое лето... Рад, не рад, –
Но лиру на весну настроил
Предзимний этот листопад.

Костис ПАЛАМАС (1859-1943)

Греческий поэт, лауреат Национальной премии в области литературы и искусства (1914), автор Гимна Олимпийских игр (1895). Стихи К. Паламаса в переводах Е. Новичихина опубликованы в ряде сборников, изданных в Афинах, в русскоязычной греческой периодической печати, в антологии «Новогреческие поэты», изданной в Воронеже (2002).

ОЛИМПИЙСКИЙ ГИМН

Бессмертный, благородный дух отцов,
В сердцах потомков возгорись, как пламя,
Сойдя на Землю с высоты веков,
Во всей своей красе предстань пред нами.

Метанье диска, и борьба, и бег –
Победа к сильным пусть придет и к смелым,
И пусть венчают ветки лавра тех,
Кто так прекрасен и душой, и телом.

Поля, моря и горы – все вокруг
Пусть огласится величавым звоном, –
Как Храм, в котором жив древнейший дух,
Куда любой из нас идет с поклоном.

ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ

Такой, как есть – с душою, что болит,
И с сердцем, где покою места нету, –
Из сильных мира этого, кто сыт,
Я ближе всех и к истине, и к свету.

И именно поэтому кипит
Во мне совсем не сытость – истощение,
А к сильным мира этого, кто сыт,
В душе и в сердце – камень и презрение.

РУСАЛКА СЛОВ

Из будущего о победе весть
Принес тебе я, о язык народа.
Русалка слов, в твою сегодня честь
Звучит моя торжественная ода!

Как свет звезды далекой, что возник
Там, где-то во вселенской круговерти.
Та весть веками шла к тебе, язык
Эллинов гордых – победитель смерти!

Я ВИДЕЛ МОРЕ...

Я видел море в страшный час, когда
Его трясло от грохота и воя.
И думалось: быть смертным плохо, да, –
Но быть несчастным – это хуже вдвое.

Я видел зимний неуютный лик,
Когда от стужи даже сердце сжалось.
И мне, простому смертному, в тот миг
Зима самым несчастьем показалась.

Я видел, как на землю шла весна
И изумрудный блеск несла с собою.
Всех освещала ласково она –
И смертных, и несчастных – Добротою...

Константинос КАВАФИС (1883-1933)

Греческий поэт, считающийся реформатором новогреческой поэзии. В переводах Е. Новичихина его стихи опубликованы в антологии «Новогреческие поэты» (Афины, 1996; Воронеж, 2002), в ряде сборников, изданных в Греции.

МОНОТОНΙΑ

И снова,
 многократно-многотрудный,
День, завершая путь,
 уходит в тень.
Его спешит сменить
 такой же нудный,
Такой же монотонный
 новый день.

И месяцы – все как один
 похожи,
И дел одних и тех же
 вьется рой.
Похоже все.
 Но я, вчерашний,
 все же
Был не таким.
 Сегодня я – другой.

МОЛЪБА

Не возвратился моряк –
Сгинул в бездонной пучине.
Мать же, не зная о том,
Молится дома о сыне.
Перед иконой зажгла
Свечку она и, рыдая,

Просит: «Сыночка храни,
О, Богоматерь святая...»
Был Богоматери взгляд
Полон тоски и печали,
Словно иконы глаза
Весть о беде излучали...

ДУШИ СТАРИКОВ

В одряхлевших телах стариков,
Как под грузом тяжелых оков,
Одинокие души живут.
Горек этот последний приют.

Хоть и каждый душой не старик, –
Только выбраться как из вериг?
Кожи дряблой не пустит стена,
Вся в морщинах-решетках она.

Их стенанья не многим слышны.
То трагичны они, то смешны.
Столько в них и страданья, и боли!
Но сидеть суждено им в неволе –
В обреченных телах стариков...

КЛЯНЕТСЯ

Клянется каждый день,
себе давая слово,
Жизнь изменить свою.
Но ночь приходит снова.
Она влечет к себе
соблазнами привычно
И радости сулит,
легка и динамична.
И тело, и душа
с ней воедино слиты.
И клятвы так смешны.
И тут же позабыты.

МИРТИОТИССА (Теони ДРАКОПУЛУ) (1881-1973)

Греческая поэтесса и актриса, лауреат Государственной премии Греции (1939), Поэтической премии Румынии (1940), двух литературных премий Афинской Академии (обе – 1940). Ее стихи в переводах Е. Новичихина опубликованы в антологии «Новогреческие поэты» (Афины, 1996; Воронеж, 2002), в греческой русскоязычной периодической печати.

РАЗЛУКА

Мальчик мой,
 мой птенчик золотой,
Не сдержат ни боли мне,
 ни стона...
Год уже, как черною тропой
Ты ушел в объятия Харона.

Я теперь –
 гнездо, чья жизнь пуста.
Радости бредут,
 меня минуя.
И осиротевшие уста
Не найдут
 родного поцелуя.

Руки –
 те, что нежности полны
Были прежде –
 словно неживые.
Кажется, что им нанесены
Страшные порезы ножевые...

О, ДЕРЕВЬЯ!

Каким, о, деревья,
жестоким был тот человек,
Что вас огораживал
каменной толстой стеною...
За ней вы сокрыты,
и сердце мое
Болят и печалится,
рабство увидев такое.

Вас солнце вскормило.
Вы – дети свободных лесов.
Росли вы в объятиях
свежего горного ветра.
Но выкрали вас
из зеленого нежного царства,
И ваша тоска, ваша боль
высока и безмерна.

Уж лучше бы молния
вас изничтожила разом,
Чем чахнуть за этой стеною,
в хозяйском дворе,
И чувствовать, как
где-то радостно солнце восходит,
И знать: его свет не прольется
по вашей коре...

ПЛАЧ ДОЖДЯ

Плачет дождик под ночную сенью.
И от боли в сердце нет спасенья.

Как дитя, баюкает он сердце.
Но куда от этой боли деться?

Жить от перебоя к перебою –
Сердцу так назначено судьбою.

Сердце! Боль надеждами врачуя,
Выдержи и эту боль, прошу я.

Может быть, Господь, хоть на мгновенье,
Даст тебе покоя и забвенья.

Плачет, плачет дождик проливной...
Он, как видно, сам уже больной.

Плачет и в печали, и в тревоге,
Будто к смерти нет другой дороги...

Костас КАРИОТАКИС (1896-1928)

Греческий поэт, получивший литературное призвание только через несколько десятков лет после смерти. Стихи К. Кариотакиса в переводах Е. Новичихина опубликованы в антологии «Новогреческие поэты» (Афины, 1996; Воронеж, 2002), в ряде сборников, вышедших в Греции.

УХОДИ...

Уходи, оставь одного, не надо
бередить душевную рану,
Я вижу: ночь надо мной
опускается ранняя.
В твоих руках лишь одним лепестком
увядшим я стану,
Пройдут, исчезнут все боли твои,
все страдания...

Уходи, как годы, где были только
желанные струи
Твоих объятий
и слов дорогое звучание.
А мне теперь лишь материнского
ждать поцелуя,
Что мать-земля нам дарует
в минуты прощания.

Уходи, дыханье твое волнует,
моему дыханию вторя.
Меня же влечет к тишине,
и к покою, и к вечности.
Зовут они, как зовет моряка
могучее море, –
Туда, к нулю абсолютному
и к бесконечности...

**У ПАМЯТНИКА СВОБОДЕ,
ОСВЕЩАЮЩЕЙ МИР**

Свобода. Свобода, уйдя в поднебесье,
твоя корона еле видна.
Туристы, глаза, стоят у подножья
и удивляются: «Матерь Божья,
А сколько ж ее подкова весит,
сколько же долларов стоит она?»

Свобода, Свобода, тебя продают
концерны, банкиры, евреи –
За все нескончаемые долги,
за все неоплаченные грехи,
О чем впоследствии узнают
люди по портретам Дориана Грея.

Свобода, Свобода, тебя зовут
и деревни, и города миллионные,
Далекие леса, ограбленные сады –
ждут, как награду за борьбу, за труды,
Люди одной надеждой живут,
но сходят в гроб,
в тебя так и не посвященные.

КАКИЕ МОЛОДЫЕ...

Сюда, до пустынного острова, как
такие юнцы дошли –
До мест, которые чуть ближе грез,
но дальше края земли?

Дошли потихоньку, когда покидал
нас самый надежный друг.
Тащили с собой и вечную боль,
и вечных терзаний дух.

Пустыми глазами глядели вперед.
Был путь у каждого свой,
Хоть шли, разбивая ноги в кровь,
одной и той же тропой.

Мы чувствуем, как наше тело болит,
тяжелое, словно чугун,
И слышим свой голос – такой чужой,
похожий на эха гул.

На острове этом далеком мы –
как будто в гостях у сирен.
Нас в плен каждодневная смерть берет,
берет одиночество в плен.

Мы живы здесь, пока солнечный луч
живет, пробивая мрак,
Мы живы, пока летит ветерок.
И все мы молоды так!

Однажды ночью на этой скале
оставил нас, молодых,
Корабль, что ныне теряется там –
в бескрайних просторах морских.

Растерянно спрашиваем себя:
– Что с нами? И что со мной?
И гаснут души. Уходим мы.
И каждый – такой молодой...

Милтиадис МАЛАКАСИС (1896-1943)

Греческий поэт, прозаик и переводчик, лауреат Национальной премии в области литературы (1923). Стихи М. Малакасиса, переведенные Е. Новичихиным, опубликованы в антологии «Новогреческие поэты» (Афины, 1996; Воронеж, 2002).

ЛУНА

Кудри твои серебристые
Не теребил я, лаская,
Глаз твоих омуты чистые
Не целовал никогда я.

Лишь ветерка дуновение
Было мне словно объятья,
Только в реке отражение
Мог до утра целовать я...

Георгос СЕФЕРИС (СЕФЕРИАДИС) (1900-1971)

Греческий поэт, эссеист, профессиональный дипломат. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1963). Стихи Г. Сефериса в переводах Е. Новичихина опубликованы в антологии «Новогреческие поэты» (Афины, 1996; Воронеж, 2002), в ряде сборников, вышедших в Греции.

ОТРИЦАНИЯ

Катилась к берегу волна,
Она такая голубая,
Но мы томились жаждой, зная:
Вода морская солона.

На глади зыбкого песка
Писали имена устало,
Дул бриз морской – и исчезала
Любви последняя строка.

Нам в жизни путь совсем иной
Дыханье, сердце подсказали,
Но мы подсказку отрицали –
Пошли ошибочной тропой.

СВЕРЧКИ

Сверчками переполнился наш дом,
Они забились в щели, задыхаясь,
Как эти дни, в которых мы живем,

Которые нас топчут, бьют нещадно,
А мы покорно, молча терпим все –
Забившись в щели: день прошел – и ладно.

Когда-то, я слышал, во тьме ночной
В пещеры предки наши зарывались,
Чтобы своею управлять судьбой,

Но мы на дальних предков не похожи.
Гиперборейцы мы, – конечно, нас
Узнали вы, мы вас узнали тоже:

Вы негры, вам к лицу ваш черный цвет,
Тела у вас красивы и огромны,
Да и язык на месте – разве нет?

Мы все страдаем, жизнь – не жизнь, а мука,
Но мы молчим, и все молчат вокруг:
Ни голоса, ни шепота – ни звука.

А мир наш грешный, временем влечен,
Спешит неумолимо к катастрофе,
Туда, где жизнь и смерть – все кувырком.

...Сверчками переполнился наш дом.

Яннис РИЦОС

(1909-1992)

Греческий поэт, переводчик и революционный деятель. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1977). Стихи Я. Рицоса из книги «Эпитафия» (1936), переведенные Е. Новичихиным, опубликованы в антологии «Новогреческие поэты» (Афины, 1996; Воронеж, 2002), в ряде сборников, вышедших в Греции.

ИЗ «ЭПИТАФИИ»

1

Сыночек, родной, плоть от плоти моей,
 моя бедная птичка,
Цветочек в пустыне моей,
 моей жизни и сердца частичка,
Как горе мое безутешно,
 как тягостны ночи и дни, –
Но глазки закрылись твои,
 моих слез не увидят они.

Сыночек, ты боли лечил мои все,
 что не видимы глазу,
Все то, что скрывали ресницы мои,
 ты угадывал сразу.
Теперь не утетишь меня
 и не скажешь ни слова в ответ,
И рану мою, что меня убивает, –
 не вылечишь, нет.

В ладонях своих приносил ты мне воду,
 родная кровинка,
Сегодня не видишь, что страшно мне, –
 вся я дрожу, как травинка.
Я пряди волос поседевших
 у всех на виду распускаю

И ими лицо твое, птенчик мой,
мраморный мой, накрываю.

Холодные губы твои я целую
в тоске и печали,
Как будто обиделся ты на меня –
и они замолчали.
Ты даже не плачешь, сынок,
и я грудь свою не обнажаю,
Я ею кормила тебя,
а теперь в нее ногти вонзаю.

4

Как зол был тот рок, мой родной,
что решил наши судьбы с тобою,
Зачем он вошел в мое сердце
безмерною болью такою?

Ты рано вставал – не светила
еще и заря небосклона,
Твой голос звенел каждый раз
впереди колокольного звона.

Рассвет торопил ты всегда
и в окошко глядел виновато,
Как будто, явившись на праздник,
ты все торопился куда-то.

Темны были очи твои,
и сурово был сжат подбородок,
Как тигр ты был смел, мой сынок,
как соловушка, нежен и кроток.

А я, горемыка, о многом
и знать-то не знала,
Пекла тебе яблоки,
мысленно каждый твой шаг целовала,

Я каждую радость твою целовала,
мой добрый, и звонко,

Смеялась сама, эту радость заметив,
как будто девчонка.

Ах, если б мне знать,
где мгновения этого страшная точка, –
Да разве б не кинулась я,
не закрыла от пули сыночка?

Но я прибежала так поздно,
когда ты закрыл уже веки...
Будь проклят тот час, лучше б мир этот
сгинул в сознание навеки.

7

Самой красотой ты был,
ты был нежен, как очарованье,
Как запах фиалок из нашего сада,
как ветра дыханье.

Шагал ты легко, как олень молодой,
поражал быстротой.
И только ступал на порог –
всех вокруг полонял добротой.

Ответь: как теперь в опустевший мой дом
понесут меня ноги?
Как будто зарю занавесила ночь
и не видно дороги.

Так губы мои запеклись,
что прохладною даже водою
Нельзя утолить эту жажду.
Мой мальчик, я рядом с тобою,

Кричу я, зову я тебя
и о помощи к небу взываю.
А, может, мой птенчик устал?
Не будите его, умоляю.

Кто отнял его у меня,
уходившего в мир без опаски?

И губки бледны у него,
и закрыты любимые глазки.

О, дайте мне когти, орлы,
помогите мне силы умножить,
Хочу я скорей полететь
и те злые сердца уничтожить.

8

Покинул меня на кого ты,
куда от меня улетел?
Без птички пустой стала клетка,
родник без воды опустел.

Не знаю, как жить мне отныне
в объятьях сплошной пустоты:
Ведь был для меня и владыкой,
и шустрым воробышком ты.

Кормила его я с ладони
по зернышку жизни своей,
Что шла под раскидистой тенью
твоих, моя вишня, ветвей.

Чью верность, мой мальчик, в награду
хотелось тебе обрести?
Блистательным всадником был ты,
не знавшим преград на пути.

Рассеивал мрак ты и рвался
из плена удушливых стен,
Ко всем, кто гибается, стонет,
ты шел – поднимал их с колен.

Ты миру всему без остатка
себя подарил, как весну, –
Все-все подарил, без надежды
оставив меня лишь одну.

Не знаю, как быть мне, родной мой:
терзаться, сдаваясь судьбе,

Иль выжить и гордо подняться,
став долгою славой тебе.

Как бусинки, смех твой катился,
мне радовал сердце, звеня,
Теперь я его вспоминаю –
и душат рыдания меня.

15

Когда вечерами на лодки
смотрел ты, сынок, из окна,
Широкий проем закрывала
могучего вида спина.

И тень твоя, словно архангел,
весь дом покрывала тогда,
И только над ушком над самым
искрилась, играла звезда.

Воротами мира казалось
мне в эти минуты окно,
Как будто не к морю, а к раю
тропу открывало оно.

На самой границе заката
мигала звезда маяком.
Ты словно стоял у штурвала,
а домик наш был кораблем.

По звездной бескрайней дороге,
туда, где светлы небеса,
В вечерней тиши отправлялся
корабль наш, подняв паруса.

Да только штурвал тот сломался,
корабль потянуло ко дну,
В глубинах открытого моря
оставил меня ты одну.

Тону я и, видно, подняться
уже не смогу никогда.

Пытаюсь за что-то хвататься,
но всюду – вода и вода.

И даже понять не могу я,
совсем отдаваясь волне:
Вверху я пока еще или
уже оказалась на дне...

Никифорос ВРЕТТАКОС (1912-1991)

Греческий поэт, лауреат Государственной премии Греции (1940, 1956), литературной премии Афинской Академии (1977). Стихи Н. Вреттакоса в переводах Е. Новичихина опубликованы в антологии «Новогреческие поэты» (Афины, 1996; Воронеж, 2002), в некоторых сборниках, изданных в Греции.

ВЕСНА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Весна,
Я в тебя навсегда влюблен,
Ты похожа на мир,
На улыбку апреля.

Весна,
Ты похожа на прекрасных мадонн,
Кормящих детей,
С картин Рафаэля.

Весна,
Ты будешь
Вечно со мной –
Звучащей в душе мелодией.

Весна,
Ты – предвестье любви большой,
Ты словно звездный дождь проливной,
Как рек и стихов
Полноводие.

* * *

Глядит на меня мой дом родной,
И я на него гляжу, –
Как будто в ладонях перед собой
Я сердце свое держу.

Гляжу неотрывно в проем дверей –
Вернувшийся блудный сын –
И вижу, как мама спешит скорей
Разжечь холодный камин.

Как будто сердце в руках держу,
Где память –
 комок горячий.
Боюсь войти.
 И не вхожу.
За дверью с трепетом сию –
И плачу...

Георгиос КОДЗЮЛАС (1909-1956)

Георгиос Кодзюлас вошел в литературу как поэт греческого Сопротивления (1946-1949). Автор многих сборников стихов, а также нескольких прозаических произведений. Перевел на греческий язык знаменитый памятник французской литературы «Песнь о Роланде», карело-финский эпос «Калевала», произведения Ф. Достоевского, М. Горького и других классиков мировой литературы. Известен также как драматург и литературный критик.

Стихи Г. Кодзюласа в переводах Е. Новичихина опубликованы в двух книгах Н. Козмаса, посвященных памяти поэта (Воронеж, 2005; 2006).

ГАКИС СПИРОС

Хвала тебе, Гакис, друг старый и преданный мой,
Хвала тебе, сокол наш, – смелый, свободный и гордый.
С врагом ненавистным решительно ринувшись в бой,
Могуч ты был духом, победною поступью твердой.

Израненный пулями весь, ты фашистов поверг
В такое смятение старым своим пистолетом,
Что руки они поднимали безропотно вверх:
Вернувшись к своим, ты и пленных доставил при этом.

И ты, наш герой, с патронташем крест-накрест своим
И с красою феской, уже повидавшей немало.
Был символом храбрости, мужеством был ты самим,
Свобода сама над твоей головою витала.

Лишь чашка кофейная дрогнет в руках старика,
Когда в магазине вопрос зададут ненароком:
«Как, мастер Алексис, твой сын? Не вернулся пока?
Тревожно сегодня в горах, в поднебесье высоком...»

Но время придет – мы в Яннину вернемся опять
И кофе, как прежде, попьем со своими друзьями.
И руки Алексиса больше не станут дрожать,
И флаг не чужой будет радостно реять над нами!

СКАЗАЛ НАРОД

«Я голодаю, – мне сказал народ. –
Порою даже хлеба нет ни крохи.
Когда буквально подвело живот,
Зачем мне поэтические строки?»

Ну, что, поэты, с вами делать мне?
Какой-то странной жизнью вы живете:
Все пишете о звездах, о Луне...
А захотите жрать – в мой дом идете.

А в этом доме – гаснущий очаг,
И нищета здесь властвует привычно.
А у жены, детей – печаль в глазах,
И красота стихов им безразлична.

Понятен людям будет только тот,
Кто изопьет из этой горькой чаши
И краткой мнимой славе предпочтет
Сражение за права святыя наши».

ПАРТИЗАН

Я видел многих на своей дороге:
Встречал я и бесстрашных хайдуков,
И воров, что свои уносят ноги,
Ограбив спекулянтов-хитрецов.

В столице обо мне не молкнут споры,
И многим непонятна жизнь моя:
Со мною рядом только горы, горы,
И никому здесь недоступен я.

Теперь всегда я буду с пистолетом:
Шесть пуль – и ни одной ошибки нет.

Знай ты, Алексис Будурис, об этом,
Отдал бы разве этот пистолет?

С ним расставаться никогда не надо:
Враги не спят, хотят найти твой след.
Он – как подарок лучший, как награда –
Врученный другом меткий пистолет.

Я презираю гнусное бесчестье,
И враг мне ненавистен, и злодей,
И «пушка» эта на особом месте
И в сердце, и в поэзии моей.

РАЗБОЙНИКИ

Их все отродьем дьявольским зовут.
Смелы, грязны и с хитрыми глазами,
Там, на Сухой горе, они живут,
Привычно занимаясь грабежами.

Свой промысел освоив непростой,
Довольствуются радостью короткой:
У них полжизни – воровство, разбой,
Другая половина – за решеткой.

Любой из них всегда вооружен:
Стрелять они умеют метко, ловко.
Их не пугает никакой закон –
Страшна бандитам лишь одна веревка.

Не позовут голодного за стол.
Их память крепко занята одною
Привычной мыслью: кто куда пошел,
Кому, зачем и что несет с собою.

Как камни в их деревне, этот сброд:
Тяжелая, бездушная порода.
Они не стали защищать народ –
Они ушли к душителям народа.

Ваш Зервас позаботился о том,
Чтоб развивались в вас повадки зэка,
Чтоб стали для Эпира вы кнутом,
Слепым зверьем в обличье человека.

Жаль, разогнать мы не успели вас,
Но веселиться рано вам, я знаю:
Наступит ваш последний, судный час.
А я вас на бумаге проклиная!

МОСТ-ВОЛОСОК

Мой путь в горах... Он был всегда непрост.
А этот переход довел до жути:
Был подо мной по форме – просто мост,
Но я по волоску шагал, по сути.

По селам я ходил и деревням,
Где беднота голодная ютилась.
Такое мне встречалось! Но и там
По воздуху идти не приходилось.

Я к проволоке крепко был прижат,
Над пропастью моя нога скользила,
И страшно было посмотреть назад,
Да и вперед взглянуть мне жутко было.

А подо мной – зеленый серпантин
Реки Арахто шумно расстился,
И сделай я неверный шаг один –
В ее объятьях сразу б оказался.

Об этом бы никто и не узнал –
Ну, разве кроме волн, о берег бьющих,
Да устремленных в небо вечных скал
И ласточек, туда-сюда снующих...

КАТАХНЯС, ВОЕННЫЙ СУДЬЯ

В церквушке – люди. Вид у всех понурый.
Сидят, стоят... Тесно и душно тут.
Вот-вот сюда, напыщенный и хмурый,
Войдет Катахняс. Все покорно ждут.

О, христиане, всем вам будет худо!
О, бедные мои, так жалко вас!
И я уже готов уйти отсюда,
Но вот и он. Начнется все сейчас.

Мне и его, признаться, тоже жалко:
Он в старых и потоптанных лаптях,
В руках его пастушеская палка,
Ну, а под мышкой – множество бумаг.

На нем опять мужицкая рубаха.
Виновных, невинных – словно Бог,
Он судит всех, и все дрожат от страха.
...Здесь оставаться я уже не смог.

Своих, чужих – бьет всех он без разбора.
Решителен и беспощаден вид...
Катахняс, не боишься ли, что скоро
Кровь и твоя от страха задрожит?..

СТРЕЛЬБА

Во рву, издалека не видном глазу,
Мы учимся стрелять. Учусь и я.
Всех удивив, цель поразил я сразу,
Хоть камешка не кину в воробья.

Я в новом деле был настолько точен –
Цветка верхушку срезал как ножом!
А прежде был другим я озабочен:
В стихах писал о вечном об одном.

Учи, Стамулис Яннис, нас уменью
Противника мгновенно поражать.

Пройдя огнем и порохом крещение,
И я хочу бойцом бесстрашным стать.

Нас ждут бои нелегкие с тобою,
Пока же отдыхай от тяжких ран
И вспоминай любимую, какую
Давно пленен ты, храбрый капитан.

К Сухой горе поднимемся мы снова.
У каждого теперь рука тверда.
И, если будет к нам судьба сурова,
Останемся живыми навсегда.

РЕВОЛЮЦИЯ

Куда вы денетесь от тех, кто вечно в голоде!
Нет, вам не скрыться с наворованным добром,
И где б вы не были – в деревне или в городе –
Мы вас достанем. Мы повсюду вас найдем.

Куда вы денетесь, свое бросая логово, –
Все, кто веками одурачивал народ!
Перед иконой стоя, вдали даже Богу вы,
И не надейтесь, что теперь он вас спасет.

Куда вы денетесь! Страдания народные
Восстать заставят и голодных, и рабов.
Нет, не спасут и корабли вас быстроходные –
Догонят слезы и сирот, и бедняков.

Куда вы денетесь, нас пушками пугавшие,
Всем ненавистное нам племя богачей!
Пиная нас, вы сами, Родину продавшие.
Нас научили бить кровавых палачей.

Куда вы денетесь, бездельники и лодыри!
Стыда не зная, оседлали вы народ
И каждый день привыкли праздновать до одури,
Не замечая: эра новая идет.

Куда вы денетесь, душившие сознательно
И слово честное, и равенство, и труд!
Ведь семена великой Правды обязательно
И страшным гневом, и борьбою прорастут.

Куда вы денетесь, мерзавцы бессердечные,
Которым мало, чтоб давила нас нужда!
Законы ваши и указы бесконечные
Дают нам право лишь «заткнуться» навсегда.

Куда вы денетесь, куда – насквозь фальшивые,
Нас окружающие черной тучей лжи!
Скупив газеты – тоже гнусные и лживые,
В них о себе вы создаете миражи.

Куда вы денетесь с отъевшимися лицами,
На фронт нас гнавшие, чтоб умирать в бою!
А сами храбро вы «сражаетесь» с девицами,
В борделях грязных прожигая жизнь свою.

Куда вы денетесь с повадкой вашей барскою!
Зачем вам власть? Ведь не по силам вам она.
Не по плечу тягаться с силой пролетарскою
Таким, как вы. Идут иные времена.

ПАВШИЕ

Они уходят, наши парни, так нежданно –
Еще задор в глазах их юных не погас, –
Глубокой став, незаживающей раной
И горькой памятью, такой большой для нас.

Они уходят молчаливо, величаво,
В жестоком пламени сгоревшие дотла.
Ни почестей они не жаждали, ни славы,
К ним слава вечная сама теперь пришла.

В боях любой из них шел первым в наступление,
Сражаясь доблестно, последним отступал.
И только солнце не всходило, к сожалению.
И долгожданный светлый день не наступал.

Да, были лучшими из лучших вы, герои,
Враги вас даже не смогли сломать тюрьмой.
В горах вы жили лишь надеждою одною:
За дело правое пожертвовать собой.

Над Родиной своей вы разгоняли тучи,
Хотели, чтобы жизнь всегда была светла,
Чтоб стала вся страна единой и могучей,
Чтоб матерью она для бедняков была.

В объятиях земли своей непокоренной
Лежать вам суждено под нежной сенью снов.
Вас будет укрывать ковер травы зеленый
И воспевать в горах свирели чабанов.

А мы, неся за вас святую ношу долга,
Горячую слезу рукой смахнув с лица,
В сердцах своих нести вас будем долго-долго,
За правду и за честь сражаясь до конца!

НАШЕМУ АРИСУ

Ты помнишь, Арис, как полураздетым
Явился я к тебе на склоне дня?
Послал ты, зная, что в горах я где-то,
За мною партизана и коня.

Меня в горах то волки донимали –
От них я тут порядком пострадал,
А то валахи шкуру чуть не сняли –
Я и валахам ноги показал.

Играл со смертью я своею в прятки,
Играла и она в те дни со мной:
Ушла душа, как говорится, в пятки,
Когда боролся с бурной я рекой.

Но я забыл и тяготы, и муку,
И этот дикий холод у реки,
Когда ты, крепко мне пожавший руку,
Коснулся бородой моей щеки.

Я вообще забыл про все на свете
И видел только добрый свет в глазах,
Хоть понимал: глаза и руки эти
Смятение врагам несут и страх.

И ты мне, Арис, стал родным и близким,
Ты смог моей душою овладеть.
И, по снегам взбираясь фессалийским,
Готов был за тебя я умереть.

Хоть нас, голодных, силы покидали,
Мы – каждый – выполняли твой приказ.
Была тяжелой наша боль... Мы знали:
Не кто-то – греки убивают нас.

Мятежный гнев. Безудержная ярость
Нас с каждым днем душили все сильнее.
Мы этого не вынесем, казалось,
Но успокоить ты спешил друзей.

На перекрестках, всем ветрам открытых,
И днем, и ночью был с тобою я.
Нередко видел я тебя сердитым,
Знакомы смех твой мне, печаль твоя.

Ты первым – это я не забываю –
Мне руку протянул в суровый час.
Предателей, врагов своих карая,
Умел ценить ты каждого из нас.

ГЕНЕРАЛУ АВГЕРОПУЛУСУ

Был у судьбы, как видно, повод веский,
А, может, это предписал сам Бог,
Чтобы простой парнишка деревенский
Так высоко подняться в жизни смог.

Всегда ты помнил дни свои былые,
Сбывались твои детские мечты,
Но, получив погоны золотые,
Любви к народу не утратил ты.

Другие в храмах свечи зажигали
И резво упражнялись в словесах,
Но в час, когда нужны мужчины стали,
Ты первым сделал мужественный шаг.

И оказавшись там, в горах Эпира,
Ты, вдохновляя всех, ночей не спал,
Став для людей подобием кумира,
Душевный свой не растеряв запал.

Когда ж пришлось путем пойти нам ложным,
То, свой сдавая верный пистолет,
Ты, генерал, в предчувствии тревожном,
Не растерял свои надежды, нет.

Теперь ты далеко от нас, народный
Герой, Сопротивления борец,
Отдавший все, чтоб Родина свободной,
Достойной предков стала, наконец!

КАПИТАН КОЗЯКАС

Ты вспыльчивостью гордой отличался:
Горело все, к чему ты прикасался.
С твоей смешной бородкою казался
Несовместимым тяжкий патронташ.

Был с трусами ты на расправу скорый
И стал для революции опорой:
Дрожал от страха генерал, который
Бессовестно народ подставил наш.

В Эпире был ты знаменит, достоин
Высокой чести, наш отважный воин,
А трусы разбежались по углам.

Сейчас ты за тюремную решеткой,
Но ближе стал нам со своей бородкой,
И вспыльчивость твоя понятна нам.

В ЗАВЕРШЕНИЕ БОРЬБЫ

Итак, пора расстаться нам, друзья.
Теперь у нас домой лежит дорога,
Но мы сказать должны друг другу много –
И, если можно, первым буду я.

Сегодня мы оружие сдаем.
Оно всегда надежным, метким было
И так же верно всем нам послужило,
Как нашим предкам в их борьбе с врагом.

И слезы на ресницах – неспроста:
Мы из пещер борьбы бросались, братья,
Народ освобождая от распятья,
Вытаскивая гвозди из креста.

Нам доверял и верил в нас народ:
Ведь мы народа этого частица.
Могли ли мы с бесправием смириться?
Раб – рано или поздно – восстает.

И сделали мы, братья, этот шаг.
Весь мир следил за нашею борьбою:
И со своею сворой, и с чужою
Сражались мы с оружием в руках.

Нас отправляют по домам теперь,
И так невыносима эта рана –
Ведь есть у всех предчувствие обмана:
Не даст советов добрых хитрый зверь.

И все же, закаленные в огне,
Вы, соколы мои, не унывайте.
Друг другу поклянемся мы давайте –
Да так, чтоб помнить клятву и во сне:

«Вдвоем, втроем из непроглядной тьмы,
Не тратя сил и времени на сборы,
Мы уходили, братья, в эти горы.
Непобедимым войском стали мы!

Освободить несчастного раба
Нельзя, его врага не разбивая.
Мы говорим, друг друга провожая:
Нет, наша не закончилась борьба!

Предательски разъединили нас,
Но ненависть кипит и ныне в каждом,
И мы борьбы за честь, за правду жаждем.
Еще наступит он, последний час!»

* * *

Если станут награду за бедность давать,
Надо первым меня за нее награждать.
Впрочем, в наше презренное время она
Весь несчастный народ награждает сполна...

* * *

Весь в муках и души своей, и быта,
Я как поэт у Правды встал на страже.
А Слава постучится – дверь открыта,
Но я ее и не услышу даже...

Ставроос БОСНАКИДИС (1914-?)

Греческий поэт, прозаик, художник, лауреат всегреческого конкурса поэзии (1978). Составитель антологии «Новогреческие поэты», вышедшей в разные годы на греческом, немецком, китайском, арабском и русском языках. В переводах Е. Новичихина вышли книги С. Боснакидиса «В кругу друзей» (Воронеж, 2002), «Действия времен» (Афины, 2003). Они опубликованы также в упомянутой антологии (Афины, 1996; Воронеж, 2002), а также в ряде сборников, выходивших в Греции.

С. Боснакидис неоднократно посещал Воронеж. Много лет был почетным членом Воронежской региональной общественной организации греков «Эллада».

ЗНАНИЕ

Знание страх превозмочь помогло,
Путь открывая мне к правде великой.
Знание в сердце моем проросло
Неувядающей красной гвоздикой.

В тайны любви я теперь посвящен,
В тайны прекрасного, в тайны природы.
С нею в гармонии жить обречен
Все мне судьбой отведенные годы.

Знаю я, как бесконечен был путь,
Прежде чем жизнь на земле появилась.
Знаю, что в том эволюции суть.
Чтоб наша жизнь все светлей становилась.

Знанием совесть будилась моя,
Быть гражданином меня призывая.
То, что владыки совсем не друзья
Интеллигенции – тоже я знаю.

Зная, стать мудрым, покорным я смог
В противоречии «вера – наука».
Знаю и как далеко от нас Бог:
Будешь кричать – не услышит ни звука.

Словом, не думать о нем – не беда:
Он же о нас без конца забывает!
...Знание зла не несет никогда.
Злом применение знаний бывает.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

У старика, чья мудрость
 смотрит в вечность,
Спросили, что такое
 человечность.
– Не знающий того, –
 мудрец ответил, –
Поверьте, зря
 живет на этом свете.

ОЛИМПИАДА

В далекой древности седой
И гордой, как Эллада,
Надолго старт великий свой
Брала Олимпиада.

И прекращался гул войны,
И люди улыбались.
И лишь спортивные одни
Сраженья продолжались.

И каждой взятой высоте
Хвала вокруг летела.
И поклонялись красоте
Сердец, души и тела.

А тот, кто победил, – герой,
Любимый всей Элладой.
И был оливковый простой
Венок ему наградой.

До сей поры – светла, ярка –
Олимпиада с нами.
Горит, пройдя через века,
Ее святое пламя,

Чтоб каждой взятой высоте
Хвала вокруг летела
И поклонялись красоте
Сердец, души и тела!

ЛЕС

В этой чудной лесной тиши,
Под благодатной тенью
Я нахожу своей души
Радостные мгновенья.

Тут и блаженство, и покой
Летом под каждой кроной,
И пахнут нежностью самой
Ковры травы зеленой.

Тут, как в добром кругу друзей, –
Ни зависти, ни злости.
Каждой тропинкою своей
Лес приглашает в гости.

В лесу хотел бы я иметь
Маленький скромный домик
И веселиться, песни петь,
Как беззаботный гномик.

МОРЕ

Тучи плывут в небе легко,
Гонит их теплый ветер.
Он унесет их далеко,
Но возвратит под вечер.

И корабли тоже плывут,
Ласками волн объята.

Чайки кружат. Кажется, тут
Даже мечты крылаты.

Каждой волной нежно маня,
Очаровав собою,
Море мое, песня моя,
Ты для меня – родное.

Шторм зашумел или затих,
Сумрачно или ясно,
В каждый свой час,
В каждый свой миг –
Море всегда прекрасно!

Если в делах трудных найду
Вдруг для себя окошко,
К берегу я сразу иду,
Чтоб отдохнуть немножко.

Шторм зашумел или затих,
Сумрачно или ясно,
В каждый свой час,
В каждый свой миг –
Море всегда прекрасно!

ЭКСКУРСИЯ

Автобус новенький бежит
И набирает ход.
А за окном – чудесный вид.
Экскурсия идет!

Природа вся обновлена,
К лицу убранство ей,
И лента моря вплетена
В копну ее кудрей.

Какие дивные места,
И сколько здесь цветов,
А как волнует чистота
Прозрачных родников!

Какой простор, какой уют,
И как на все лады
Лесные соловьи поют
И черные дрозды!

И щебет радостный, и свист,
И гимны без конца:
То хор звучит, а то солист
В честь нашего Творца.

Я тоже птицей стать хочу
И в небе высоко
Лететь туда, куда хочу, –
Свободно и легко.

ДЕЙСТВИЯ ВРЕМЕН

(Либретто оперы)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Иудея. 950-940 гг. до н.э.

После первого царя иудеев Саула царствовал Давид. Наследником Давида был его сын Адонис. Он правил только один день. С согласия Давида, при подстрекательстве его жены Вирсавии и с благословения пророка Натана на царский трон восходит младший, сводный брат Адониса – Соломон.

Соломон становится Царем Царей. Талантливый политик, удачливый купец, хозяин Святилища Соломона, мифический поэт и мудрый судья, он укрепляет государство, расширяя его границы от Евфрата до Ливана. Ему становится подконтрольной торговля Африки и Азии.

Именно в это время Израиль познал величайшую славу, стал одним из богатейших государств мира. В огромном количестве стекается сюда золото. Но оно – только для избранных, только для высших слоев общества – окружения Соломона. Простые люди стали еще беднее, превратившись в оборванных рабов. Их изнурял многочасовой рабочий день. В невыносимых условиях жизни народ сопротивляется, организуясь и готовясь выступить против Соломона. Люди жаждут отмены рабства.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Звучит увертюра. На сцене – хор, жрецы, дворцовые слуги, офицеры, служащие, рабы. Здесь же пророк Натан, Иеремия, Вирсавия, Иоав. Под звуки музыки появляется Глашатай.

Глашатай:

О, радуйся, Израиля народ,
К тебе идет властитель величавый,
Он все свои дела покроеет славой
И к славе землю нашу приведет.
Великий он и всемогущий он.
И этот царь отныне – Соломон.

Появляется царь Соломон.

Хор:

Ярче свети нам,
Славы заря!
Славим, славим,
Славим царя!

Слава великим
Деяньям твоим!
Слава потомкам
Твоим молодым!

Яхве всеильный
Нашей страны,
Будем тебе мы
Вечно верны!

Будем с тобою
В труде и в бою,
Сделаем краше
Отчизну свою.

Мудрый и храбрый,
Будь впереди,
К славе могучей
Израиль веди!

Слава, слава,
Слава царю!

Соломон:
Я вам спасибо
Всем говорю.

Хор:
Слава, слава,
Слава царю!

Соломон:
Я вас сердечно
Благодарю.

Натан:
Тебя на царство я благословляю,
Так царствуй же и правь своей страной.
Перед тобою путь открыт большой –
Я это вижу, царь, я это знаю!

Соломон:
Прими мою признательность, прими,
Великий прорицатель! Обещаю,
Что долг свой непременно оправдаю
Перед страной этой и людьми.

Иеремия:
О царь великий, ты достойный сын
Мудрейшего Давида, ты по праву
Наследуешь и ум его, и славу.
Всевышним избран ты, наш господин.

О мудрый царь, огромен твой ковчег,
Доставшийся нам всем от Моисея.
Не допусти ошибок, им владея,
Будь справедлив – и ждет тебя успех.

Соломон:
Я понимаю все, мои друзья,
Быть справедливым обещаю я.

Офицер:

Великий царь, позволь тебе сказать,
Что армия твоя всегда с тобою.
Она сильна, она готова к бою,
Чтобы границы наши расширять.

О царь, мы все верны стране своей
И будем – от Евфрата до Ливана –
Ее просторы множить постоянно.
Израиль станет наш еще сильней!

Соломон:

Да, так и будет! Родина сильна,
И ею все гордимся мы по праву,
Но вместе мы ее умножим славу –
И к этому зовут нас времена.

Таможенник:

Позволь и мне сказать, о Царь Царей:
Мы нашу землю грабить не позволим
И ждем, что будут под твоим контролем
И Африка, и Азия скорей.

Пусть караваны к нам спешат быстреей
Из разных стран. Открыта им дорога.
Пусть золота они привозят много –
Не меньше, чем на улицах камней.

Соломон:

Я верю, что поможет Яхве мне,
И армия, что крепнет год от года,
И добрые усилия народа –
Все будет хорошо в моей стране.

Хор:

Царь наш великий,
С тобой весь народ.
Добрых свершений
Давно он ждет.

Соломон:

Будьте готовы
К великим делам.
Яхве всесильный
Поможет нам.

Хор:

Правь же,
Правь же
Нами, наш царь,
Правь же,
Правь же,
Наш государь.

Слава, слава,
Слава царю!

Соломон:

Я вам спасибо
Всем говорю.

Хор:

Слава, слава,
Слава царю!

Соломон:

Я вас сердечно
Благодарю.

Вирсавия:

Соломон, мой сыночек и радость моя,
В добрый путь! Ты Израиль, я верю, прославишь.
О тебе попросила Всевышнего я,
И исполнил он просьбу: страну ты правишь.

Только правда – иль это послышалось мне? –
Нет, не верю, такое царю не пристало:
Все вокруг утверждают, что в нашей стране
Ависага отныне царицею стала.

Ависага прекрасна и очень умна.
Но зачем же молва эту сплетню разносит?
Ведь Адонису больше подходит она,
С детства дружат они, он руки ее просит...

Соломон:

О добрейшая мать, я прошу, я молю,
Не бросайся словами, меня огорчая:
Я один Ависагу любил и люблю,
В моем сердце не будет царицей другая.

Только в ней все надежды мои, все мечты.
Ависагу увижу – душа замирает.
Что, ее предлагаешь Адонису ты?
Пусть и царство мое он тогда забирает!

Вирсавия:

Да, прекрасна она... Только сердце мое
Неспокойно, тревогу великую чужа...

Соломон:

Но пойми, наконец, что люблю я ее!
Не отдам Ависагу, клянусь, никому я!

Иоав:

О великий наш царь, но права она в том,
Что сомненьями делится с сыном своими.
Будь к ней добр – и добро обернется добром.

Соломон:

Иоав, что, и ты – тоже в сговоре с ними?

Слуга:

О царь наш любимый, сказать пора:
Все слуги желают тебе добра,
Хотят, чтобы счастье стране ты нес,
Чтоб не было больше ни бед, ни слез.

Соломон:

Вас всех благодарю сегодня я
И каждого из вас считаю другом,

Но благодарность первая моя –
Моим надежным, самым верным слугам.

Живем мы рядом, на родной земле,
И будем вместе на пути дерзання.
Я буду справедливым в похвале,
Я буду справедливым в наказанье.

Слуга:

К жизни счастливой,
К жизни спокойной
Скорее веди людей!

Иоасв:

Самый великий,
Самый достойный –
Да здравствует Царь Царей!

Все вместе:

Да здравствует Царь Царей!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Звучит музыка. Входит Глашатай.

Глашатай:

Архонты правят слабыми уже четыре года.
Жизнь слабых в их руках – всего игра одна.
У ног эксплуататоров рабы, и вопиет природа,
На лезвии ножа сегодня вся страна.
И нищенкою бродит справедливость по дорогам,
И радость избранных несчастьем многих стала.
Внушают нам, что рабство это послано нам Богом.
Но вся страна уже от варварства устала.
Отчаянье повсюду и уныние,
И разочарованье, и смятение.
И проклинают Соломона ныне
И все его гнилое окружение.

Глашатай уходит.

Среди тружеников, рабов, протестующих против многочасового и жуткого рабочего дня, – Иеровоам Эфремейский. Тут же пророк Ахия, некоторые жрецы, поддерживающие рабов, а также Марила.

Ахия:

Иеровоам, Иеровоам,
Ты всегда был справедлив к рабам.
Иеровоам, Иеровоам,
Дай надежду несчастным рабам!

Иеровоам:

О пророк наш, повсюду – беда,
Люди в путах коварства и лжи.
Неужели так будет всегда?
Что нас в будущем ждет, предскажи!

Ахия:

Иов когда-то Яхве самому
Молился. А потом пошла молва,
Что он Сафару, другу своему,
Молитвы этой передал слова:

«Господи, Ты справедлив, исключения представляют избранные Твои и по Твоим критериям. Люди неправедные ходят по дороге благоденствия. Почему благоденствую те, что безбожны есть?»

Хор:

О Боже, о Боже,
Спасенья нет от Зла, растет оно.
Неужто ты тоже
С разбойниками вместе, заодно?

Иеровоам:

Владыки есть владыки, это ясно.
Повсюду в мире нрав у них один.
От них я настрадался. Мне прекрасно
Известно, что такое властелин.

Толпа:

Ты нам уже давно знаком, приятель!
Нет, ты не раб... Не раб, а надзиратель!

Марила:

Да, западнее речки Иордан
Назначен он, и многим здесь известен...

Ахия:

Ты, Иеровоам, судьбою дан
Всем, кто страдает. Ты и храбр, и честен.
Ты наделен умом, и раб любой
Пойдет без колебаний за тобой.

Марила:

Ты верно говоришь, о наш пророк:
Да, он в борьбе не будет одинок.
Он очень рассудителен, спокоен,
Оратор неплохой, блестящий воин!

Иеровоам:

Я не пойму, о чем вы говорите.
Я надзиратель только, вы поймите.
Самим царем назначен я сюда.
Но с вами я – и раз, и навсегда.

Все вместе:

Веди нас вперед по пути побед –
Мы верим тебе во всем.
Туда, где последней надежды свет,
Мы все за тобой пойдём!

Тирана прогонит простой народ,
И станет свободным труд.
И пусть справедливость всегда живет,
А рабство и зло – умрут.

Иеровоам:

Доверие ваше приятно, друзья.
Подумав, приму решение я...

Все вместе:

Довольно раздумий, довольно слов,
Нужны не слова – дела.
Не станем терпеть произвол врагов –
Сражаться пора пришла.

Нас труд непосильный давно гнетет,
Но хлеба не даст опять.
С тобою пойдет до конца народ –
И нечего нам терять!

Довольно раздумий, решай скорей –
Свобода ждет впереди.
Долой тиранов! Долой царей!
Веди нас вперед, веди!

Иероваам

(размышляя, обращается к той же молитве к Яхве):

«Господи, Ты справедлив, исключения представляют избранные Твои и по Твоим критериям. Люди неправедные ходят по дороге благоденствия. Почему благоденствуют те, что безбожны есть?»

Хор:

Яхве всемогущий, ты с нами?
Благослови же наш путь!
Не с богачами,
Не с богачами,
А с бедняками будь!

Иероваам:

О братья! Как видно, судьбою
Мне путь обозначен такой.
Готовьтесь к смертельному бою –
Я вас поведу за собой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Звучит тревожная музыка. Балетная группа представляет столкновение рабов со сторонниками царя Соломона. Восстание возглавляет Иеровоам. Рабы полны решимости уничтожить варварство и рабство. Но силы в этой борьбе неравные. В жесткой и кровавой битве побеждают войска Соломона.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Китай. 211-216 гг. до н.э.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Звучит музыка. Входит Глашатай.

Глашатай:

Наверно, на Земле
И не было, и нет
Другой такой большой
Страны, кроме Китая,
Которая жила
Так много тысяч лет,
Традиций и корней
Своих не отрицая.

В истории страны
Незыблемо одно:
В любые времена
В Китае торжествует
И древний свет культур,
Исчезнувших давно,
И свет культуры той,
Что ныне существует.

Китайский мудрый дух
Живет и будет жить.
Он стал уже давно
Великим, необъятным.

Не удалось его
Европе изменить,
Америке сломать,
Исправить азиатам.

Страна во все века
Своей дорогой шла.
И мировой разбой,
И рабство отвергая.
Она и в наши дни
Опять себя нашла –
Свою стезю,
Свое лицо Китая.

Но, глядя в глубь веков,
Отправимся туда,
Где жизнь людей была
Такой бесчеловечной,
Что правили вокруг
И голод, и нужда,
А император был
Коварный, бессердечный.

Тиран Си Хуангти
Вел за собой страну –
К захватам вел, считал:
Всего главнее – сила,
Хоть, нет сомненья, знал
Он истину одну,
Которая всегда,
Во все века гласила:

«Хороший монарх
Не воюет с другою странюю,
Воюет он с общим противником –
С голодом и нищетою...»

Глашатай уходит. Появляется парочка влюбленных – Чи Чанг и Лу Ванг, которые тихо беседуют в одном из уголков в районе строительства Китайской стены.

Чи Чианг:

Любимый мой, смотри, как в небесах
Кружит над нами птиц свободных стая.
Они поют. Неведом птицам страх.
Который нас гнетет, уничтожая.

Лу Ванг:

Любимая, неужто я и ты
Не можем стать свободными такими?

Чи Чианг:

А посмотри, мой милый, на цветы:
Рой золотистых пчел кружит над ними.

А посмотри, как бабочка с цветка
Легко вспорхнула, улетая в поле.
Ах, если б я была вот так легка!
Какое счастье это – жить на воле...

Лу Вуанг:

Любимая, у нас мечта – одна.
Она живет со мною, сердце грея.
Все сделать я готов, чтобы она
Приблизилась, свершилась поскорее.

Чи Чианг:

Смотри, как пчелы, радостные все,
Жужжат, летят вокруг за парой пара.
А лапки их лохматые – в росе
И в нежных, сладких бусинках нектара...

Лу Вуанг:

Как все несправедливо на Земле,
Как жизнь угрюмо мимо нас несется!
И каждой птичке, бабочке, пчеле
Завидовать нам только остается.

Чи Чианг:

Ах, посмотри сюда, любовь моя:
Две пташки – словно в танце проплывают.

Мне кажется, они – одна семья.
А нам и целоваться запрещают!

Танец: «Радость захвата, завоевания – это радость разрушения человеческой жизни».

Хуан Ти:
Это высказывание принадлежит Лао Че.

Танец: «Мудрость – это то, что свершили Долг и Обязанность перед близким человеком и его судьбой».

Хуан Ти:
Это высказывание великого Конфуция.

Танец: «Мудрость – это всегда опыт нашей жизни».

Хуан Ти:
Это слова мудрого Мо Ти.

Танец:
«Хороший монарх
Не воюет с другою странюю,
Воюет он с общим противником –
С голодом и нищетюю...»

Хуан Ти:
Это изречение мудрого Мен Чюю.

Танец: «Надежда мира – это дружба».

Хуан Ти:
Это мудрое изречение принадлежит Че Хаусу.

Лу Ванг:
Нельзя и целоваться нам с тобой,
И от любви в душе – сплошная рана.

Чи Чианг:
Ах, сердце, сердце, не стучи, постой,
Чтобы тебя не слышала охрана!

Лу Ванг:

От матерей своих и от отцов
Должны любовь свою хранить в секрете.
Придет ли день такой, в конце концов,
Когда уйдут, умрут порядки эти?

Чи Чианг:

Боль собственного сердца – даже с ней
Нельзя уже беседовать открыто.
Работа все труднее, все страшней,
А постоишь – спина хлыстом побита.

Работа... Надоела всем она.
И за себя, и за других обидно.
Зачем же нам такая жизнь дана,
Когда надежды впереди не видно?

Лу Ванг:

Любимая! О, как же ты права.
Ты говоришь – и словно лечишь рану.
Готов я слушать все твои слова,
Тебя я видеть тоже не устану...

Неожиданно рядом с ними появляется надсмотрщик
Хуа Минг с хлыстом в руке.

Хуа Минг:

Чего расселись? Шепчетесь о чем?
Забыли, что ли, о своей работе?
Огрею вас разок-другой хлыстом –
И вспомните о ней, и все поймете!

Хуа Минг бьет влюбленных хлыстом по спинам.

Лу Ванг:

Хозяин, мы сидели миг один!
За что ж такая страшная расплата?
Не бей мою голубку, господин!
Не бей, прошу, – она не виновата!

Меня, хозяин, сколько хочешь бей –
Я за вину отвечу головою...

Хуа Минг:

Молчать! Давай, работай – да побыстрей,
А вечером поговорим с тобою.

Работать! Всем работать! Не стоять!
А ты молчи. Нашелся мне оратор!
Творенье это хочет увидеть
При жизни наш великий император...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Звучит музыка. Появляется Глашатай.

Глашатай:

Син Хуангти был злой,
И меры в зле не зная,
Великою бедой
Стал для всего Китая.

Хоть с виду был смешон,
Коварен и бездушен,
К себе был чуток он,
Но к людям – равнодушен.

Он отвергал закон
И безо всяких правил
Сидел, взойдя на трон,
И всей странкою правил.

Угрозы без конца
Все от него слышали,
А нежные сердца
Его лишь раздражали.

Ни разу доброта
Его не посещала.
Людская нищета
Его не волновала...

Глашатай уходит. Появляются простые китайцы – мужчины и женщины, которые возмущаются невыносимой жизнью. Среди них народный вождь Гуу Куанг и его друг Чен Чинг, а также Кау Чу – военный.

Гуу Куанг:

С нами Бог. Мы добьемся победы.
Подниматься народу пора.
Бог велик, видит он наши беды
И желает народу добра.

Сие Тинг:

Из объятий моих вырывая,
Дочь отняли, был каждый как зверь.
Я молюсь Лао Че и не знаю:
Что мне делать осталось теперь?

Как же изверги эти посмели
Так глумиться над ней, избивать!
О, Конфуций, куда ее дели,
Подскажи, где ее мне искать?

Кау Ли:

Вся деревня по дочке рыдала,
Потеряла деревня покой:
Эта свора ее закопала –
Закопала в могилу живой!

Чен Чинг:

Отобрали и землю, и воду,
Погоняют хлыстами, как скот.
Безразличны тираны к народу.
Почему же их терпит народ?

Кау Чу:

И ужасно, и бесчеловечно
Жить в стране, где у власти тиран.
Неужели терпеть будем вечно
Издательства, пытки, обман?

Гиу Куанг:

Нам читать мудрецов запрещают,
Уважаемых всеми в стране:
Кипы книг Лао Че собирают
И цинично сжигают в огне...

Сие Тунг:

А за что вся страна воевала?
Горьких слез матерям не унять.
Императору этого мало –
Он войну затевает опять.

Танец:

Вся земля наша так сожжена!
Стонет, стонет от боли она.
Почернела она от утрат –
Здесь кровавый и огненный Ад.
От стыда покраснела Луна
И на небе уже не видна.
Шею жизни – и ночью, и днем –
Захлестнули потуже ремнем.
Все в Китае сгорело дотла,
И вокруг – темнота, как смола...

Гиу Куанг:

О, Пан Ку*! О, Пан Ку, помоги!
Наш народ истязают враги.
Подскажи нам к свободе пути,
Помоги справедливость найти!

Пан Ку:

Человеку свобода нужна,
Но не падает с Неба она.
И в подарок ее не дают.
За свободу сражаться идут!
Разгоните сомненья и страх, –
И она будет в ваших руках.
Пусть же знает китаец любой:
Добывают свободу борьбой.

Чен Чинг:

Вперед! Терять не будем время!
Свобода – дело наших рук.
Скорее сбросим рабства бремя,
Чтобы избавиться от мук!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Звучит музыка борьбы. Балетная группа представляет столкновение народа с властью тирана. В этой борьбе побеждает китайский народ.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Древний Рим. 73-71 гг. до н.э.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Звучит музыка. Входит Глашатай.

Глашатай:

И телом не слабый, и духом притом,
Спартак был невольником – римским рабом.
Из армии этот фракиец бежал,
Но так безуспешно! Конвой задержал.
Заметили все же, что парень силен,
Учили – и стал гладиатором он.
Вся жизнь на арене. И раны, и боль...
А ты их терпи: улыбаться изволь!
Казалось не раз ему: вот она, смерть.
Но вновь поднимался: сдаваться – не сметь!
В той жизни, в которой безжалостно бьют,
Нашел он и несколько светлых минут.
Добра и прекрасна, умна и мила,
Блондинка Вариния их принесла.
Они полюбили друг друга – да так,
Что ждал с нетерпением ночи Спартак.
Но ночи... короткими были они,
А следом – кошмарные длинные дни.

Встречаясь со смертью опять и опять,
Спартак все настойчивей думал: бежать!
К тому же тревожило очень раба,
Что с другом сразиться велела судьба.
А друг-африканец был тоже смущен:
Любых побеждал гладиаторов он.
Но с другом встречаться в смертельном бою?
Да он проклинал бы победу свою!
К несчастью, сложилось все именно так,
И завтра противник у Дравы – Спартак.
Нет зрителю разницы – недруг иль друг,
Но только один побеждает из двух.

Глашатай уходит.

Танец:

Вариния в келье томится одна,
Любимого ждет с нетерпеньем она.
Уж полночь. Ну, где же он, где же? И вот –
Шаги осторожные: милый идет.

Входит Спартак. Вариния бросается в его объятия.

Вариния:

Спартак, любимый!
Несравненный мой!
Ты для меня как Бог!
И как Герой!
Единственный,
Я так тебя люблю,
И Бога
О спасении молю.
Сильней моей
Любви на свете нет.
Я не хочу,
Чтоб наступал рассвет!
Иди ко мне,
Подольше будь со мной,
Чтоб стали мы вдвоем
Душой одной.

Давай
Свои тела соединим
Дыханьем общим,
Трепетом одним.
Ни жизни без тебя,
Ни смерти нет.
Я не хочу,
Чтоб наступал рассвет...

Спартак:

Не рано ли
О смерти думать нам?
Мы будем жить
Назло своим врагам!
Не бойся, что придет
Рассвета час:
Он может стать
Спасением для нас.
Да, перед нами
Страшная стена.
Но знаю:
Ты, любимая, сильна.
Так жить нельзя,
Когда надежды нет:
Пусть поскорее
К нам идет рассвет!

Вариния:

Мой Лев, как высоки
Твои мечты!
Но что ты можешь сделать?
В клетке ты!

Спартак:

О, козочка моя,
Права ты в том,
Что нас, двуногих,
Сделали скотом.
Сегодня предстоит мне
Трудный бой:

Противник, Драва, –
Друг хороший мой.
Он черный негр.
Но в чем его вина?
У негров кровь,
Как и у нас, красна.
Мы эту кровь
Соединим в одну –
И красный факел
Обожжет страну!

Вариния:

Твои слова
О предстоящем дне
Бьют, как свинец горячий,
В сердце мне!

Спартак:

Родная,
Ты по-своему права:
Бывают
И дешевые слова.
И все-таки
Дешевле всяких слов
Жизнь наша –
Гладиаторов, рабов.
Богатым –
Уважение, почет.
А наша кровь –
Им для утех течет.
Целуй меня
И крепче обнимай.
И утро это
Радостно встречай.
Целуй, целуй...
Рассвет неотвратим.
Пусть он идет.
Мы оба победим!

Вариния:
Твои слова
Внушают мне испуг:
Ведь побеждает
Лишь один из двух...

Спартак:
Да, побеждает сильный,
Спору нет.
Но есть один,
Любимая, секрет...

Вариния:
Я слушаю тебя,
Желанный мой,
С надеждою
И верою большой.

Спартак:
На днях мне Драва,
Эту жизнь кляня,
Сказал: не сможет он
Убить меня.

Вариния:
Он так сказал?
А не лукавил он?

Спартак:
Друг мне не лгал,
Я в этом убежден.

Вариния:
А что же ты
В ответ ему сказал?

Спартак:
Я другу-негру
Тем же отвечал.

Вариния:

Я что-то не пойму
Тебя, Спартак.
Ведь согласись,
Что не бывает так.
Останетесь в живых
И ты, и он?
Но кто же победил?
Кто побежден?

Спартак:

Давай еще
Немного подождем –
И скоро ты
Узнаешь обо всем...

Неожиданно перед большим окном кельи появляется длинная лестница, по которой должны будут сбежать Спартак и Вариния.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Звучит музыка. Появляется Глашатай.

Глашатай:

Очень удачным
Побег Спартака оказался.
Драва был рядом –
И рядом сражаться остался.
Армия вскоре возникла –
Огромная сила:
Семьдесят тысяч рабов
В этой армии было.
Многие были и сердцем,
И мыслями с ними.
И задрожали от страха
Правители в Риме.
Сильных и храбрых рабов
Непокорную массу
Рим приказал уничтожить
Жестокому Крассу.

Глашатай уходит. Появляются Спартак, Драва и их соратники по борьбе.

Спартак:

Друзья, спасибо вам, что вы со мной.
Ценю я чувства дружбы, чувства братства.
Нам предстоит жестокий, трудный бой,
Чтоб не было нигде отныне рабства.

И я прошу не расслабляться вас,
Нам собранными быть необходимо.
Пусть не пугает вас коварный Красс
И не страшит суровый голос Рима.

Драва:

Нам надо всем решить, в конце концов:
Жить или пасть под гнетом самозванцев.
Давайте гнать тиранов из дворцов –
И римлян, и помпейцев, и испанцев.

Эния:

Желание у нас одно у всех,
И опыта, и мужества немало.
Нам до сих пор сопутствовал успех,
Удача нам пока не изменяла.

Бознас:

Оружием не запаслись пока.
Продуктов нет. Надежда вся на Бога.
А армия у Красса велика,
Самих же нас, рабов, – не так уж много...

Балетная группа представляет танец, сопровождаемый хором.

Хор:

Мы не одни,
Мы не одни, –
Люди все с нами,
Нам верят они.

Бедный народ,
Бедный народ, –
Ждет он свободы,
Спасенья ждет.

Спартак:
Итак, жду ваших предложений,
Я буду их услышать рад.
Сейчас, перед лицом сражений,
Нам нет уже пути назад.

Энея:
Спартак, готовы мы к потерям –
Без них не обойдется бой.

Бознас:
Спартак, тебе мы свято верим,
Рабы – все как один – с тобой!

Балетная группа представляет еще один танец, сопровождаемый хором.

Хор:
Все решено,
Все решено
Уже давным-давно.
Пришел наш час,
Пришел наш час –
И пусть трепещет Красс!

Бознас:
Да, предстоит большая драка,
Тут смертный бой не для двоих.
Не надо нам спешить, однако,
А подготовить молодых...

Эния:
Но это приведет к потерям –
Нас могут захватить врасплох.

Спартак:

Вперед, к победе! Я уверен,
Что с нами всемогущий Бог.

Вперед, мои друзья и дети,
Нас ждет смертельная борьба
За то, чтоб не было на свете
Теперь ни одного раба!

Хор:

Полным-полна терпенья чаша.
Держи оружие в руках!
Кровавой будет битва наша.
Опасен и коварен враг.

Мы биться до победы будем,
До той поры, пока вокруг
Не станет жизнь добрее к людям
И воцарит свободы дух.

Мы за нее неутомимо
Пойдем намеченным путем.
Нас не страшат владыки Рима.
Вперед! Вперед за Спартаком!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Балетная группа представляет битву рабов, возглавляемых Спартаком, с хорошо вооруженной и обученной Римской армией, возглавляемой Крассом. Побежденные рабы были распяты по обеим сторонам дороги, ведущей в Рим.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Французская революция. 1789-1793 гг. н.э.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Звучит музыка. Входит Глашатай.

Глашатай:

Французская революция...

Что стало ее причиной?

Голод и бедность народа?

Бесправие?

Безразличие государства и церкви к простым людям?

Абсолютизм?

Не только это!

Истинное слово Правды Сократа,

Любовь Иисуса Христа –

Они в самой природе человека.

В каждом гражданине

Рождаются поистине великие чувства.

Совсем не те,

Которые несет в себе потребительство.

Новые веяния в культуре и искусстве

Рождаются тогда,

Когда потребители не пренебрегают интеллигенцией,

Не ограничивают ее, не давят на нее.

А человек опережает в жестокости даже животных,

Убивая своего ближнего –

Не будучи голодным...

В эпоху бурного развития технологий,

В эпоху громадных политических,

Экономических, общественных

И культурных потрясений

Особенно важно,

Чтобы правители

Не только уважали интеллигенцию,

Но и внимательно к ней относились,

Поддерживая в ней общечеловеческие ценности:

Мир, Справедливость,

Подлинную Демократию и Права человека.

Французская революция –

Яркий урок для будущих поколений.

Страна жила относительно благополучно.

Но ее ожидали большие перемены.

Внутренняя тревога росла,

Приближались великие потрясения.

Глашатай уходит. Появляются Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст.

Робеспьер:

Революция – это борьба,
За Свободу великая схватка.
Конституция – это судьба
Всех, кто требует прав и порядка.

Марат:

Голос Правда поднялся в зенит.
Справедливость, томимая жаждой,
На высокой ступени стоит
И в душе отзывается каждой.

Дантон (обращаясь к Марату):

Нам терпение нужно теперь,
И расчета порой не хватает...
А народные массы, поверь,
Очищения дух принимают.

Марат:

Этот дух овладел всей страной,
Он – великое наше богатство.
Он наполнен надеждой большой
На Свободу, на Равенство, Братство.

Дантон:

Никому не дано удержать
Революции нашей идеи.
Мы не можем момент упускать.
Нам к оружию надо скорее.

Марат:

Революция наша давно
Принимается сердцем в народе.

Дантон:

А стремление к Братству – оно
В человеческой нашей природе.
Нам идти суждено до конца.
Все, что сделано, – только начало.

Сен-Жюст:

В мыслях, в сердце любого борца
Слово Правды уже зазвучало.

Марат:

Слово Церкви – оно для толпы
Может стать очень важным моментом.
Ведь известно, что наши попы
Подозрительны к интеллигентам.

Да, нелегкий нам путь предстоит,
Неизбежны утраты, потери...
Несмотря ни на что – победит,
Победит Революция, верю!

СЦЕНА ВТОРАЯ

У входа в мэрию Парижа – ученые, люди литературы и искусства, простой народ, представители буржуазии. Здесь, по сути дела, располагается Центр Коммуны.

Звучит музыка. Появляется Глашатай. Почти одновременно в здание мэрии направляется король со своей свитой.

Глашатай:

Король?! Да, это он со своими приближенными.
Он все еще сомневается:
Подписывать или не подписывать
Декларацию о правах человека?
В здании заседает Учредительное собрание.
В нем принимают участие граждане Парижа,
Известные люди – гордость Франции,
Оппозиция
И король Людовик XVI.
Речи выступающих полны страсти.
Народ возмущен.
Чтобы не потерять все, король вынужден был
Подписать Декларацию.
Короля не покидает мысль –
Бежать из Франции.
Но народ не дает ему сделать это.

Глашатай уходит.

Монморанси:

Все! От прав своих я отрекаюсь.

Людам их, народу отдаю.

Господа! Я всех вас призываю

Поддержать позицию мою.

Ди Тор:

Да, народ бесправен и несчастен,

Пожалеть давно пора людей.

Полностью, коллега, я согласен:

Надо в жизни быть нам поскромней.

Просто непосильные налоги

Мы дерем бесстыдно с бедняков!

Францию свою спасем в итоге,

Если их избавим от оков.

Варе:

Что?! Отдать права свои плебеям?

Да идите вы ко всем чертям!

Постоять я за себя сумею:

Никому и капли не отдам!

Нечего страну свою тревожить,

Всякой Декларацией пугать!

Не посмеет наш король, не сможет

Там поставить подпись и печать!

Ди Тор:

Господа, задуматься пора нам:

Кто распоряжается землей?

Монморанси

(подыгрывая настроением большинства):

Землю мы должны отдать крестьянам.

А эксплуататоров – долой!

Ди Тор:

Надо нам сказать определенно:
Зла держать не станем мы в уме.
Ну, а тем, кто будет вне закона,
Место не под солнцем, а в тюрьме!..

Танец:

В тюрьмы грабителей,
В тюрьмы мучителей –
Кровь они нашу сосут.

Праздно пирующих,
Деньги ворующих
И бюрократов – под суд!

Звучит музыка. Входит Глашатай.

Глашатай:

Король со своими приближенными
Попытался прорвать кольцо возмущенного народа.
Но это ему не удалось.
Он вынужден был
Возвратиться в здание.
Король понял,
Что жизнь его в опасности.
Испуганные аристократы
С тревогой ожидали,
Как будут развиваться события дальше
И чем все закончится.
Архонты остались без управления.
Судопроизводство остановлено.
Правосудие – в руках восставших.
Армия перешла на сторону народа.
За одну только ночь
Деспотический строй рухнул.
Рождалось новое общество,
Которое хотело
Хлеба,
Свободы,
Равенства –
Для всех и во всем.

Марат:

Неравенство...
Кто за него ответит?
Оно везде,
Во все вмешаться метит.

Чиновники,
Лгуны различной масти
Склонились шустро
Над кормушкой власти.

Дантон:

Аристократ,
Церковный настоятель...
Любой из них –
Бездельник и предатель.

Не уничтожим
Каждого тирана –
Они вернутся
Поздно или рано.

Коль совесть
Повсеместно продается, –
Сражаться только
Нам и остается!

Балетной группой представляется танец, сопровождаемый хором.

Хор:

О, Париж! О, Париж!
О, прекрасный Париж!
Ты историю Франции
Свято хранишь.

Почему ж твои дети,
Париж, расскажи,
Умирают от голода,
Стонут от лжи?

Почему же ты нищих
Плодишь до сих пор?
Стыдно, стыдно, Париж!
Это просто позор!

Марат:

Недаром утверждали просветители –
Конечно, не сегодняшние – те,
Что держат все тираны, все правители
Простой народ в глубокой темноте...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Балетная группа представляет столкновение свиты, сопровождающей короля, с революционно настроенным народом. Люди выкрикивают слова возмущения против короля и аристократов. Бежать королю не удается...

ОТ АВТОРА

Хорошо известно, что движущие силы общественной жизни, культуры, сознания людей имеют некоторые характерные особенности. И буржуазная методология либерализма в капиталистическом обществе, смысл которой во всемирно экономическом господстве империализма, и марксистское научное обществоведение в социалистическом обществе – и то и другое начало формироваться еще во времена Великой французской революции.

Итоги этой революции и выводы из них, мои собственные исследования, связанные с двумя вышеназванными общественно-культурными системами, а также почти 100-летний опыт моей жизни показывают, что прогресс в жизни во многом зависит от прогресса в культуре. Истинно государственные мужи должны понимать: надо всемерно защищать интеллигенцию, помогать людям, создающим духовные ценности. Именно так делалось это во времена Перикла и Великой французской революции, когда мысли и правда мудреца Сократа были подняты на вершину жизни.

Если станет так, то я уверен: и жизнь, и культура будут постоянно на подъеме.

Теодорос ТРУПИС

(Род. в 1932 г.)

Греческий поэт, прозаик, драматург, фольклорист. В переводах Е. Новичихина стихи Т. Труписа публиковались в антологии «Новогреческие поэты» (Афины, 1996; Воронеж, 2002).

ПОКИНУЛА...

Мама, только ты меня любила.
Ночи не смыкала глаз,
а дни –
Тяжести мои сама тащила
И от бед меня всегда хранила,
Оставляя радости одни...

Ты ушла – и одиноко стало,
Словно тихий свет
погас в окне.
Радостей уже как не бывало,
Только бремя тяжестей на мне...

Сердце по тебе затосковало,
Приходи, родная,
хоть во сне...

Георгис ВЕЛЛАС (1935-2015)

Греческий поэт, ученый-историк. Более 30 лет (1957-1990) жил и работал в Воронеже. В переводах Е. Новичихина вышли книги Г. Велласа «Песня, вернись в мое сердце...» (Воронеж, 2001), «Шепот души» (Афины, 2002), «Музыка ветра» (Воронеж, 2005). Он один из авторов-составителей избранного Г. Велласа «Эллада – вечная песнь души» (Афины, 2014). Переводы опубликованы также в ряде сборников, выходивших в Афинах, Москве и Воронеже, в греческих и русских периодических изданиях.

* * *

Верю в тебя я, Эллада моя,
Верю, отчизна родная.
Если ты в радости – радуюсь я,
Если в страданье – страдаю.

Верю в тебя я, Эллада моя,
В зори твои и прибой,
В солнце твое и в журчанье ручья, –
Хоть и в разлуке с тобою.

Верю в тебя я, Эллада моя,
В гордый твой дух исполинский.
Верю, как могут одни сыновья
Верить слезе материнской...

* * *

Греки всесильны
И в деле, и в слогe –
Знают о том олимпийские боги.
Время рождает
Мысль и движенье –
Где-то в грядущем их продолженье.

Славу, одетую в мрамор, гранит,
Древний Акрополь в веках сохранит.
Благоговейно склоняюсь я ниц
Перед величием
Этих страниц!

АФИНЫ. 1896

Вся Греция
 была их встретить рада,
Весь мир в те дни
 восторженно затих.
Их собрала сюда
 Олимпиада –
Красивых, сильных,
 смелых, молодых.

Сияла Солнца
 яркая корона,
Торжествовал повсюду
 белый цвет,
И всем знакомый
 мрамор Парфенона
Блестел,
 как будто заново одет.

Не устрашали здесь
 кровавым боем:
Метали диск,
 борьбу вели и бег.
И был народно признанным
 героем
Любой, кому
 сопутствовал успех.

Их веткою оливы награждали.
Но слава
 в глубину веков ушла.
И люди всей Земли
 обожествляли
Красивые
 и сильные тела!

* * *

Мои стихи... Канва их трудно вяжется.
Моим друзьям они, неторопливые,
Порой полузаконченными кажутся,
Как жизнь моя сама – полусчастливая.

Мои стихи – то полуоткровение,
То еле слышный всплеск полумолчания.
И все-таки – в них все мое терпение,
В них вся тоска, вся боль и вся печаль моя.

Мои стихи прошли все испытания –
Холодные дожди и бури снежные.
И все же не ослабло их дыхание,
Не очерствела их душа мятежная.

Мои стихи – они такие разные,
В себя любовь и ненависть вобравшие, –
И жизнью всей моею несуразною,
И радостью единственную ставшие.

Мои стихи – мои дороги дальние.
Мои мечты, что так и не сбываются,
Поют мне песни грустные, прощальные,
И все – в объятьях жизни – растворяются.

НЕСУ С СОБОЙ

Лечу я в облаках,
а рядом, в вышине,
Мелькают стаи птиц,
по боли близких мне.
Несу я на своих
измученных крылах
Разбитые мечты,
воспоминаний крах.
И на меня печаль
так давит тяжело,
Как треснутого вдруг
молчания стекло.

Несу всей жизни груз.
 Неужто упаду?
Несу ночей тепло
 и темных туч гряде,
И эти берега,
 приникшие к воде,
И память о родном
 разрушенном гнезде...

У РОДНОГО ДОМА

Дом родной наш!
С детских лет
Столько связано с тобою!
Но пропал надежды след,
Жизнь заполнив пустотою.

Нас оставила война
Без родителей, без хлеба.
Лишь одно дала она
Нам тогда –
Чужое небо.

Шла за каждым по пятам
Смерть, объятая раскрывая.
Боль пронзала души нам –
Нестерпимая,
Большая.

От родных домов вдали
Столько нас еще по свету!
И попробуй утоли
Боль запущенную эту...

С ДЕТСТВА

Я помню, что в детстве
Ходил без конца
В изношенной, старой
Одежде отца
И маме однажды

В семейном кругу
С обидой сказал:
– Я уже не могу...
Понять не желает
Меня и жена:
Донашивать что-то
Дает мне она.
Стесняюсь сказать ей,
А сердцем кричу:
– В одежде чужой
Я ходить не хочу!..
Но рос в доброте,
В бескорыстии я,
И эта одежда,
Конечно, моя.
Мне скажут: мол, тоже
Довольно стара...
Но что есть на свете
Превыше добра?!

ВСЕ ТУТ РОДНОЕ

Я этот край люблю любовью сына.
Мне дороги до боли с детских дней
И этот мост старинный, и вершина,
Таинственная вечностью своей.
Пусть не пускают тяжкие вериги,
Но все мои пути ведут в свой срок
В деревню
Под названьем Дросопиги,
Где памятен мне
Каждый уголок.
Отступят вдруг
Страдания и горе,
Забудутся
Печали и тоска,
Когда я воду пью из Месохори –
Прозрачного живого родника.
Но память не сотрешь.
С немим укором

Она ведет меня...
А вот и он –
Мой дом родной,
Мое гнездо, с которым
Я три десятка лет был разлучен.
Закрыта дверь его передо мною,
Нет и в деревне никого почти.
Но знаю я:
За этою стеною
Живут мои далекие мечты.
А, может, и мои надежды живы,
Хоть смерть мне в детстве
Лик явила свой.
И я вхожу, вхожу неторопливо,
Как входит жрец
В священный храм пустой.
И все же показалось на мгновенье –
Рукою кто-то
Машет из окна
И говорит:
«Сыночек, с возвращеньем!»
...Но в опустевшем доме – тишина.

* * *

Стану размышлять неторопливо –
Вдруг на мысли
сам себя ловлю:
Жизнь, как ты ко мне несправедлива,
Хоть безмерно
я тебя люблю.

Не могу, желанная, понять я,
Никого на свете не вина:
Неужели ты
в своих объятьях
Не нашла
местечка для меня?

Как же ты жестоко насмеялась
Надо мною, жизнь,
на склоне дней:
Отыскал я Родину, казалось,
Но узнал
свою чужбину в ней...

ЕСЛИ ЗАГЛЯНУТЬ В СЕРДЦЕ

Коль заглянуть
Мне в сердце глубоко,
То можно
Заблудиться в нем легко –
В его горах высоких
И морях,
В непроходимой тундре
И лесах...
Напрасно ты не веришь,
Что оно
Весны, цветов
И радости полно.
В нем боль,
Что так безмерно велика,
В нем искренней
Поэзии река,
Вскормленная
И солнцем, и росой,
И ветром –
Ветер тоже мне родной...

КАНЦИКО

За «софрас»,
Круглый столик небольшой,
Мы все уселись – и отец, и дети.
Но не было сред нас ее одной –
Родной для всех,
Единственной на свете.
В семи стаканах – черное вино.
Был стар отец
И все-таки держался.

Мы выпили и помолчали. Но
Один стакан
Нетронутым остался –
Ее стакан.
Как горек был удел
Так рано
С милой мамою проститься:
Никто из нас
Ни лаской насладиться,
Ни мудрым словом мамы
Не успел.
...А «софрас» наш –
Как будто опустел.

* * *

*Маме – сердцу моему
и свету моих очей*

Каждый день, каждый час –
Кувырком, круговертью,
В непрерывном бою
Между злом и добром.
А в итоге я сам –
Между жизнью и смертью,
Без надежды
В измученном сердце моем.

И когда душат слезы,
Мне горло сжимая,
Я зову тебя, мама.
Как ласков твой взгляд!
И все боли мои
Отступают, родная,
Как уходит наш сельский
Прекрасный закат.

Там, в селе, без тебя
Так печально, уныло,
И угасли мечты,
И цветы не видны,

Горько замерло все
И, как камень, застыло,
Словно в страшные годы
Гражданской войны...

РАССТРЕЛ

Греция, 1948 г.

Ярких красок
 радужные блики
И зари торжественный салют...
А в тюрьме, что рядом, –
 крики, крики:
Мать-гречанку
 на расстрел ведут.

Так рыдала женщина! О, Боже!
Слыша боль ее через года,
Вместе с ней
 и я рыдаю тоже,
Хоть ее не видел никогда.

Антигона смерти не боялась,
Знала, что таков ее удел.
Но на части
 сердце разрывалось:
Шла дочурка рядом на расстрел.

Семь годочков ей, малышке, было.
Но, увидев смерть перед собой,
Только стул
 тихонько попросила –
Рядом с мамой встать...
 Ах, Боже мой...

В бездну злобы ты, страна родная,
Брошена была
 по воле чьей,
От мерзавцев собственных страдая
И от чужеземных палачей?

Во дворе тюремном не впервые
Прозвучали выстрелы глухие.
Покидала этот мир большой
Маленькая хрупкая Мария
С мужественной
детскою душой.

Словно гасло
солнышко в зените,
Словно оказался
мир во мгле...
Люди, люди,
что же вы творите?
Человечность – где она? Ищите,
Чтоб не задохнуться на Земле...

ДВА БРАТА

«Кто сказал, что братья
Не сочувствуют друг другу?..»
Из народной песни

Страшнее, чем гражданская война,
На свете горя нет и быть не может.
Наш двор не обошедшая, она
Мне память, душу
до сих пор тревожит.

Ее следы теряются вдали.
Но, кажется, вчера случилось это.
Их было двое. Братья всюду шли
Вслед друг за другом –
как весна и лето.

Но в дни, когда кипение страстей
Кровавым обернулось вдруг исходом,
Сражался Петр на стороне властей,
А брат его, Георгис,
был с народом.

И, раненый, Георгис угодил
Однажды в злые вражеские руки.
С мученьями Христа бы я сравнил
Его неопишуемые муки.

Он верил в справедливость и хотел,
Чтоб стали все счастливыми на свете.
И лишь за это ждал его расстрел.
А дома ждали –
и жена, и дети.

Да разве смог бы Петр себя простить,
Случись такая жуткая утрата!
И Петр решил Георгиса спасти –
К стене расстрела
встал он вместо брата.

А палачи не удивились, нет.
К тому ж они недолго размышляли.
И Петр упал под пулями, а вслед
Георгиса подонки расстреляли.

О, Господи! Не в средние века
Произошло такое
и не где-то,
А в Греции, чья Мудрость высока, –
На родине Любви, Тепла и Света!..

ПАМЯТИ МАТЕРИ

В объятиях теплого марта
Рождается жизнь на земле.
Но холоден март сегодня –
Сегодня не стало той,
Которая утро несла.
Сегодня не стало весны –
Мама сегодня не стало.
О, мама!
Твои сыновья
Именем этим дышали

На тяжких дорогах чужбины –
И не могли надышаться.
Завяли сегодня цветы,
И звезды сегодня погасли.
И скрипка замолкла моя.

Но сердце твое не завяло!
Оно, как бессмертник, цветет,
Живет в твоих сыновьях.
Нет! Матери не умирают!

ОТЕЦ

Мой отец пережил
И дороги войны, и нужду.
Почерневший всегда
От палящего солнца и пыли,
С детства был он привычен,
Приучен к труду,
Ну, а руки его – работающими,
Сильными были.

Помню, редко ему
Заглянуть удавалось домой.
И тогда, забирая меня
На прогулку с собою,
Высоко-высоко поднимал
Над своей головой,
Чтобы видел я небо –
Огромное и голубое...

* * *

Бесконечной тяжестью во мне –
Груз
 воспоминаний о войне.
В мыслях
 и в душе ее шаги.
Боже, если можешь,
 помоги!

КАК ДОМ РОДНОЙ

Моим русским друзьям

Мой старенький дом покосился весь –
Годы его не щадят.
Но так же, как прежде, приветлив он,
Гостям бесконечно рад.
Теперь я вижу только во сне
Ваш дивный простор степной
И ваши глаза, что были всегда
Полны доброты одной.
А то, что близко, что дорого вам, –
И мне словно дом родной.
Вы все – как одна большая душа
Своей могучей земли.
И если из жизни мне суждено
Уйти от нее вдали,
Хочу, чтобы вы, дорогие, ко мне
В последний мой час пришли, –
Сказали мне пару сердечных слов,
Пожали руку мою
И спели песню, которую здесь
Без вас уже не спою...
Для вас мой дом, открытый всегда,
И трепет души моей.
И нежно-нежно горит очаг
Для русских моих друзей.

ВТОРАЯ ЧУЖБИНА

Подумать даже
я не мог об этом,
Когда решил вернуться
в отчий дом, –
Каким жестоким, злым,
свирепым ветром
Подует вскоре
за моим окном.
Под южным солнцем –
жарким, знойным летом
Душа моя застыла,
как зимой.

Да разве ей согреться
в мире этом,
Где деньги
заслонили жизнь собой?
Я на родной земле –
как на чужбине.
Здесь чахнет все
в духовной нищете.
Здесь нету места –
даже и в помине –
Надежде,
Состраданию,
Доброте...

* * *

Афины... Столько солнца и тепла
Мои глаза ни разу не видали.
Но здесь везде незримо тень легла –
Тень неизбывной грусти и печали.

Свидетели событий и эпох,
Лежат руины здесь, изнемогая.
И каждый камень исторгает вздох,
К людскому милосердию взывая.

Здесь варвары прошли былых времен,
Лишь пепел оставляя за собою.
Поныне руки нежные колонн
Как будто к небу тянутся с мольбою.

Кто их услышит, кто им даст ответ?
«Друзья» заокеанские, быть может?
Но нет ответа, и надежды нет.
«Друзья»-то стали варварами тоже...

АФИНЫ

Дворцы – творенье мастеров Эпира.
Средь них Акрополь – слава, гордость мира,
Всех тех, кто чтит истории глубины.
А для других он –
 так, одни руины...

А там, пониже чуть, – тюрьма Сократа
Стоит, проклятьем Времени объята.
Вот Пника – и с веками не поникла,
Запомнившая мудрого Перикла.

А дальше – Академию найдете,
Где спорили Платон и Аристотель.
И кажется, что здесь звучит все то же:
«Платон мне друг, но истина дороже!»

Храм Зевса Олимпийского – он с нами,
Порушенный эпохами, ветрами.
За каждой коринфской колонной –
Столетия красоты непокоренной.

Напротив – Олимпийский стадион,
Который помнит Марафонца. Он –
«Мы победили...» – нес в Афины весть.
Два слова произнес –
 и рухнул здесь.

Тут каждый уголок гордиться вправе
Причастностью своей к священной славе
И к подвигам, которые – навеки...
Но почему о них не знают греки?

СОСУД

Простой сосуд. Но как прекрасен он,
Пришедший в мир в порыве вдохновенья!
Его рождало в глубине времен
Пластичных рук волшебное движенье.

А ноготь нацарапал надпись тут,
И эта надпись говорит любому,
Что Фидию принадлежит сосуд –
Ему, а не кому-нибудь другому.

Из этого сосуда так давно,
Что, кажется, уму непостижимо, –
Он, Фидий, пил бессмертное вино
И славил, славил жизнь неумолимо.

Эпох, веков неумолим поток.
Но до сих пор того вина напиться
Мечтают люди – хоть один глоток! –
Чтоб от печалей и от бед забыться...

* * *

Сколько солнца, цветов
и такой ароматной прохлады...
Надышаться б за годы,
что жил вдалеке от Эллады!
Буду жить опьяненным морскою,
небесною синью –
Той,
которой так много в глазах
светлоликой России.
Буду птицей лететь,
материнским теплом окрыленный:
Им я был, как Россией сегодня,
всегда обделенный.
Пусть любовь разольется во мне
безоглядно
и нежно,
Как весной разливаются русские реки
безбрежно.
Пусть душа переполнится
воздухом чистым
Эпира,
Чтобы было легко уходить мне
из этого мира!

Я ХОЧУ...

Я хочу, чтоб ты знала, Россия,
о том,
Как была безгранична
печаль расставанья,
Как жестокой разлуки
трудны испытанья,
От которой давно уж
вся жизнь кувырком.
Я хочу, о, Россия,
два сердца иметь,
Про бессмертье при этом
и думать не смея:
Буду счастлив любить тебя
вдвое сильнее.
Буду рад я
вдвойне твоей болью болеть!
Я хочу стать частицей
твоей доброты
И твоей справедливости
скромной частицей,
Чтоб с другими, как ты,
каждой крохой делиться,
Чтоб таким же отзывчивым
быть, как и ты.
Ну, а встреча с тобою –
как радостный сон,
И его не прервут
ни рассветы, ни бури:
Где-то там, в голубой
бесконечной лазури,
Продолжается он...
Продолжается он...

Я КАК СВЕЧА...

«Apatris*»... Это слово сорок лет –
Мое клеймо – стояло в «паспортине».
Оно напоминало: места нет
Мне на родной земле – лишь на чужбине.

Моя душа была – сплошная боль
Томления о родине далекой...
Но я нашел приют свой и любовь
В объятиях России синеокой.
Она мне стала, словно дом родной,
И обо мне молилась, как о сыне.
Я стал горящей, с двух сторон, свечой:
Вдвойне болит моя душа отныне...

МОЛЮСЬ

Как в детстве безрадостном,
верою жив,
В любви и в надежде упрямы,
Больные колени свои
преклонив,
Молюсь олимпийским Богам.

Молюсь, благодарный за то,
что весной
Природа цветенья полна,
За то, что так дивно
о берег морской
Лазурная бьется волна.

И этим дворцам –
как прекрасны они! –
Мой низкий поклон до земли.
...Такое создать
только Боги одни
Да древние греки могли!

БЕСКОНЕЧНЫЕ СТЕПИ

Ах, как же грустно стало здесь, о Боже, –
В краю далеком, мне таком родном.
А степи бесконечные похожи
На женщину с морщинистым лицом.

Здесь даже солнце нынче побледнело,
Здесь горек даже хлеба аромат,

Здесь у степи в поту холодном тело
И беспокойный, отрешенный взгляд.

Как людям жить и как к мечте стремиться,
Когда повсюду ждет их западня?
Я видел сам пустых домов глазницы,
И не оставит эта боль меня.

Где пели и плясали люди прежде,
Там видишь только тысячи сирот.
Нет места в жизни маленькой надежде –
Один большой обман вокруг живет.

Прошу, молю тебя, Всевышний: если
Ты справедлив, то сделай, Боже мой,
Чтоб грусть, печаль с ее лица исчезли –
С лица моей России дорогой...

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда наступит час последний мой,
Когда я стану прахом в этом мире,
Хочу остаться здесь, в земле родной,
В моем краю, в родном моем Эпире.

Пусть над могилой каждый помолчит.
Речей не надо: суть у них пустая.
Пусть речка Сарантапорос журчит,
Мечты мне, как и в детстве, навевая.

А земляки, слезы не обронив,
Пусть, душу грея, над моей могилой
Эпирских песен напоют мотив
И русских тоже – мне родной и милый...

* * *

Я так хочу
на Землю возвратиться:
Здесь умереть
и здесь опять родиться...

Чтоб лучше стать во всем,
во всем добрее
И недостатки
победить скорее.
Открыто жить,
с душою нараспашку,
И голому
отдать свою рубашку.
Правдив перед людьми
и перед Небом,
С голодными хочу
делиться хлебом
И радоваться (кто ж меня осудит?)
За то, что было,
то, что есть и будет.
Открой свою пошире людям дверь –
Тебе поверят,
но и ты им верь.
Родился чужеземцем ты иль греком,
Главней всего –
остаться Человеком.

СКАЖИ МНЕ...

Жене моей Г.Д. Велла

Скажи мне:
Сравнится ли с цветом небес
Очей твоих даль голубая?
Мне в самое сердце вонзался их блеск,
Жестоко его разбивая.

Скажи мне:
Бывают ли губы свежей,
Чем раннего утра прохлада?
То слаще они винограда гроздей,
А то и смертельнее яда...

Скажи мне: найдется ль на свете такой
Цветок, чья пленительней сила,
Который с ума бы сводил красотой,
Как ты меня ею сводила?

Твой образ навеет то радость, то грусть,
И кажется:
Ты – вся Вселенная.
Тебе, как античной Богине молюсь,
Великая и Несравненная!..

ТОЛЬКО ДВЕ КАПЛИ

Любовь –
Как навсегда щекой к щеке
Две капельки росы
на лепестке...
Лишь ты и я,
И луг в цветном наряде.
Любовь –
Как навсегда рукой к руке
Две капельки в прозрачном роднике.
Лишь ты и я,
И склоны гор в прохладе.
Любовь –
Как навсегда щекой к щеке
Две малых капли в голубой реке...
Лишь ты и я,
И вешний лес в тумане.
Любовь –
Как навсегда рукой к руке
Две капли, затерявшихся в песке,
На дне морском,
в лазурном океане...

ЛЮБОВЬ МОЯ...

Кончается жизнь,
пролетев на глазах,
И то, что я видел,
сравнить не премину.
Я взвесить могу
на незримых весах
Любовь и обман,
красоту и чужбину.

Я длинной и трудной
дорогою шел.
Тужу об одном,
о другом – не жалею.
Но вижу:
из всех многочисленных зол
Любовь для меня
стала всех тяжелее...

* * *

Когда поймешь,
когда увидишь ты,
Что стали гаснуть,
рушиться мечты,
Когда опять
не ладятся дела,
Когда, предав,
любимая ушла, –
Не торопись
отчаиваться, друг:
Лишь на минутку
оглянись вокруг.
Поверь:
не каждый – победитель тот,
Кого всегда в любви
победа ждет.
Не всем в делах
сопутствует успех,
Кого одолевает
громкий смех.
Тот победитель,
кто и днем, и в ночь
Умеет боль, страданья превозмочь.
Бывает так: улыбки глаза,
Душа, однако,
черная слеза...

* * *

Когда стою
перед твоим окном,
То кажется, что там
сады без края,
И солнышко,
улыбчиво сверкая,
Плывет над ними
в небе голубом.
Мне кажется:
я пью прохладу рос
И тереблю
копну твоих волос,
В глазах твоих,
как в бездне утопая...
А сердце –
как букет прекрасных роз,
Что тянется к тебе,
благоухая.

ОГОНЬ ЛЮБВИ

Г.Д.В.

Знаю я да Луна:
Всех роднее на свете
Этих глаз глубина,
Губы нежные эти.

Эти ветви кудрей –
Словно локоны ивы.
...Мне любви соловей
Напевает: «Счастливей!»

Я в ней силы ищу,
Чтобы выстоять в буре.
Ей стихи посвящу,
Как Петрарка Лауре...

* * *

Твоих очей
небесной синевой,
Улыбкою твоей
сражен был сразу я.
Как поздно
повстречались мы с тобой,
Волшебница моя
голубоглазая!

Ты – утренняя
свежая заря.
Свежо лицо
и белоснежно тело.
Ах, жизнь моя,
как быстро ты, как зря
И как неблагодарно
пролетела!

Я вяну,
словно розы лепестки,
На голову снега
упали зримо.
Ах, время, ты –
желаньям вопреки –
Жестоко так
и так неумолимо.

Твоею несравненной
красотой
И добротой твоей
сражен был сразу я.
Как поздно
повстречались мы с тобой,
Волшебница моя
голубоглазая!

ВОСПОМИНАНИЕ

Отныне у сомнений я во власти.
Здесь, на чужбине новой, мир жесток,
Здесь мне сулит неумолимый рок
Совсем иную жизнь, иные страсти.
И сердце разрывается на части:
Я никогда так не был одинок.

Когда воспоминанья чередую
Нахлынут ночью – той, что холодна, –
В них ты одна, в них только ты одна
И все, что было связано с тобою.
Но что мне делать с собственной душой?
Ведь так болит – ах, как болит она!

И все же я чего-то ожидаю,
Как ждет дождя иссохшая трава.
И нежные, как поцелуй, слова,
Что ты мне говорила, повторяю.
Чем дальше, тем сильнее понимаю:
Моя любовь жива, еще жива...

* * *

1975

Мне виделось не раз,
что там, вдали,
Мою любовь
убитую нашли.
Нашли ее у моря, на песке –
С прекрасной розой алою в руке.
Казалось, в ней
неслыханная сила:
Как рана, роза
вся кровоточила.
В ней образ
давней боли был моей,
А может быть,
и что-то пострашней...

РОДНИК

Любовь, любовь...
Казалась мне она
То родником
с чистойшею водою,
То морем необъятным,
чья волна
И ласкою пленит,
и красотою.

Но образ этот вспыхнул
и потух,
И стал теперь –
вчера такой любимый –
Иконой изуродованной вдруг,
Большой Бедой –
уже непоправимой...

ПРОКЛЯТИЕ

Твое равнодушие –
словно проклятье ужасное.
Так трудно, так тяжело
нависло оно надо мной.
Была ты как нежность,
была как желание страстное.
Но это – когда-то.
Пути ожидали нас разные...
И жизнь пролетает,
уходит, как ветер степной.

* * *

Зло обнаружить, заметить
не так тяжело –
Ведь на лице каждый раз
отражается зло.
Если ж лицо
голубыми глазами помечено,
Несколько взглядов –
и ваша душа искалечена.

* * *

L.

Как тебя я,
Любовь моя, скрою.
Где я спрячу
тебя от людей,
У свечи
затухающей стоя,
В незадачливой
жизни своей?
Ты душою
меня полонила,
Мне огонь ее
необходим:
Придает он
великую силу
Переломанным
крыльям моим.
Ты паришь
над моею мечтою,
Вся в улыбке,
прелестной такой.
Я ж, окутанный
лютой зимою,
Жду Весны –
ну, хотя бы одной...

ИСКАЛ ТЕБЯ...

Как ищет серебристый луч Луны
Желанной, страстной встречи с темнотою,
Так я искал свидания с тобою –
То на вершинах гор родной страны,
То проходя чужой тропой степною.

Тебя в прохладе каменной искал,
Искал в благоухающем цветенье,
И в летний зной, и на заре весенней,
И на холодных склонах мертвых скал,
В пустыне, где нельзя найти и тени.

Сегодня – за спиной мои года,
А на душе, как будто шрам на шраме.
И чувствую, опутанный делами:
Мою надежду смыло навсегда
Горячими солеными слезами.

ВЕТЕР

Что такое ветер для меня?
Это голос света и огня,
Это крылья тени надо мной,
Это жуткий, дикий волчий вой.

Что такое ветер для меня?
То ли отзвук ночи, то ли дня,
Где тяжелый бесконечный плач
Горестей моих и неудач.

Что такое ветер для меня?
Кажется, что это западня
Или невидимка-круговерть,
Где на грани с жизнью – только смерть.

Что такое ветер для меня?
Он вздыхает, за собой маня.
И летит с ним в дальние края
Песня молчаливая моя.

Что такое ветер для меня?
Тайны свои вечные храня,
Стонет, стонет он... И, им дыша,
Болью переполнена душа...

* * *

Пришла любовь
и жажда жизни с ней.
В холодном мире
стало вдруг теплей.
Наполнен новым
смыслом каждый шаг.

Живу отныне,
об одном мечтаю:
Снежинкой стать бы
на ее губах
И тихо таять,
таять, умирая...

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

А ну, сосед, не прячься больше в тень,
Не хмурься, отгороженный стеною.
Скажи легко и просто: «Добрый день» –
И руку мне пожми своей рукою.

Ведь нам с тобой пора уже давно
Связать себя душевною нагрузкой.
Неси сюда скорей свое вино,
А я накрою славный стол с закуской.

Да разве мы с тобою дикари?
Давай дружить и жизни удивляться!
Не можем, что ли, черт нас поберит,
Хоть изредка друг другу улыбаться?

Не заглушай прекрасный сердца зов,
Иди, не сомневаясь, мне навстречу,
И я услышу звуки добрых слов,
На добрый взгляд своим добром отвечу.

Мы – люди, и негоже нам, поверь,
Закрытыми держать глаза и уши.
День добрый, друг! Пусть знают все теперь,
Что есть у нас с тобой
сердца и души...

* * *

О, мой далекий
и любимый край,
О, Родина моя –
отрада сердца,

Знают о том
и друзья, и враги.
Знают они и о том,
что сполна
Горького мне
перепало вина,
Что на дорогах
нужды и беды
Вдоволь отравленной
было воды.
Но не растратил я
в трудной судьбе
Знания и гордость
Гомера в себе.
Дух Эминеску,
любовь и печаль
Нес я с собой
в чужеземную даль.
И прикоснулся я
там, вдалеке,
К пушкинской – чистой
и светлой – строке.
Там восторгались
ее красотой
Ученики мои
вместе со мной.
Я и сегодня
почувствовать рад
Этих бессмертных
стихов аромат.
Родина Пушкина,
сердце плена,
Стала родной
навсегда для меня.
...Я на печальном
стою рубеже:
Скромный светильник мой
гаснет уже.
Только он был
не напрасно зажжен –
В учениках
продолжается он...

* * *

Старыми тропками –
теми, что пройдены мной,
Крышами – теми, где голуби
только ютятся, –
Буду, Россия,
весеннею первой звездой
Мысленно снова и снова
к тебе возвращаться.

И полечу, поднимусь я
на твой небосвод,
С радостью, с нежностью
землю твою освещая.
Пусть новый день твой
надежду тебе принесет –
Ведь без надежды
не сможешь ты жить, дорогая!

Я ПИШУ ТЕБЕ, РОССИЯ

Моему другу Н. Е. Г.
Пишу я Тебе с горных высей,
Россия родная,
С Олимпа – вершины,
которой нет равных у нас.
Склонив свою голову,
помнить Тебя обещаю,
Пока не придет мой последний,
смертельный мой час.

Пишу я Тебе под неистовым
солнцем палящим,
Способным и скалы согреть,
и людские сердца.
Природой обласканы,
груз непосильный мы тащим,
И каждого участь –
сражаться за жизнь без конца.

Пишу я Тебе с побережья
Эгейского моря,
Конверт свой заполнив
прозрачной и чистой волной.
А, может быть, это –
соленые слезы и горе,
Которым, Россия,
хочу поделиться с Тобой.

Пишу я Тебе под покровом
таинственной ночи,
Накинувшей звездное платье
себе на плечо.
Дыханье ночное и жаркое
Ты между строчек
Прочтешь – и поймешь,
как люблю я Тебя горячо.

Пишу я Тебе, а источник –
прохладный, проворный –
Меня освежает
свою хрустальной водой.
И Ты освежись. Я пошлю
ветерок Тебе горный,
Ведь он в Дросопиги у нас
ароматный такой!

Пишу я Тебе в середине
цветущего лета,
И строчки мои
переполнены светом, теплом.
Я очень надеюсь,
Россия родная, что это
Тот холод уйдет,
что пришел в Твой приветливый дом.

Пишу я Тебе, и любовь моя
так бесконечна,
Как этот великий
простор удивительный Твой.

Я верю, что будет,
Россия любимая, вечно
В глазах Твоих ясных
морей наших цвет голубой!..

БЕРЕЗКИ

Поездил по российским я просторам,
Бог весть куда вели мои следы.
И представали всюду перед взором
Березок нежных стройные ряды.

Я свято верю в их предназначенье:
Их каждый корень глубоко вошел
В тела и души тех, кто из сраженья –
Давно или недавно – не пришел.

Под стужею и в ясный день весенний
Они стоят, над мертвыми склонясь,
Чтобы эпох, времен и поколений
Не прерывалась трепетная связь...

ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ

Чернозему

Тебе слагаю песню, Чернозем.
Достоин ты любой прекрасной оды,
Возделанный рукой самой природы,
Крестьянским тяжким, праведным трудом.
Пролег ты по степи из края в край.
Умытый свежей чистой росой
И обогретый нежностью людскою.
Чтобы богатым был твой урожай.

Тебе слагаю песню, Чернозем!
Неповторим весеннею порою,
Ты так очарователен зимою –
В наряде белом, свадебном своем!
Тогда ты весь – как будто в серебре,
Пушистыми снежинками покрытый,
И доброте, и мудрости открытый,
И светлой, ясной утренней заре.

Тебе слагаю песню, Чернозем,
Твоим великим силам животворным
И к свету пробивающимся зернам,
И аромату хлеба за столом.
Какую красоту я видел тут!
Ну, а какие песни здесь звучали –
О радости, о горе и печали...
Они в душе и до сих пор живут.

Тебе слагаю песню, Чернозем.
Я счастлив: довелось с тобой сродниться.
Я видел, как шумят моря пшеницы
И как достаток входит в каждый дом.
Не всем дано понять, о чем пою:
Не каждого затронет дух Кольцова,
Никитина и Прасолова слово.
...А я всем сердцем повторяю снова:
Люблю вторую Родину свою!

ГОСТЕПРИИМСТВО

Воронежу – моей
второй Родине

Я кровью, сердцем
к той земле приник,
Где молодость моя
вдали мерцает.
Кольцов, Никитин, Прасолов...
О них
Здесь каждый уголок
напоминает.

Любви и дружбы
юношеский пыл
Растрчивал я
в городе старинном.
Здесь много лет я,
чужестранец, был
Не только гостем –
был еще и сыном.

Теперь между тобой и мной
 лежит
 И времени стена,
 и расстоянья.
 Но до сих пор
 душа моя болит
 Неизлечимой
 болью расставанья.

Гостеприимный милый город мой...
 Здесь два крыла
 я на ветру расправил,
 Здесь два цветущих дерева
 оставил,
 Посаженных далекою весной.

...Гостеприимный милый город мой!..

ВОРОНЕЖУ

Люблю твою
 весну голубоглазую
 И мая взгляд
 восторженно ловлю.
 И бархат луга,
 и разнообразие
 Осенних красок –
 тоже я люблю.

Как родники
 сильны своей безбрежностью,
 Став по пути
 Воронежем-рекой,
 Так я теперь силен
 твоею нежностью,
 Твоим теплом,
 твоею добротой...

ПОКАТИЛИСЬ СЛЕЗЫ

1975

Скорый поезд «Воронеж-Москва»
От перрона отходит устало,
И плывут, различимы едва,
За окном очертанья вокзала.

Будто замерло это окно –
Редок отблеск сигналов дорожных.
Все в застывших узорах оно,
Словно в сумрачных мыслях тревожных.

Но с утра потянуло к теплу,
Солнце вспыхнуло ярко, и скоро
Потекли ручейки по стеклу,
Растворяя остатки узора.

А колеса бегут и бегут...
И под стих, всю душу мне рвущий,
Понял я: это слезы текут –
Как предчувствие боли грядущей.

ПИСЬМА

К тишине я
с трудом привыкаю
Все бумагой
шуршу да шуршу:
Сам себя
в пустоту отправляю –
Безответные
письма пишу.

От друзей
ождая ответа,
Весь я
с мыслями наедине.
И глухое
молчание это
Отзывается
болью во мне.

Ночь проходит.
 Предутренней ранью
Затухает
 огарок свечной..
Может быть, я
 в своем ожиданье
Слишком строгим
 бываю порой?..

МОИ МЕЧТЫ

Проходит жизнь,
 и видишь очень мглисто
Следы иных и радостей, и бед.
Она проходит.
 Но не так уж быстро,
Чтобы стереть
 событий четкий след.

Строка моя звенела голосисто.
Но наступает и ее черед.
Строка проходит.
 Но не так уж быстро:
Ее годами, может,
 кто-то ждет.

Мечты мои уже не так лучисты.
Им выпали нелегкие бои.
Проходят и мечты.
 Но так ли быстро,
Как думают о том
 враги мои?!

* * *

Вот и мое уже умчалось лето.
В саду листва
 становится желтей.
И слышу все отчетливее где-то
Прощальный крик
 летающих журавлей.

Душа – в сплошных
 холодных мрачных тучах,
И голову покрыла седина –
Точь-в-точь, как снег
 верхушки ив плакучих, –
Тех, что напротив моего окна.
Но кто же, кто
 из тех далеких дней
Все шепчет мне
 о юности моей?

ПРОЧТИТЕ...

Не знаю
 своего конца пока,
Да и не помню
 своего начала.
Но тянется
 к перу моя рука.
Чтоб слово
 сокровенно прозвучало.

Ну а когда
 заглянет смерть в мой дом,
То наберитесь
 хоть чуть-чуть терпенья:
Прочтите книгу,
 не забыв о том,
Что в ней –
 душевной муки отраженье...

* * *

Наивный до сих пор,
Мечтающий, как прежде,
Я устремляю взор
К звезде своей Надежды.

Внимательно смотрю
Я на ее горенье
И тихо говорю:
«Дай силы и терпенья...»

И хоть еще сильнее
Я мучаюсь, страдаю, –
Прожить остаток дней
Ей честно обещаю...

НЕЖНОСТЬ

Ах, Весна,
Я люблю твой таинственный взгляд,
Полный нежности и вдохновенья,
И твою красоту, и цветов аромат,
И горячего сердца биенье.

Ах, Весна,
Я люблю тебя в образе роз,
Взятых в милые женские руки.
И ни с чем не сравним соловей-виртуоз,
Издающий волшебные звуки.

Ах, Весна,
Я люблю, когда в доме тепло
И все души согреты тобою,
Когда песни мое распевает село,
По-весеннему вновь молодое.

Ах, Весна,
Я люблю, и с тобой на двоих
Мы и радость, и боль разделяли.
Вместе плакали мы, когда братьев моих
В Кессарьяни весной расстреляли.

Ах, Весна,
Я люблю, потому что весной
Я пришел в эту жизнь. И не скрою,
Что желание есть у меня: в мир иной
Уходить, если можно, весною...

* * *

Мне с детства, Боже,
было нелегко...
Но матери я славил молоко.
Я славил светлый
колокольный звон –
Провозглашал
Свободу нашу он.
Я славил
дождевые облака
И песню
дорогого родника,
Любовь,
чья необъятна глубина,
И Истину,
которая – одна...

* * *

День настает.
Его рождает ночь
И, жертвуя собой,
Уходит прочь.

Когда повсюду
Властвует весна,
Живут цветы,
Но сгнили семена.

Синеет высь,
Но тучи, уходя,
Падут живыми
Каплями дождя.

Есть вечный подвиг:
Жизни так служить,
Чтоб, вечно умирая,
Вечно жить!

Периклис ЗАВИТСАНОС

(Род. в 1960 г.)

Греческий поэт, историк. В переводах Е. Новичихина вышли книги П. Завитсаноса «Вливается прошлое в настоящее» (Кишинев, 2005), «Sol Invictus. Неукротимое солнце» (Кишинев, 2006), «Неотвратимый переход» (Афины, 2016). Отдельные стихотворения публиковались также в журнале «Молдова литературная», в греческой русскоязычной печати.

ВЛИВАЕТСЯ ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕЕ

* * *

Я долго и настойчиво, упрямо
Готовил путешествия маршрут.
С себя пришлось мне скинуть уйму прямо
Земного притяженья тяжких пут.

Мне предстояло побывать не близко,
Отбросив бремя предрассудков прочь,
И там, в пути, с немалой долей риска, –
И время, и пространство превозмочь.

Была бы мне не лишнею подмога,
Но я один отправился в свой путь:
Ведь крылья тяжелы мои немного –
Двоих, пожалуй, им не потянуть.

Я истину искал в большой надежде
И многих, путешествуя, встречал:
Из них кого-то лично знал и прежде,
О ком-то часто слышал и читал.

Одни меня приветливо встречали,
Другие – настороженно порой:
Они хотели выяснить вначале,
Зачем явился к ним, кто я такой.

Потом беседы повели со мною
О том, что было в жизни после них,
Интересуясь пристально судьбою
Друзей, знакомых и врагов своих.

Разнообразны их вопросы были,
Выстраиваясь в бесконечный ряд.
Как люди их деянья оценили?
Что думают о них? Что говорят?

Есть перемены в моде? И какие?
А что в театрах нового сейчас?
Заполнены они или пустые?
К ним интерес бессмертных не угас?

И оказалась истина простою:
Суров и беспощаден бег времен,
И трудно разглядеть за суетою,
Как быстро этот мир меняет он.

Остался лишь один песок сыпучий
От видных древних храмов и дворцов,
На карте не найдешь былых могучих
Империй и прекрасных городов.

Меняются эпохи, вместе с ними
Меняются и люди без конца:
Становятся и взгляды их иными,
И вкусы их, и даже их сердца.

Но был всегда и есть, и остается
Участник очень важный – человек,
И он с мечтой своей не растается,
Несет ее с собой из века в век.

Стремится он, творя и созидая,
Переступить реальности черту:
Свои деянья людям посвящая,
Бессмертия осилить высоту.

Кого-то увенчала эта слава.
А что о нас подумают в свой час
Другие путешественники, – право,
Зависит лишь от каждого из нас.

И если к цели двигаться упорно,
Искать добро и справедливость в ней, –
Дадут плоды твоих усилий зерна.
Дерзай и действуй, новый Одиссей!

Оракул в Дельфах*

Вступал я в Дельфах с трепетом в твой дом,
Чтобы узнать в волнении глубоком
Из уст твоих пророческих о том,
Что ждёт меня в моем пути далеком.

Дрожали ноги. Да, большая честь
Ступить сюда, увидеть эти стены.
Я понимал отчетливо, что здесь
Эллады сердце, сердце Ойкумены.

В твою святыню я войти посмел
Не только для того, чтоб поклониться, –
Я у твоих жрецов спросить хотел:
Какой беды в дороге сторониться?

Я открывал грядущим встречам счет,
И знать хотелось с самого начала,
Куда меня дорога увлечет
И у какого окажусь причала.

Я напрягал и зрение, и слух,
Ступеньки одолев. Но что такое?
Здесь нет ни посетителей, ни слуг,
И все объято странной тишиною.

Кому вопросы я свои задам?
Куда твои жрецы ушли из дома?
И почему повсюду – тут и там –
Следы невероятного погрома?

Все-все вокруг – в пороховом дыму,
Оружие звенит, я слышу, в далях.
Там варваров орда. Но почему
Восторженно кричат они: «Аларих!»*

Нет, не тебе – ему все как один
Они свою хвалу и славу множат.
А где же ты, могучий властелин?
Алариха ты убоялся, может?

Да, смертным не пристало никогда
Твоих поступков обсуждать детали.
Но как же крестоносная орда
И тьмы сыны жрецов твоих прогнали?

Они, жрецы, предвидеть все могли
И были этим очень знамениты.
Но как случилось – сами не нашли
Ни у кого поддержки и защиты?

Понятно, что не все предотвратишь:
Крутые очень у судьбы изломы.
Но почему, всемогущий, ты молчишь,
Не мечешь в гневе молнии и громы?

Как жаль: жрецам помочь я не успел,
И силы зла свое свершили дело –
Не потому, что робок я, несмел,
А потому, что так судьба велела.

Ну а, возможно, в Дельфы, в этот дом
Я опоздал не так уж и намного?
Ведь цель моя ответственная в том,
Чтоб на земле в веках прославить Бога.

Наступит эры эллинской заря,
В нее мы верим – в эру чести, света.
Тебе принадлежит она не зря.
Уже видны ростки ее расцвета.

И как бы ни старались силы тьмы,
Отметим вместе этот праздник мы.

Тиран Поликрат*, фараон Амазис и Эзоп

Все могло быть по-другому, Поликрат:
Властью, силой и достоинством богат,
Ты не только был у смертных на виду –
Шли и боги у тебя на поводу.

И казалось всем, кто близок был к тебе:
Ты хозяин в своей собственной судьбе.
Хоть и жизнь не обходилась без интриг,
Знали все: не сосчитать друзей твоих.

Выделялся среди них Амазис – он
Был великого Египта фараон.
Благородный, бескорыстный и прямой –
Другом с радостью б назвал его любой.

Он просил тебя: «С судьбою не шути,
У нее непредсказуемы пути,
И спесивым быть негоже перед ней:
Жизнь сложна, но может стать еще сложней».

Ты не слушался, смеялся ты над ним.
Похвалялся ты могуществом своим.
Ты свой перстень кинул в море, Поликрат:
Мол, за это боги все тебе простят.

До Амазиса дошел об этом слух –
Отвернулся от тебя твой лучший друг.
Он сказал – и был резон в его словах,
Что гордыня, Поликрат, – твой главный враг.

Все могло быть по-другому, Поликрат.
Но из жизни сделал ты сплошной парад.
Ну, а был бы ты скромнее хоть чуть-чуть,
То и друга мог хорошего вернуть.

Пифагора ты с письмом к нему послал –
И ученого Амазис поддержал:
У великого жреца Сопсиза он
Стал учиться, в тайны духа посвящен.

Знаний свет понес народу Пифагор.
С ним наука выходила на простор.
Разум космоса понятен стал ему –
Это все благодаря тому письму.

Поликрат, тебе понять бы поскорей
То, о чем предупреждал Эзоп людей:
Вслед за светлой полосой, в свой черед,
Обязательно и черная грядет.

Да, могло быть по-другому, Поликрат,
Но, как видно, только сам ты виноват:
Жизнь нескромная пошла тебе в зачет –
Был судьбы твоей трагичен поворот...

Пифагор и Демосег*

Мы благодарны тебе, Демосег, до сих пор.
Всем нам ты благо принес – и оно, это благо, безмерно.
Если б не ты, Демосег, – твой земляк Пифагор
Мог навсегда в Вавилоне остаться, наверно.

Ты, Демосег, сохранил земляка для людей.
Нам ведь известно сегодня – и определенно,
Что на свободу отпущен по просьбе твоей
Дарием был он – великим царем Вавилона.

Дома не каждый его появления ждал:
Мало кто верил, что он, Пифагор, возвратится.
Он же, вернувшись, учителя даже застал
В час его смертный, успев с Гермодамом* проститься.

Он у Сопсиза-жреца обучался сперва.
Истин открылось ему в том ученье немало.
Долго учился, их было, тех лет, – двадцать два.
А на двенадцать судьба с Вавилоном связала.

Боги ему разрешили вернуться домой,
Он для великих деяний созрел в эту пору.
Дома увидел любимую маму живой –
Был от бессмертных подарок такой Пифагору.

Тридцать четыре мучительных года ждала
Сына она, каждый день набираясь терпенья,
Зная, какая дорога его позвала,
Веря в звезду его яркую, в предназначенье.

Радуюсь встрече желанной, гордилась она.
Пифия* ей предсказала Дельфийская это:
Сын будет людям известен во все времена,
Став для них вечным, могучим источником света.

Ты, Демосег, человечеству очень помог:
То, что предсказано было, все так и свершилось.
Жаль, Пифагор почему-то поведать не смог,
Как и когда, Демосег, твоя жизнь завершилась.

Было трагическим или спокойным житье?
В милости был у великих ты или в опале?
Нам неизвестно и предназначенье твое,
Да и жрецы его, кажется, не предсказали.

И не дает нам покоя вопрос: если мать
Все наперед из пророчества знала о сыне,
Значит ли это – сумели жрецы предсказать
Ей о печальной его, о трагичной кончине?

Если сумели – навеки прославлена пусть
Будет она, воспитавшая сына в тревоге
И помогавшая выбрать единственный путь,
Чтобы исполнил он то, что задумали боги.

А не сумели – то это пророчество нам
Менее важным не кажется иль неглубоким.
Ты ж, Демосег, оказался в то время и сам
Там, в Вавилоне, где было угодно богам,
Хоть о тебе не сказали жрецы и намеком...

Фараон Мекара* , его сын Гастатефом и слуга Некхт

Смекалист фараон Мекара был.
Хоть никакого не давал обета,
Работу храмов оценить решил.
Он понимал: заметят боги это.

Задача – инспектировать жрецов –
Была по силам, ясно, не любому.
Ее, поразмышляв, в конце концов
Доверил сыну он – Гастатефому.

Тот в путь собрался со слугой вдвоем,
Весьма сообразительным и верным:
Был Некхт древнейших храмов знатоком,
Надежным человеком слыл, примерным.

И вышли не спеша. Был каждый рад,
Что им такая миссия досталась.
Готовили ответственно доклад,
Описывая все, что им встречалось.

В Гермеполе в великий храм вошли
И там, у самых ног Тота-Гермеса* ,
На плитке надпись древнюю нашли,
Занявшись ею не без интереса.

Слуга старался очень – первым он
Расшифровал загадочную фразу
И был настолько ею поражен,
Что доложил Гастатефому сразу.

Подумал и решил Гастатефом:
Проверку стоит продолжать едва ли –
Пора вернуться, встретиться с отцом.
И оба путешествие прервали.

Был надписью встревожен фараон.
О жизни и о смерти много зная,
В себя ушел, уединился он,
В глубокие раздумия впадая.

Он понял: жизнь когда-нибудь пройдет,
И каждый за свои грехи ответит.
Потусторонний мир любого ждет,
Но каждого по-разному он встретит.

Все суета – почет, богатство, власть.
Они приятны человеку, может,
Но в светлый мир Озириса* попасть
Лишь добрая душа тебе поможет.

И шла о том в находке ценной речь,
Что с каждой жизнью связана другая
И надо равновесие беречь,
Его нигде, ничем не разрушая.

Жить так, чтоб жизнь короткая твоя
Не вред, а только благо приносила
Любой живой частичке бытия, –
Об этом надпись древняя гласила.

И душу стал готовить фараон:
Земных утех и радостей чурался,
Стал к мясу, рыбе равнодушен он –
К ним больше с той поры не прикасался.

Попал он в мир Озириса в свой час
Иль не попал, – об этом неизвестно,
Но если там он, то любой из нас
Завидует Мекаре, скажем честно.

**Нимфе
(В ожидании)**

Мы долго когда-то
Друг друга искали –
В космических кольцах,
В немыслимой дали.

Внезапно мы встретились
Ближе с тобой –
И в брэнной, и в сумрачной
Жизни земной.

Хоть вечность была нам
Одной на двоих, –
Лишь душами
Соприкоснулись на миг.

Короткое было
У нас и прощанье –
Успели мы только лишь
Дать обещанье,

Что будем
В космических кольцах опять
Друг друга всегда,
Бесконечно искать.

**Египетской принцессе
(В одесском музее)**

В музейном углу
Ты потупила взгляд
И молча стоишь.
Ты для всех – экспонат.

Ты – мумия.
Это заметит любой.
Ты вовсе не блещешь
Своей красотой.

Лишь изредка кто-нибудь
Кинет: «Она
Отлично, однако же,
Сохранена.

Да, в мумиях толк
Понимали жрецы:
Ведь были они
В этом деле спецы».

У всех на виду,
В электрическом свете,
Обидно тебе
Слушать глупости эти.

Когда-то красивая
И молодая,
Ты гордой была,
Женихов отвергая.

Тогда женихов этих
Было немало.
Ты лучших из лучших
Сама выбирала.

Сегодня ты ждешь:
Ну, хоть кто-нибудь рядом
Замрет на мгновенье
С мечтательным взглядом?

От теплой страны
Ты теперь далеко.
И здесь без нее
Тебе так нелегко!

Мечтаешь ты,
Глядя в пустующий зал,
Чтоб ветер пустыни
Тебя целовал.

Тоскуешь, грустишь,
Вспоминая черты
Любимых и милых
Родителей ты.

Всему на Земле
Отпускается срок,
И время дворцы
Превращало в песок.

Везде – и на родине,
И на чужбине –
И климат, и нравы
Другие уж ныне.

Где город поднялся –
Огромен, хорош –
На карте и места
Уже не найдешь.

И люди другие там,
И города.
Но ты всей душою
Стремишься туда.

Волнует тебя,
Как сложились дела,
Когда-то которые
Ты начала.

Но как возвратиться
В родные места?
Ведь эта задача,
Увы, не проста.

И кто же поможет
Вернуться домой,
Чтоб долг ты исполнила
Перед судьбой?

Тут многое надо
И знать, и уметь.
Тут мистикой даже
Неплохо б владеть.

Да, эта задача,
Конечно, трудна,
Но все ж не совсем
Нереальна она.

Клянусь, обещаю –
И в этом не лгу –
Что я непременно
Тебе помогу.

Чтоб долг ты исполнила
Перед судьбой,
Чтоб в сердце твоём
Поселился покой.

Филипп II

Тебя настигла смерть в счастливый миг,
Когда в столице люди ликовали:
Хозяином судьбы тебя назвали
Эллады всей и подданных твоих.

На праздник этот собралась вся знать,
Шло гладко церемонии теченье.
Чтоб знали все твое предназначенье,
Сюда пришлось и варваров позвать.

Когда в сиянье славы был ты весь,
Когда везде твое звучало имя,
Решили боги вдруг, что рядом с ними
Гораздо больше нужен ты, чем здесь.

Ты был в борьбе и в поисках всегда.
Где б ни прошел, тебя ждала победа,
Ни страха, ни сомнений ты не ведал.
И вот пришла нежданная беда.

Тебя не убаюкал царский трон –
Ты замыслов был полон и решений,
А каждый результат твоих свершений
В грядущее всегда был устремлен.

В глазах твоих, когда ты умирал,
Внезапное застыло удивленье:
Не знал ты и в среде врагов смятенья –
И вдруг его среди друзей узнал.

Но верили друзья в судьбу твою,
Не сомневались: ты не можешь сдаться –
Не раз ты выходил из ситуаций,
Когда стоял у жизни на краю.

Свидетельство тому – твои дела.
А также многочисленные раны...
Но были у богов другие планы.
И жертву смерть на этот раз нашла.

Ты знал, что у твоих великих дел
Могучая открылась перспектива.
И как же смерть была несправедлива –
Ты завершить еще не все успел.

Но времени на это не дано –
Ты понимал, и только волновало:
Все то, чему ты сил отдал немало, –
Как в будущем продолжится оно?

Нет, ты недаром путь прошёл большой
И нес неиссякаемую веру,
Что будущую Эллинскую эру
Прославит Александр – наследник твой.

Тебе к бессмертным открывалась дверь,
И в эту дверь ты мог войти спокойно:
Наследник заменил отца достойно.
А ты, Филипп, служи богам теперь...

Олимпиада, Нектабет и Псевдо-Каллисфен

Мы, Каллисфен*, тебе нынче хвалу воздаем.
Был настоящим иль «псевдо» ты – это детали.
Мы же – о главном здесь, мы здесь – совсем о другом.
К слову сказать, и не мы тебя «псевдо» назвали.

Имя твое никого не волнует сейчас:
Истину ценим и мы, но она – не в названье.
Мы благодарны судьбе, что, как прежде, до нас
Ветры доносят истории древней дыханье.

Ты рассказал нам, что жил на Земле Нектабет*.
Был египтянином, слыл образованным очень.
Знал он на все лишь единственно верный ответ,
Был в предсказаниях даже искусен и точен.

Ты, Каллисфен, нам поведал еще об одном:
Судьбы людей были тоже в руках Нектабета –
Он управлял ими, и потому колдуном
Звали его. Видно, были причины на это.

Как-то послал Нектабет в Македонию сон –
Мог он такое, презрев расстояний преграду.
В нем, этом сне, целовал сам могучий Амон*
Мать Александра Великого – Олимпиаду.

Был поразителен просто посланья итог –
Видела сон и она: с нею Зевс целовался –
Эллинский наш, Олимпийский прославленный бог,
Тот, что с Амоном Египетским отождествлялся.

Да, полководца великого можно понять:
Взявший Египет, рванулся он к храму Амона.
Там, в бесконечной пустыне, ему увидеть
Очень хотелось родное отцовское лоно.

Ждали жрецы полководца. Не знать не могли:
Он обязательно явится, движимый долгом.
Радостно встретившись, в храме беседы вели,
Много ему объяснили в общенье недолгом.

Смертным об этих беседах узнать не дано,
Вряд ли их тайна откроется определенно.
Людам жрецы рассказали лишь только одно:
Сын прославляет деяньями Зевса-Амона.

Мы, Каллисфен, тебе нынче хвалу воздаем:
Ты сообщил информацию важную очень.
А настоящий иль «псевдо» ты – дело не в том.
Да и не мы тебя «псевдо» зовем, между прочим.

Олимпиада

Да, ты кривить душой
Всегда была не склонна.
Но истины пути
Бывают не просты.
О том, что Александр –
Сын Зевса-Ра-Амона,
Филиппу рассказать –
Ну, как решилась ты?

Неужто гнева ты
Его не убоялась
И ярости огня,
Сверкнувшего в глазах?
Ну, а к нему пришли
В тот день не гнев, не ярость –
Филиппа посетил
Тогда обычный страх.

Он думал: «Жизнь пройдет –
И что найду в итоге?
Кому громаду дел
Своих я передам?»
И к выводу пришел:
Мудрее смертных боги –
Ход будущего им
Известнее, чем нам.

А, может, ты была
Права, Олимпиада,

Поведав, что с тобой
Общался Зевс-Амон,
Что, сына воспитав,
Ты понимала: надо
Сберечь его теперь
Для будущих времен.

Он был велик во всем.
Его могучий разум
Был дальновиден так,
Что в глубь веков проник.
За многое он был
Тебе одной обязан –
Огромный человек,
Прилежный ученик.

Сумела ты понять
Предназначение сына
И верила всегда,
Что час его придет.
Когда и почему
Найдет его кончина –
Об этом тоже все
Ты знала наперед.

Он смело прошагал
По избранной дороге,
И с ним в пути большом
Был эллинов завет:
Есть в мире высота –
Честь, Родина и боги,
А выше ничего
На этом свете нет.

И нам сегодня так,
Олимпиада, грустно –
Ведь знаем мы: когда
Его беда звала,
То повернуть судьбу
В назначенное русло
Ты попыталась все ж.
Да только не смогла.

Но жизнь его прошла
Не даром, не бесследно.
Триумф его идей –
Он был неотвратим,
И нами он еще
Продолжится победно.
И сердцем, и душой
С тобою мы и с ним.

Он веру нашу нес
По жизни величаво.
И мы, сыны веков
И Родины сыны,
Сегодня говорим:
Тебе хвала и слава.
И знай: ему всегда
Останемся верны.

Рождение Александра

Млечный Путь в ту ночь как будто пологом
Землю всю накрыл, горя светло.
И пришлось судить-рядить астрологам,
Объяснять: а что произошло?

Отыскали книг запас таинственный,
Пролистали их за томом том,
В эту ночь родится тот, единственный, –
Четко говорило все о том.

В ход пустили все свои познания,
Так боясь ошибку допустить.
Делали и записи заранее,
Чтоб о нем потомков известить.

Весь народ готовился к рождению –
Каждый миг учли и каждый шаг.
В зал, где ожидалось появление,
Царский герб повесили и флаг.

Но Олимпиада и тревожною,
И сосредоточенной была:
Знала лишь она, какую сложную
Станет жизнь того, кого ждала.

И самим Филиппом было велено:
Чтоб он мог спокойно в мир войти, –
Убирать, уничтожать немедленно
Все, что встанет на его пути.

Кто-то знал, а кто-то – по наитию,
Понимали все, сомнений нет:
Это необычное событие
На Земле оставит яркий след.

Даже, помогая всем старательно,
Дети в эту ночь не стали спать:
Первыми хотелось обязательно
Им такую новость рассказать.

Млечный Путь торжественно светился,
Не светился даже, а сиял,
Чтобы он нигде не заблудился –
Сразу в Македонию попал.

Признание Победы*

Победа, и красива и стройна,
Пришла на праздник тех, чьи подвиги нетленны.
Перед властителями целой Ойкумены
Свою склонила голову она.

В счастливой точке замер жизни бег.
Свершилось то, что сами боги предписали.
Пьяны от радости, все головы теряли –
Настолько грандиозным был успех.

Им, выдержавшим трудные бои,
Пришлось впервые без оружия собраться:
Они пришли сюда удачей наслаждаться,
Отдать Победе почести свои.

В роскошных залах множество знамен.
Здесь все колонны даже выглядят парадно.
Победа, как и все, торжественно-нарядна –
Одега в белый праздничный хитон.

Царит повсюду единенья дух.
В глазах Победы огоньки бегут, сверкая.
Она волнуется, кого-то ожидая,
И смотрит в нетерпении вокруг.

На время отложив свои дела,
Она решила на визит добросердечный.
Опаздывал ее великий подопечный,
Ради кого она сюда пришла.

Все взоры на нее устремлены,
Все взгляд ее поймать стремятся восхищенно,
Надеясь, что она к ним будет благосклонна,
Что с нею на успех обречены.

Победой протокол нарушен был.
Богами и людьми он должен соблюдаться:
Не стоило ей здесь, среди смертных появляться,
Но удержаться не хватило сил.

А вот и он: приветствовал богов,
Поэтому пришел на праздник с опозданием.
Встречали все его с почтеньем и вниманьем,
И с гордостью – она: вот он каков!

Ей вспомнились прошедшие года:
Она самих богов вельенье выполняла
И с детства берегла, везде сопровождала,
Его учила побеждать всегда.

Стоял он от нее не вдалеке.
Она, любуясь им, так в этот миг гордилась!
И вдруг в ее глазах слезинка появилась
И тихо покатила по щеке.

Даров повсюду много и вина.
Кружились все, и все от счастья ликовало.
О днях сражений лишь одно напоминало:
Надежно стража вооружена.

Казалось это лишним и смешным.
Невероятен был, немислим путь измены.
Кто покушаться мог на славу Ойкумены?
Кто смог бы в силе потягаться с ним?

Возвышенные речи, шутки, смех,
Одежд прекрасных ослепительно сиянье,
И танцы без конца, и музыки звучанье, –
Восторг объединил и сблизил всех.

На всем лежала торжества печать,
И громкие слова звенели в каждом тосте.
Забыли как-то все о самой главной гостье,
О том, что надо почести отдать.

Победа не была оскорблена,
И невнимание ее не возмущало –
Ей всяких почестей и без того хватало,
Сюда ж проститься прибыла она.

Он тоже слез ее не замечал,
А, может, делал вид, что их не замечает.
Что в этот день его Победа покидает, –
Об этом он в тот час еще не знал.

Он праздновал успех и знать не мог:
Она, любуясь им, свои дела итожит
И впредь, увы, сопровождать его не сможет
На перекрестках жизненных дорог.

Она прошла с ним путь такой большой!
Ей повелели боги в вечность возвращаться.
Ему же надо одному теперь остаться,
С единственной спутницей – судьбой.

Победа поклонилась и ушла.
А те, кто восхищались ею, стоя рядом,
Остались в зале, провожая гостью взглядом.
Их ждали повседневные дела.

Роксана*

Ты завистью подруг своих, как видно,
При жизни не была обделена:
Ведь каждой было понимать обидно,
Что ты ему досталась – не она.

К тебе, конечно, были благосклонны
Шаги судьбы: не просто властелин –
Тебя тогда сын Бога выбрал в жены.
На всей Земле он был такой один.

Его взрастил веками закаленный
И благородный македонский род.
Он полководец был непревзойденный –
Об этом до сих пор молва идет.

Но знаем, что ему не уступала
Ни в мудрости, ни в благородстве ты,
Имея кроме женского начала
Большой запас духовной красоты.

На вашей свадьбе, шумной и красивой,
Немало знатных собралось гостей.
Они желали жизни вам счастливой,
Здорового наследника скорей.

Ни у кого и не было сомнения:
Талантами не оскудеет род –
Достойным будет ваше продолжение,
И час его в истории пробьет.

Все легким и простым тогда казалось,
И рада ты была, гордилась тем,
Что шел наследник в мир, что оставалось
Его уже недолго ждать совсем.

Он тоже сыном будущим гордился,
Хотел, чтоб тот скорей набрался сил,
Помощником надежным становился
И так же Македонию любил.

Не раз он представлял, как будет рада,
На время отложив свои дела,
Их встретить и обнять Олимпиада,
И внука ждать, как и его ждала.

Казалось, что весь мир лежит, просторен,
У ваших ног, надежды вам даря.
И вдруг наедине с великим горем
Ты оказалась возле алтаря.

Та жизнь, что вам сулила море света,
Цветами распускаясь по весне,
Мгновенно позади осталась где-то,
Казалось, что привиделась во сне.

Судьбе ты не сдавалась обреченно,
Хоть занесла она над вами меч:
Ты молодого Александриона*
Старалась от несчастий уберечь.

Хоть в трудный час и мы с тобою были,
Но новая нагрянула беда:
Другие нас тогда опередили –
Без совести, без чести, без стыда.

Те, кто его, как Бога, величали
И в верности клялись ему не раз,
Наследство все присвоили вначале,
Потом коварно умертвили вас.

Судьба с тобой и с ним сводила счета.
Ах, если б раньше догадалась ты
О том, что этой жизни повороты
Бывают так немислимо круты!

А, может, вопреки судьбе суровой,
Ты ждешь его опять, чтоб разделить
С ним все победы и утраты снова
И нам его потомство подарить...

Скорбь в Вавилоне

Весь Вавилон в бесконечной и горькой печали.
Здесь поворотов судьбы, безусловно, не знали,
Ну, а такого крутого – не ждали совсем.

В скорби друзья безутешной, в огромной тревоге:
В час роковой от него отвернулись и боги –
Чем-то он стал неугоден им, видно. Но чем?

Встретился он со жрецами из храма Амона.
Были беседы, в которых они неуклонно
Предупреждали его, но всегда – о другом.

Их предсказания были в те дни не такие,
В них говорилось, что ждут его в Александрии:
Будет восторженным, будет горячим прием.

Вся Македония насторожилась, не веря
В то, что случилась ужасная эта потеря.
– Видно, ошибка какая-то, – каждый твердит.

Но появилась трагедии страшной примета –
Видели: в черное Олимпиада одета
И со жрецами с утра повстречаться спешит.

Ночи такой беспокойной не знала Роксана:
Вроде на свет появиться наследнику рано,
Что ж он у сердца стучится сильней и сильней?

У аргираспидов* вид и растерян, и мрачен:
Знают же все, что охрана была их задачей.
Как не ищи оправданья – не справились с ней.

Головы снова враги поднимают в надежде –
Воинский дух должен быть боевым, как и прежде.
В полной готовности армия, конница, флот.

Варвары даже встревожены: что теперь будет?
Он обещал: в новом царстве о них не забудет,
Место для них обязательно в мире найдет.

Что замолчал Аристотель? В чем корни измены?
Где же он, тот пресловутый конец Ойкумены?
Рядом совсем оказался – мгновенно настал.

В черном ли воины? Или одежды простые?
Знает ли кто-нибудь: почести богу какие
Надо отдать? И каким должен быть ритуал?

Даже Олимп в потрясении замер тревожно.
Боги не знают, как стало такое возможно,
И обсудить эту новость спешат поскорей.

Их беспокоит, как выдержит Олимпиада
Горе свое безутешно-безмерное. Надо
Срочно Олимпа сочувствие высказать ей.

А среди смертных по-разному все рассуждают.
Кто повышение друга уже предвкушает,
Кто беспокоится очень, удержится ль сам.

Кто-то посеять раздора пытается семя,
Кто-то решает: пришло для восстания время,
Кто-то империю делит уже по частям.

Были и те, кто жалели об этой кончине
Лишь по сугубо корыстной и личной причине:
Очень хотелось и впредь богатеть без труда...

Кто-то открыл с ним и новые земли, и воды,
Кто-то ответ отыскал на загадки природы,
Кто-то на новых местах возводил города.

Были дела его неоднократно воспеты,
И не без повода так волновались поэты:
Явятся ль те, чьи деяния их вдохновят?

Были и те, кто, узнав о трагической вести,
Требовал тут же расправы, немедленной мести,
Сложный вопрос разрешая: а кто виноват?

А на Олимпе закрыли собрание боги
И, рассудив справедливо, решили в итоге:
Гибель его – дело злых, лицемерных людей.

Факт, к сожалению, неоспоримо доказан:
Люди к предательству склонны. А, значит, обязан
Сам позаботиться был он о жизни своей.

Он оказался беспечен, к их общей досаде.
Боги Гермеса отправили к Олимпиаде,
Чтобы сказал в утешение несколько слов.

А у нее, горемычной, и слез не осталось.
Знала она, что за этой бедой надвигалось:
Путь потрясений открылся, жесток и суров.

Как она сына готовила к подвигам долго!
Как откликалась на зов материнского долга!
А в результате, выходит, – на радость врагам.

Ночь для Роксаны была настоящим кошмаром,
Сердце болело – она понимала – не даром:
Только рассвет появился, отправилась в храм.

Но от богов получить не успела ответа –
Люди быстрее принесли ей известие это:
Умер властитель ее, полководец и муж.

Сил она тут же, бедняжка, лишилась последних
И потеряла сознание. Затих и наследник:
Некуда было спешить и опасно к тому ж...

Собрание полководцев

Отдав офицерам своим приказания,
С собой не забыв и оружие взять,
Отправились вы на большое собрание,
Готовые, словно купцы, торговать.

Собрал вас нежданный трагический случай.
Здесь прежде не знали подобных потерь:
Из жизни ушел полководец могучий.
Решать надо было, что делать теперь.

Могли и без слов рассказать ваши раны
О том, что вы все отличились в боях.
О том, как сдавались вам целые страны,
Вставал на колени поверженный враг.

За вами, привыкшими только к победам,
Хорошая всюду летела молва,
И ясно вполне: на собрании этом
У каждого равные были права.

Но было для вас непривычно и ново
В тот раз без него собираться, одним:
Всегда за ним было здесь первое слово,
И слово последнее – тоже за ним.

И можно представить: конечно, сначала
О скорби пошла на собрании речь,
О том, как вас знамя его вдохновляло,
Которое трепетно надо беречь.

И хоть волновались, но очень спокойно
Вопрос задавали совсем не простой:
Кто может занять его место достойно
И кто вас теперь поведет за собой.

Вы долго и нудно тогда заседали.
Здесь мужество, храбрость совсем не нужны:
Ведь вы не противника атаковали –
То хитрость, то ловкость тут были важны.

И вы обнаружили качества эти.
Сумев в дележе постоять за себя.
А рядом солдаты рыдали как дети,
О нем – и простом, и великом – скорбя.

Вы вышли с собрания и объявили
О том, как прощанья пройдет ритуал.
А как вы чины и богатства делили –
Об этом, конечно, никто не сказал.

Что ж, в общих чертах, не вникая в детали,
Собрание было удачным вполне:
Вы все разделили и согласовали,
Не думая вовсе о завтрашнем дне.

Покинули место собрания вскоре,
И каждый в свой лагерь вернулся опять.
Царило везде неутешное горе –
Нельзя о победе пока рассказать.

Вы дали своим офицерам задание:
Надежную стражу поставить вокруг.
И уединиться явилось желание –
Мечту вы реальностью сделали вдруг.

И вновь вспоминали о том, засыпая,
Как были удачливы там, в дележе,
Самим Александром себя представляя –
Понятное дело, великим уже.

Летали вы в мыслях победными высями –
Уж вкус-то победы любой из вас знал.
Уснули спокойно вы с этими мыслями.
Вас завтрашний день с нетерпением ждал.

Неарх*, родом из Крита

О жителях Крита известно давно:
Здесь каждый рожден моряком – и прекрасным.
Они изучают и берег, и дно,
Всегда проплывая путем безопасным.

Морское умение их – нарасхват.
Оно уваженья большого достойно.
О них и сегодня везде говорят:
С критянами в море легко и спокойно.

Куда б не забросило их ремесло,
Какими бы водами не проплывали, –
Их в гавани каждой встречали тепло
И так же сердечно всегда провожали.

Неарх был из Крита и стал моряком,
Прослав, ко всему, как блистательный воин.
Он был с Александром Великим знаком
И дружбы его оказался достоин.

Ему полководец вершить повелел
Морские дела – и совсем не случайно:
В стратегии был он и гибок, и смел,
Решителен в тактике необычайно.

Пред ним трепетал отступающий враг.
Неарху же страх был, конечно, неведом.
В каких бы ни плавал далеких морях,
Свои корабли приводил он к победам.

Однажды – лишь грохот сраженья затух
И воины, в битве устав, отдыхали –
Его к Александру Великому вдруг
В далекую Азию срочно позвали.

Встречались они в Вавилоне в тот раз.
И там же, на той исторической встрече,
Неарх получил дальновидный приказ:
Флот новый создать – и надежней, и крепче.

Построив могучие эти суда,
Их вывести в море Неарх был обязан.
Зачем – не узнать нам уже никогда,
Но путь полководцем был точно указан.

За дело большие взялись мастера,
Они приложили уменье, старанье –
И создан был флот. Наступила пора
Неарху отплыть, выполняя заданье.

Отборные воины – это ль не честь? –
Пришли под его боевое начало.
Но из Вавилона печальная весть
Явилась к нему: полководца не стало.

На траур, затем – на совет приглашен,
По воле своей, а быть может – невольно,
В разделе империи принял и он
Участие тоже, как не было больно.

Достался ему, разумеется, флот.
Решение это легко принимали:
Завистник иль недруг Неарха – и тот
Здесь мог возразить иль поспорить едва ли.

Никто и не спорил. Но был же приказ,
Приказ полководца – и, видимо, важный.
И многие ждали: а как же сейчас
Себя поведет он, критянин отважный?

А он, несмотря на трагический рок,
На это, постигшее воинов, горе,
Эскадру поднял и в назначенный срок
В готовности вывел в открытое море.

Он мог и не слушать уже никого.
Но чувствовал этот критянин, похоже:
Зависит весь мир от поступка его,
Все вместе и каждый в отдельности – тоже.

До мелочи выверив этот маршрут,
Неарх был уверен: поход безопасен.
Но нить наших знаний оборвана тут,
Поскольку исход совершенно не ясен.

На все проливает история свет,
Но знаем мы лишь про отплытие это.
А где затерялся критянина след –
В истории нет никакого ответа.

Возможно, с тобою случилась беда –
И страшным обвалом бушующей пены
Тебя океан поглотил навсегда,
А, может, достиг ты краев Ойкумены...

Таис Афинской* и ее подруге

Я видел наяву их – не во снах.
Красивые они и молодые,
Танцующие, словно на пирах
В Персеполисе и Александрии.

Вот почему блистал своим умом
И силой Птолемей* – теперь мне ясно:
Вы только посмотрите – был в таком
Он окруженье ярком и прекрасном!

В Александрии целый мир они
Ему, непосвященному, открыли.
Какие золотые были дни,
Какая сказка возросла из были!

Казалось, что два дивных божества –
С Олимпа нимфы две сюда явились.
Всех покорили, промелькнув едва,
И, в легком танце проплывая, скрылись.

Я видел их. Я прикоснулся к ним.
И понял в то же самое мгновенье,
Что даже для богов они таким
Неповторимым были наслажденьем!

Случайно, может, я увидел их,
А, может, в том пришлось мне убедиться,
Что каждый человек и каждый миг –
Все это – дела общего частица...

Птолемей Спаситель

Приходит неожиданно беда.
Судьба с людьми обходится жестоко.
Что чувствовал ты, Птолемей, тогда –
Оставшись без Него по воле рока?

С Ним было, безусловно, тяжело:
Он ставил цели очень не простые.
Но все-таки тебе и повезло –
С ним вместе основать Александрию.

Ты был к Нему, конечно, приближен
И действовал решительно, умело,
И потому без колебаний Он
Тебе доверить мог любое дело.

Ты, Птолемей, вполне гордиться мог
Собою – и заслуженно при этом:
Ни разу в жизни Он не пренебрег
Ни помощью твоею, ни советом.

Но умер Он, великий властелин,
Не завершив свои дела большие.
Из Вавилона ты уже один
Вернулся, Птолемей, в Александрию.

Не обошел ты, Птолемей, закон,
Себе присвоив часть Его наследства:
Был мал наследник – Александрион,
Еще его не пролетело детство.

Да, был непредсказуем поворот
Истории. И дело не в законе.
А мне вопрос покоя не дает:
О чем в те дни ты думал в Вавилоне?

Ты искренне скорбел иль рад был ей –
Той смерти неожиданной? И, к слову:
Хоть что-нибудь ты делал, Птолемей,
Чтобы сберечь империи основу?

Ты знал, конечно, что молва пошла:
Иолл* Ему в тот день подсыпал яда.
Что, может, в подозрениях была
Не так уж не права Олимпиада?

Стучалась в сердце матери беда –
И, видимо, была на то причина.
Но не сумела вовремя тогда
Предупредить Олимпиада сына.

От поворота важного в судьбе
Ты, Птолемей, в накладе не остался:
Ты первым становился, и тебе
Законно сам Египет доставался.

Конечно, видел ты Его родных,
Встречаясь с ними после смерти вскоре:
Они в тебе нуждались очень – в их
Единственной надежде и опоре.

Возможно, ты в те дни сумел понять
Олимпиаду и Роксану с сыном:
Недаром в Македонии, видать,
Тебя назвали мудрым властелином.

Кому ты ненавистен стал, таких
Мы тоже – и совсем немало – знаем.
Но недруги смирились: ведь для них
Египет просто был недосыгаем.

Хоть встретили жрецы тебя тепло,
Готовые всегда помочь советом,
Но им, степенным, было тяжело
Скрыть разочарование при этом.

Любой из них был так ошеломлен!
Здесь ждали не тебя – определенно:
Боготворимый ими, ждался Он –
Сын Зевса, по-египетски Амона.

И все же – не без помощи жрецов –
Ты твердо встал у самого начала
Династии. Ее в конце концов
Народ признал, история признала.

А план Кассандра* был тебе знаком –
С Его семьей расправиться скорее?
Кассандр – твой друг, и может, целиком
Была твоей зловещая идея?

А если был ты все-таки злодей
Или вошел в преступную обитель,
То это пусть на совести твоей
Останется, далекий наш «спаситель».

Коль за тобою не было вины,
Прости, что нас сомненья одолели.
А мы свою вину признать должны:
Предупредить его мы не успели.

Из Птолемеев – первый Птолемей,
Сын Лага и династии родитель,
Ты очень много сделал для людей,
Тебя назвавших: Птолемей Спаситель.

Но если философски рассуждать,
Собрать все факты по крупице малой,
То, Птолемей, спасителем назвать
Язык не повернется наш, пожалуй.

Да, если посмотреть со всех сторон,
Ты был достоин той, своей, эпохи.
Но по сравненью с тем, что сделал Он,
Все то, что сделал ты, – такие крохи!

Вопросы потому возникли тут,
Что всюду в мире множатся примеры,
Когда Его деяния живут,
Дойдя через века до нашей эры.

А этих размышлений наших нить –
Она к тому, что сложно все и зыбко,
И надо крепко бдительность хранить,
Чтоб не настигла прежняя ошибка.

Александррион

О тебе он думал постоянно,
Ты входил во все его мечты.
Как ни грандиозны были планы,
В них всегда присутствовал и ты.

Он в нетерпеливом ожиданье
Возвращался к мысли вновь и вновь,
Что продолжит все его деянья
Милый сын, его родная кровь.

Достигая края Ойкумены,
Шел победоносно к цели он,
А в уме и в сердце неизменно
Было имя – Александррион.

Где б ни оказался, о подарках
Для тебя нигде не забывал:
Он игрушек – разноцветных, ярких –
Столько отовсюду присылал!

Был в тебе заранее уверен.
Чтобы стал помощником скорей,
Пригласить был для тебя намерен
Самых лучших он учителей.

Если над тобой сгущалась полночь,
Знали все, что есть надежный щит:
Где б он не был, поспешит на помощь
И беды приход предотвратит.

Ну, а мать есть мать, понятно это.
Но и тут тебе везло вдвойне:
От Роксаны исходило света –
Прямо как от солнца по весне.

Помогала ей Олимпиада:
У нее всегда совет готов,
Как готовить к трудной жизни надо
Юного избранника богов.

Эллины и варвары – рождения
Ждали все, волнуясь без конца.
Каждый понимал: ты – продолжение
Своего великого отца.

Ну, а он спешил увидеть сына
Воином бесстрашным, храбрецом,
Вдаль идущим по дороге длинной,
Начатой и дедом, и отцом.

В будущее он смотрел спокойно:
Для тебя он делал все, что мог.
Славный путь, им пройденный достойно,
Был успеха твоего залог.

Только вдруг бедой непоправимой
В жизнь твою ворвался Вавилон:
Там, вдали от родины любимой,
Смерть нашел для всех нежданно он.

Многие верны тебе остались
И, пока не взял ты в руки меч,
Защищать тебя они старались,
От несчастий новых уберечь.

Им успешно удалось сначала
Отстоять твои права на трон.
Но интриг лавина наступала
На тебя уже со всех сторон.

Время, битвы, суета и страсти
Уносили преданных друзей.
Так и оказался ты во власти
Подлого коварства, злых людей.

То, что ты наследник, не на деле
Признавалось ими – на словах.
И терять они не захотели
Все, что оказалось в их руках.

Козней всяких строило немало
Яростное это воронье.
И, конечно, очень их пугало
Совершеннолетие твое.

Помнили они: клялись когда-то,
Что с законом не пойдут вразлад,
Будут твердо чтить его и свято
И тебе наследство возвратят.

Как же им нетрудно оказалось
В пропасть лицемерия упасть!
И наследство все у них осталось,
Заодно присвоивших и власть.

Но законы оставались в силе,
Теребя их совесть и покой.
И клятвопреступники решили
Поскорей расправиться с тобой.

Многие о заговоре знали
Или, догадавшись без труда,
Равнодушно на него взирали.
И случилась страшная беда.

Ты, кто на пути таком недлинном,
Кажется, всего уже достиг,
С детства нареченный властелином,
Стал печальной жертвою интриг.

Кто с тобой прощался на могиле,
Скорбно оросив ее слезой?
Раньше, друг за другом, уходили
Все твои родные в мир иной.

Те, кому ты дорог бесконечно
Был всегда, чей свет уже угас,
Ждали там тебя, в той жизни вечной, –
Но поздней, конечно, не сейчас.

...Плакали солдаты, отдавая
Долг последний твоему отцу.
И, казалось, что слеза живая
Покатилась по его лицу.

Было на душе его тревожно,
Понимал он, что грядет беда.
Не себя совсем – вполне возможно,
Он тебя оплакивал тогда.

Клеопатра

Ты непревзойденной была, Клеопатра,
Ты непостижимо великой была.
Всегда – и вчера, и сегодня, и завтра
Твои незабвенными будут дела.

Но тянутся зависти шлейфы доньне,
И недругов ропот в веках не затих:
Была, мол, она, Клеопатра, богиней
Любовных утех да постельных интриг.

И, дескать, деянья ее, к сожаленью,
Порок направлял. Покуражила всласть.
С ней рядом шагало всю жизнь наслажденье
И неукротимая к золоту страсть.

Кто устною сплетней, а кто на бумаге
Вводили потомков то в ложь, то в обман.
Но лишь одного и добились, бедняги:
Твой образ как будто окутал туман.

Но все, кто твои изучали деянья,
Сквозь пену обмана и зависти слой
Смогли разглядеть и твое обаянье,
И эллинов дух, возрожденный тобой.

Последней царицей Египта была ты,
Затмившей собою всех прочих царей.
Культура Египта с культурой Эллады
Сроднились навеки по воле твоей.

Сердца своих подданных ты покоряла,
Такою царицей гордился любой.
Тебя вся Европа, вся Азия знала,
Весь мир горячо восторгался тобой.

Конечно, богатств собрала ты немало,
Но больше о них разнеслось болтовни!
Нет, ты их бессмысленно не размотала –
Надежно Культуре служили они.

Был каждый твой шаг удивительно точен,
И в разных краях необъятной Земли
Цари, генералы, сенаторы очень
Гордились, что друга в тебе обрели.

С тобою воспрянула Александрия
Сплошной чередой благодатнейших лет:
Ведь здесь поощрялись искусства любые.
Наук наступил небывалый расцвет.

И мощью военной держава блистала,
Рожденной делами, а не впопыхах.
Она уваженье друзей вызывала,
Внушала врагам и смятенье, и страх.

Торговлею славилась Александрия,
И порт ее славился тоже – сюда
И малые страны, и страны большие
Товарами полные слали суда.

Шли бойко торги. Ну, а в гавани, рядом,
Готовая грозно рвануться вперед,
Других кораблей выростала армада –
Могучий, победный египетский флот.

Мыслителей видных собрать ты сумела,
Поэтов талант при тебе не иссяк.
И всюду по миру молва полетела, –
Что здесь негасимый Культуры маяк.

Детей ты своих воспитала в терпенье,
Была им достойная, добрая мать.
Текла македонская кровь от рожденья
В тебе, Клеопатра, недаром, видать.

Была и другая молва – неотступно
По миру ходившая вслед за тобой, –
Что ласки твои были слишком доступны,
Что запросто их добивался любой.

Но много ли женщин найдется на свете,
Которых бы ложь не задела слегка?
Спокойно ты слушала мерзости эти
И гордо взирала на них свысока.

Был Цезарь великий тобой очарован,
Ты тоже судьбу свою видела в нем.
Казалось, что путь вам большой уготован –
Мир новый создать вы мечтали вдвоем.

Все в будущем так бы у вас и случилось.
Но кто от коварства людей огражден?
С ним, Цезарем, рядом оно и таилось –
Коварство, пал жертвой которого он.

О жизни с Антонием также немало
Судачили. Ложь незаметно росла.
Но ты даже смертью своей доказала,
Как Женщина любит, сгорая дотла.

И если б не бой в Акционе* трагичный,
Совсем нелогично сложившийся бой,
То было б в истории мира привычной
Нам видеть тебя совершенно другой.

Но в Риме, бесчестно дорвавшись до власти,
Сплошных торгашей неумная рать
Смогла тебя вычеркнуть где-то отчасти,
А где-то и вовсе тебя замолчать.

Но как эта свора лгунов ни старалась –
Хоть словом единым кто вспомнит о ней?
А имя твое – как легенда, осталось,
Дойдя через время до нынешних дней.

И сердцем своим, и умом, Клеопатра,
Ты непостижимо великой была.
Всегда – и вчера, и сегодня, и завтра
Твои незабвенными будут дела.

Ты всех превзошла, и до нас долетели
Лучи твоей славы, легендою став.
В сердцах посвященных царишь ты доселе,
Величие предков своих оправдав.

Ипатия Александрийская*

Культурною столицей Ойкумены
Звалась Александрия – и не зря:
Науку Птолемеи неизменно
Лелеяли, заботы ей даря.

Философы здесь были знамениты.
И те, кто получил высокий сан,
Остались для общения открыты
И для учеников из разных стран.

Была Александрия многоликой,
Но все без исключения, стар и мал,
Гордились тем, что Александр Великий
Прекрасный этот город основал.

О Клеопатре тоже говорилось
В Александрии много добрых слов.
Ну и, конечно, здесь всегда гордились
Высоким покровительством богов.

Здесь можно было видеть эфиопов,
А рядом нумидийцев и армян,
И иудеев, римлян, каппадоков,
И эллинов, арабов, египтян.

Трудились вместе и детей растили.
Хоть поклонялись не одним богам,
Большое уважение хранили
Друг к другу и к различным языкам.

Здесь терпеливы были к разным верам,
Чужих богов никто не оскорблял,
И город этот для людей примером
Невиданной свободы духа стал.

Но постепенно разгорались страсти,
Галилеяне разжигали их
И с помощью жестокой римской власти
Навязывали идолов своих.

Их бог гуманней всех, они считали,
Он лучше всех и справедливей всех.
Философы, жрецы у них в опале
Серьезной были, вызывая смех.

И стало все покрыто, словно тучей,
Кромешною галилеянской тьмой.
И молча наблюдал их самый лучший,
Гуманный бог за смутую такой.

Сжигались храмы и библиотеки,
Ненужными науки стали вдруг.
Ну, а страшней всего, что в человеке
Разрушен был, убит свободный дух.

Пропитан стал духовною отравой
В Александрии, кажется, любой.
Но были люди, для которых нравы
И связь времен – совсем не звук пустой.

Их путь был изнурителен и долог.
Ипатия таким путем пошла.
Философ, математик и астролог –
Она фигурой видною была.

Прошло столетий с той поры немало,
Когда от рук убийцы пала ты.
Но нам звезда твоя всегда сверкала
Из той галилеянской темноты.

Тебе эпоха страшная досталась:
Куда ни глянешь – враг или злодей.
Все сделали они, чтоб не осталась
Ты в благодарной памяти людей.

В патриархальном мире, где так много
Для женщин уготовано оков,
Бросала вызов ты чужому богу,
Достойных воспитав учеников.

Враги считали, свой неся порядок,
Что страх на город рухнет, как обвал.
А здесь, в Александрии, с ними рядом
Дух эллинов плоды свои давал.

Не просто удивляло – их бесило,
Что мощным был ответ на произвол,
Что стала им преградою не сила,
А та, кто представляла слабый пол.

Принять шаги Ипатии спокойно,
Конечно, свора эта не могла.
И порешили, что она достойна
Смертельной кары за свои дела.

О ней узнал я много и в надежде,
Что время повернуть удастся вспять,
Шел рано утром на бульвар прибрежный,
Где так она любила погулять.

И вскоре оказалось – не напрасна
Была надежда слабая моя:
Однажды на рассвете очень ясно
Ее фигуру вдруг увидел я.

Она глядела, стоя на причале,
Туда, где с морем слиты небеса,
Где, отправляясь в голубые дали,
Маячат непрерывно паруса.

Мне выпала удача – да какая!
Но очень жаль того мне до сих пор,
Что наблюдал за ней издалека я
И не завел, смутившись, разговор.

Она была и скромною, и статной.
И, как бы красоте душевной в тон,
Приметою особы видной, знатной
Белел на ней философа хитон.

И стало мне понятно, почему
Сюда спешили люди за советом:
Уничтожает свет любую тьму,
Ну, а она была могучим светом.

Что вспомнилось ей из былых времен?
Наверно, Александр и Клеопатра,
А, может, Аристотель и Платон
Незримо были с нею, глядя в Завтра.

Мне кажется, тревожились они
О том, о чем мы тоже сожалеем:
Дух эллинов гоним и в наши дни –
Гоним людьми, которых он взлелеял.

Мы здорово мешаем им, похоже,
Как и она мешала. И от нас
Избавиться они готовы тоже,
Как от нее избавились в тот раз.

Епископом Кириллом* явно в страхе
Тот вывод сделан был, жесток и скор,
И с радостью исполнили монахи
Бесчестный и преступный приговор.

Над мертвым телом даже издевались,
Как будто не Ипатию совсем –
Мир эллинов убить они пытались,
Урок давая непокорным всем.

Но правды голос все-таки воспрянет –
Она вернется в лоно наших дней,
И знаю: счастлив будет тот, кто станет
Учиться у нее, общаться с ней.

Когда она стояла у причала,
В глазах ее я видел в этот миг:
Ипатия о наших судьбах знала –
Ей звезды рассказали все о них.

И если вновь Ипатию увижу,
Ошибку я уже не повторю:
К ней непременно подойду поближе –
О вечном и земном поговорю...

В защиту Юлиана Отступника

Шел мир по пути перемен,
Над ним то интриг, то измен
Тревожная туча нависла.

А ты, как всегда, созидал,
Свой собственный мир утверждал
Деяньями, полными смысла.

В те дни повсеместно вокруг
Царил отрицания дух,
Менялись и нравы, и взгляды.

Владел ты – искусно причем –
И острым пером, и мечом,
Врагам не давая пощады.

Ты выбрал единственный путь,
И мог ли бездумно свернуть
Ты с праведной этой дороги?

В победе уверен вполне,
Ты знал: на твоей стороне –
И совесть, и правда, и боги.

За храмом отстраивал храм,
Велев зажигать фимиам,
Где раньше жрецы зажигали.

И стал ты тогда, Юлиан,
Преградой для галилеян,
У них оказавшись в опале.

Во власти сплошной темноты
Они находились. А ты
Искусство ценил и культуру.

Ты живопись, музыку знал,
Ты эллинский дух возрождал,
Науки и архитектуру.

А там, где забвения тишь,
Чего уже не возвратишь
И не восстановишь отныне, –

Ты к Памяти громко зывал,
Ты помнить людей наставлял
О каждой погибшей святыне.

Ты правду в лицо говорил,
Ты скромным и собранным был,
А надо – готовым к атаке.

Был честным, отзывчивым ты –
Самим образцом простоты,
Горел, как светильник во мраке.

И в замыслах ты, и в делах
Был неистощимым, а страх
Тебе никогда был неведом.

Ты крепок был волей всегда,
И многим казалось: сюда –
На Землю – ты послан был Небом.

Да, видели боги в тебе
Соратника в трудной борьбе
И властью тебя наделили,

Чтоб вечно светил, не потух,
Могучий наш эллинский дух,
А люди свободными были.

Но лжи расходились круги.
«Безумец! – кричали враги. –
Унять его, видно, пора нам...»

А все почему? Потому,
Что ты разрушал эту тьму,
Так милую галилеянам.

Кто был ты для них? Ретроград,
Тянувший куда-то назад,
Отвергнувший их перемены.

Ты знал, что сдаваться нельзя,
Что праведна эта стезя
И надо идти непременно.

Погиб ты, сраженный копьем.
Но был ли повержен врагом?
Тебя победил он? Едва ли!

Хоть плоть твоя мертвой была,
Но мысли твои и дела –
И жили, и торжествовали.

И силилась недругов злость:
Погиб ты, но не удалось
Взлететь им над тьмою дремучей.

Мучительно думаю я:
Судьба не случайна твоя –
Иль так, совпадение, случай?

Конечно, ты был храбрецом
И знаний таких знатоком,
Что были тогда под запретом.

Ты, предков достойнейший сын,
Один был такой властелин –
И сильный, и мудрый при этом.

Ты, славных веков ученик,
Был эллинским духом велик,
Готовый к смертельному бою.

Но ты человек, а не бог.
И как в одиночестве мог
С кромешною справиться тьмою?

А так ли все это иль нет –
Наверно, лишь боги ответ
Единственно правильный знают.

Но смысл твоих дел и идей
Немало, я вижу, людей
Сегодня уже понимают.

Да, варвары новых времен
Тебя проклинали вдогон –
У них ты был тоже в опале.

Да, имени доброго след
Стирали из книг и с монет,
Из памяти всюду стирали.

Ты стал – справедливо ль, скажи? –
В истории жертвою лжи.
Мне кажется это нечестным!

Безбожником ты и лгуном
Прослыл. И остался притом
Для многих совсем неизвестным.

Но знаю: настанет черед
Для истины. Слово возьмет
Она, неподкупная, властно.

Войдешь ты в сердца и умы –
Старанья поборников тьмы,
Уверен я, были напрасны.

По правилам галилеян,
В основе которых обман,
Нам жить в этом мире негоже.

Наш эллинский дух, что тебе
Дал силы в неравной борьбе,
Победу отпразднует все же!

Скромным богам посвящается

Надпись на керамической плитке,
случайно найденной в Афинах,
посвящена эриниям*.

Как возможен – ищу я ответа –
Стал он, явный такой беспредел?
Чьей работы творение это?
Кто бессмертных обидеть посмел?

Выполнялся какой мастерской
Этот очень рискованный труд?
Что за мастер пошел на такое,
Зная: боги за все воздадут?

Всемогущий, всесильный, великий...
Слов таких не найдешь почему?
К этим званиям боги привыкли.
Кто лишил их? Зачем, не пойму.

Видно, это была мастерская.
Где и грамотных нет никого...
Ну, а может, – вполне допускаю –
Боги сами хотели того?

Может, боги с Олимпа спускались,
Чтоб нас лучше и ближе узнать.
Без регалий, без званий старались
Людам к истине путь указать.

Мы – любой из нас – божья частица,
А внутри у нас – божий очаг.
Надо им управлять научиться,
Чтоб разумным был каждый наш шаг.

Боги скромно и очень спокойно
Призывают нас к божьим делам.
Пусть дела эти будут достойны,
Посвященные скромным богам.

Пусть никто оскорбленным не будет,
Все сомненья отбросив тотчас:
Мы без них, безусловно, не люди,
Но и боги – не боги без нас.

Благодарны мы им за общенье.
Значит, в мире безрадостной тьмы
Есть надежда еще на прозренье,
Потеряли не все еще мы.

Значит, все же осилим дорогу,
Выводящую к свету, вперед.
Ну, а звание каждому богу
Каждый сам без труда подберет.

Сложность выбора

Мы много, путешествуя, узнали,
Но было нелегко в дороге нам:
Чем дальше, тем сильнее пострадали
Своим героям, прежним временам.

То состраданье, словно притяженье,
На нас давило и к себе влекло.
В цепи времен мы – маленькие звенья.
Быть по-другому просто не могло.

Мы были только наблюдать готовы,
Не отдаваясь в плен чужих забот,
Чтобы потом к себе вернуться снова,
Где и своих проблем невпроворот.

Но можно ль уберечь себя, скажите,
От боли за людей, которых вдруг
Гнетет и подавляет ход событий
И перемен происходящих круг?

А кто бы не мечтал пожить в эпохе,
Легендой ставшей для других веков?
Там запросто с людьми общались боги,
Героев чтили как самих богов.

В моей душе желание звучало
Продолжить путешествие скорей,
Увидев судьбы с самого начала
Богов, героев и простых людей.

Но я никак не мог определиться,
Не мог принять решение в пути,
В какой же точке мне остановиться
И где друзей мне новых обрести.

Короче, в завершение этих странствий
Я на каком-то новом рубеже
Совсем завис во времени, в пространстве,
Не в силах больше двигаться уже.

И тут увидел, понял виновато,
Что ждет меня, зовет меня домой
То время, из которого когда-то
Отправился я в путь далекий свой.

В мгновение это словно я очнулся
И, не теряя дорогих минут,
К ней, ежедневной суете, вернулся,
Чтобы самим собой остаться тут.

Со мною было новых знаний бремя,
А главный вывод сделал я такой:
Прожить свое достойно надо время –
Судьба не даст возможности иной.

Реальными делами жизнь отмечу,
Прославлюсь ими, может быть, сперва, –
И пусть к далеким временам на встречу
Не я лечу, а обо мне молва...

Никос ЗАНОПУЛОС

(Род. в 1938 г.)

Кипрский поэт. В 2008 и 2009 гг. его сборники стихотворений «Эскизы» и «Терракоты» изданы в Воронеже на русском языке.

Переводы выполнены совместно с Г. Велласом.

ЭСКИЗЫ

Посвящается моим сестрам
Ирине и Марсии

Многоцветные наши мечты

Мы терпеливо ждем восхода Солнца...
Мы терпеливо ждем восхода Солнца...
В морозной неподвижной тишине
Мы терпеливо ждем восхода Солнца...
Мы ждем, когда к нам этот Ассириец –
Всесильный, всемогущий царь Востока –
Сойдет в сиянье ярком, в блеске бронзы
На крыльях неотступного мороза...

* * *

Закованные в кандалы,
Распятые уже, мы ждали света.
Светили звезды нам. И вот дождались.
Но этот свет принес нам только смерть.
Свои мечты мы завернули в саван
И закопали этот скорбный прах.
Теперь опять мы ждем.
Ждем новой жизни...

* * *

Цвета Ириды*...
Вот они, смотри:
От красного до темно-голубого.
Сияет в них Величие ее
Над этим вечно мрачным горизонтом.

* * *

Солнца рубин
на закате
Орошает
Голубое цветение лотоса.
Словно рождается канфар* волшебный
С прохладой и свежестью синего цвета...

* * *

Заросли густого камыша.
Озеро. И птицы на воде...
Акварель прекрасного Художника.

* * *

На море шторм.
А крохотная рыбка
Настойчиво плывет,
Плывет
На золотое отражение свое.

* * *

Из темно-голубой волны морской
Вдруг выпрыгнула серенькая рыбка
И заблестела птицей многоцветной
На солнечном сиянье золотом.

* * *

В ознобе и дрожи
Кристалльной воды
Смешны отражения
Лиц наших мрачных.

* * *

Над желтой водой
Плотоядная птица
Широкие крылья свои
Распростерла.

* * *

Взметнулся парус ввысь –
Туда, где солнце,
Скользит свободно, гордо над водой.
Мечты же наши –
Птицы белокрылые,
Усевшиеся там, на берегах...

* * *

Две линии – прозрачные, живые –
В безжизненной
Стеклянной тишине...

* * *

Как многоцветно все вокруг звучит!
Опять цветет миндаль.
Из уст заката
Мед капает на землю...

* * *

Лесная тишина. Во всем покой.
Здесь бархатная зелень бьет ключом
Под взглядом нежным,
Ласковым моим...

Зарисовка

Яркий полет мысли,
Забальзамированный в витрине музея.
Огромное яйцо эму –
Как камень, который
Душу нашу тяготит...

* * *

Перцовый запах – мушмула цветёт...
А ты ко мне приходишь улыбаясь
Из прошлой жизни, и твоя улыбка
Мгновенно освежает мысль мою.

* * *

Пламя солнца на красном песке...
Полыхало оно обнаженно,
И хрустальные волны морей
Становились алмазными сразу.

* * *

Твои глаза рассматривая синие,
Невольно вдруг оказываюсь я
То в темно-голубых пучинах моря,
То в бесконечной глади тишины.

И если существует парадиз,
То я в нем, вероятно, побывал –
Там, на его равнинах бесконечных
И в зарослях спокойных камышей.

Хоть волосы темны твои, они
Мне кажутся прозрачною волной.
Ты с царственной улыбкою своей
Вся светишься от счастья и любви.

* * *

Блеснула рыбка плавниками пестрыми,
Бесшумно между нами проплыла.
На дне морском
Лежим мы обнаженными,
Друг друга крепко за руки держа.

Повсюду эхо раковин Тритона
И шум морских коней недалеке.
И кажется: твоих прикосновений
И тела твоего прекрасных линий
Нет в мире совершенней ничего.

* * *

Море нас опьянило с тобой.
Между скалами и утесами
Мы в объятиях синей волны
Наслаждаемся трепетно свежестью.

Переполненный чувствами, я
О любви говорю тебе смело,
Но смиренным
И кротким таким
Я, поверь, никогда еще не был..

Нефертити

Там, в городе Ахетатон*,
В той мастерской, где Тутмес* создавал
Свои непревзойденные шедевры,
Песок не закрывал ее улыбку,
И тела он ее не закрывал.
Она была почти обнажена,
Прикрытая своим прозрачным платьем.

* * *

Глаза у статуй гипсовых мутны,
Как будто спят они
Смертельным сном.

Улыбки их –
Как кобры дикий взгляд,
Как музыка слепого музыканта.
И только груди их обнажены:
Ждут тех,
Кто возвратится из походов,
И жаждут рук мужских,
И жаждут ласки...

* * *

В храм захожу я
На богослужение.
Встав на колени,
Тебя прославляю.
Глазами стеклянными,
Серым молчанием
Смотрю и смотрю
На пустое сиденье...

* * *

Искал тебя в таких пустых местах
И на таких безжизненных дорогах,
Искал я даже в негритянском гетто.
Но ты, моя душа, давным-давно
В палате хирургической лежишь,
Где отойти не можешь от наркоза...

* * *

На голубой волне седых морей
Хочу найти тебя, Меритатен*.
Ищу я душу,
Тень твою ищу
И нежное дыхание твое.
Мне кажется:
С улыбкою твоей
Сравним лишь только
Аромат цветов.

Глаза твои не выцвели еще,
Прицелены они в мечты мои.

* * *

Звук требы возвестил,
Что окончился день.
Гиацинты уснули в саду.
Но они непременно опять зацветут.
И наступит пора, когда вновь буду я
К синеве твоих глаз приходить.

* * *

За лицом твоим красивым –
Только холод, пустота.
В блеске глаз видна их зелень
И в улыбке есть их след...

Твои глаза

В твоих глазах
И в тусклом свете их
Найти стараюсь
Образ Афродиты...

Два слова

Два слова прошептала ты
В глубокой тишине ночной.
Всего лишь два. Но светят мне
Они в дорожной темноте
И в желтых бликах фонарей...

Черешня

Твое угощение напоминало
Цвет глаз твоих нежных и свежесть росы,
Листву облетевшую воспоминаний
На фоне потерянных снов голубых.

Твои цветы

Твои цветы, любовь моя,
Затмили мне глаза.
Их прикрывая, я дышу
И чувствую чудесный твой
Смертельный аромат.

* * *

Я курю индийский ладан
И порхаю, словно птица.
Я хочу летать с тобою,
Приходи, моя родная.
Под покровом синей ночи
Будем мы молчать с тобою
Под мелодию саранги*...

* * *

Со мною рядом – синева глубокая.
Два деревца. И больше – ничего.
И боль, что стала надо мной владычицей.
И горизонт,
Который удаляется...

Минотавр*

Святости глаза видны повсюду,
Солнечные светлые рисунки,
Сделанные детскою рукою,
И очаровательные статуи
Беззащитных женщин обнаженных.
Ну, а рядом с красотой этой –
Страшная фигура Минотавра...

Статуэтка из Китио

Откуда-то из каменного века
Явился к нам кудрявый этот идол
С козлиною своею бородою,
Чтоб взбодоражить весь наш мир беспечный.

Жрецы ему, как Солнцу, поклонялись,
Цари
И низко падшие путаны.
И даже Афродита неземная.

* * *

Все зеркала на свете – разные,
И в каждом идол отражается,
Как самому ему угодно...

* * *

Рассматривал он в зеркале лицо.
Но нет, не отражение там было.
Скорей всего, увидел он Сатира.

* * *

Если жизнь мы мечтой называем,
Как же смерть называть будем мы –
Пробуждением или концом?..

* * *

Мечта... Мой полузавершенный сон...
Но вот запел петух – и нет мечты:
Она остановилась с пеньем этим...

* * *

Повсюду ищем
Мы мечту свою,
Ту, что исчезла
Утром, с петухами,
И там, где парадиза забытье,
И на дорогах
Городища дряхлого...

* * *

Мечта исчезла с утренней зарей.
Являлась много раз она ко мне.
Потерянным лицо ее казалось.
Теперь ее закрыли на замок
В чулане дальнем – там, где хлам и плесень.
Она все ждет, когда откроют дверь,
Все света ждет, счет времени теряя...

* * *

Ах, мечты –
Гетеры постаревшие
С гипсовыми крашеными лицами...
Вы как тени к нам, мечты, приходите,
Рассмешить способные нас запросто...

* * *

Дыхание ночи...
Бредем молчаливо
По узким тропинкам
Своих размышлений...

* * *

Ночь отступает...
Рассвет приближается...
Но продолжаем мы тихо блудить,
Словно смешные ночные лунатики,
Там, по руинам мечтаний своих...

* * *

Исчезли навсегда
Любимых наших лица.
И только видим мы, как иногда
С обрывков фотографий, улыбаясь,
Они глядят загадочно на нас...

Зарисовка

Бронзово-зеленые статуи
Наших героев
Обезображенно улыбаются,
Омытые удивительным светом...

Элегическое

Лица, которые лишь вчера
Улыбались нам с могильных фотографий,
Сегодня уже никому не знакомы.
А их обесцвеченные улыбки
Напоминают улыбки древних статуй,
Которые кажутся
Таковыми обезображенными...

Наемники

В боевой порядок мы построены.
А враги уже на горизонте.
Проскакали офицеры наши,
Отдавая свой приказ последний.
.....
В сторону своей смертельной встречи
Мы идем. И все мечты разбиты.
Нет уже для нас назад возврата.
Завтрашнего дня для нас не будет...

Мифистория

Не мог я уехать с пустыми руками –
Ведь я обещал привезти из поездки
И птиц экзотических, и драгоценности,
И просто истории интересные.

Но в этой стране негостеприимной
Столкнулся со зверями я – дикими, хищными.
Не скрою – и с женщинами чудными,
С их ногами прекрасными.

.....
Голова поседела...

Окровавленным стало Солнце
За черными холмами
Западного горизонта...

* * *

Порхать хотелось мне.
В болотах жизни нашей
Я бросился мечту искать.
Но от мечты достались мне
Лишь бархатные крылья.

* * *

Собакомордый Анубис*
Сопровождает нас в зал правосудия.
Но кто же сегодня
Нас будет судить?

ТЕРРАКОТЫ

*Посвящается моим племянницам
Христиане, Оливии и Николь*

*Каждая терракота имеет свое лицо и
свою тень.*

«Шу и Тефнут* дали мне мои глаза,
После чего собрали все части тела моего
И я горько плакал над ними!
Вот так и произошло
Рождение человечества
И началось его существование...»*

*Из древнеегипетской
космологической рукописи на папирусе*

I

Демииург* прослезился –
И тут же возник Человек.

Вместе с ним появились мечты,
Появились и радость, и счастье.
Сколько их пожелает душа твоя? Смело бери.
Ты велик.
Потому что рожден
Океаном.

II

Жертвы фантазии собственной,
Самообмана жестокого,
Слышим отчетливый шепот –
Он нам цветок обещает –
Тот, что сокрыт в Океане*,
В мрачных суровых глубинах.
Но безысходности тени
Подстерегают повсюду.
Даже сады, по которым
Ходим, не пахнут цветами –
Пахнут глубокой печалью.
Эту печаль источают
Скорбного мрамора тени –
Тени тоски безутешной.

Наши мечты, наши грезы –
Неуловимые птицы.
Целую вечность за ними
Гонимся в тщетной надежде,
Но догоняем в итоге
Лишь погребальные свечи.
Свет их густой надо мною,
Над поминальным стаканом
Тоже витает упрямо,
Тоже зовет за собою
В дали, где просит гетера,
Чтобы сыграл я на флейте,
Грустной мелодией вторя
Песне – прощальной и вечной.

III

Помечаем, о море, с тобой
На твоих голубых берегах,
У подножия желтых барханов, –
Там, где солнца оранжевый свет
И покой освещает,
и вечность...

IV

Нет выхода,
возврата тоже нет.
И только вместе с солнечным закатом
Приходит в души
легкий ветерок.
И в них, уже измученных совсем,
Как будто просыпаются мечты –
Мечты о дальних
дивных берегах,
О женщинах,
об их любви и ласках,
О призрачных мгновеньях наслажденья...

V

Мне все знакомо здесь давным-давно:
И свет, который
золотит холмы,
И свежее дыханье синевы,
И песни птиц над синею водой,
И либеллулы* оловянный взгляд.
Но там, в глубинах памяти моей,
Так зыбко все, так неопределенно,
Как будто в подсознании – эпоха,
Когда на землю
опускались души,
И первый рыбы всплеск
Окрашивало солнце.
Озноб и дрожь охватывают вдруг.
Я возвращаюсь!

VI

Пробуждение утренней зари...
Ах, какие здесь играют краски!
Цвет зеленый –
Рядом с фиолетовым,
Цвет шафрана –
С синевой нефрита,
С золотистым цветом
 нежных лилий.
Это все – чтобы наш мир украсить
Несравненной снежной белизной
И, конечно, розовой улыбкой...
Счастлив тот,
Кто чувствует твоё
Тихое и робкое дыханье.
Ты несешь с собой не только свет –
Радость лебедей
 и красных маков,
Запах гиацинта ты несешь
И желанье
Восторгаться жизнью.

VII

Легкое дыханье ветерка,
Небо,
 отраженное в воде,
Бабочки порханье над цветком...
Это все напомнило тебя.
Ты пришла неслышно,
 и в душе
Радость неожиданно проснулась.
Это радость ласточки летящей
И дельфинов
 над морским простором,
Радость рыб,
 сверкающих под солнцем...

VIII

Густая тень покрыла весь наш сад.
Плоды инжира –

Будет и память моя.
А голос твой нежный станет
К ранам моим
прикасаться.

XI

Словно там я уже побывал –
В гидросфере далеких времен.
Древний угорь,
качаясь со мной
На волнах,
Скрежетал плавниками.
Мне казалось,
я слышал тогда
Эхо раковин окаменевших.
Словно были мы вместе с тобой
Там, в болотистых
зарослях Нила,
И на уток охотились диких.
На закате с тобой мы касались
Струн волшебных нефера*.
А тени

Были ярче
Самой Тишины.
Ну, а ты была самую яркой –
С золотыми своими браслетами
И чудесной подвязкой из бисера.

Словно был я с тобою всегда,
Возвращения вечного раб
И любовник
души неприкаянной.

XII

Вечерние цветы

Вечерние
прощальные цветы,
Положенные
у твоей подушки,
У сна, который бесконечен...

Я знаю, что однажды
 вы проснетесь,
Живыми став, как в мае,
Внезапно, неожиданно придете,
Появитесь, как Анадиомена* –
Свежа, прекрасна и обнажена...

XIII

Под покровом ночи я
Отправляюсь
 к звездам,
Чтоб найти свою любовь –
Ту, что, став давно мечтой,
Путешествует
 неуловимо...

XIV

В половодье света
Показалось вдруг:
Вижу
 тень твою –
В другое время,
В иную эпоху...

XV

Диптих

1

Тебя увидел я впервые
Из Океана выходящей.
Такой и вижу до сих пор.
Ищу тебя, ищу тебя годами,
Следы твои ищу
 на каждом камне.
Но нахожу на них
Одни следы улиток.
Мне о тебе
 цветы напоминают,
Магические очертанья их.

Я твердо знаю: Ностальгия
Сильнее Смерти даже.
Не может умереть любовь.
Она однажды
Мне возвратит
Твое раздробленное тело.

2

Осирис даже
 воскресить не мог
Любовь свою –
 любовь Исиды.
Она, погибшая,
 теперь всегда
Скитаться будет
По временам прошедшим
 и эпохам,
Ну, а еще – в фантазиях поэтов.

XVI

Писарь Ани*

Писарь Ани
Из песка появился внезапно,
Вспыхнув серебряным светом,
Идущим из давних времен.
Я же шагаю
В глубины очей своих. Вижу
Солнце слепящее,
Пальмы
 и тени повсюду.
Вижу я море
И нежные губы твои.
Снова любовь
 возвращается в памяти.
Снова
Голос мой дрогнул –
Тебе я во всем признавался.

XVII

Минос-рыбак*

Как две большие цепи,
В его руках
Желто-голубые рыбины.
Он пахнет морем.
Змеею вьется коса.
Его кожа кирпичного цвета.
Это Минос-рыбак!

XVIII

Танагрская кора*

С широколиственным веером своим
Она пришла
из глубины веков
На встречу с нами.
На ее лице
Сияет благородная улыбка.

Ах, как прелестна
эта танагрская!
Она явилась
из своих времен,
Чтоб нам – нам, глиняным, –
напомнить
О дивной
многокрасочности мира.

XIX

Девочка с прекрасными глазами,
Тоненькая,
в скромном белом платьице,
С волосами, пламенем горящими,
Показалась
образом из прошлого –
Словно терракотою загадочной,
Солнца или Бога
приношением
С многоцветной сказочной
улыбкой.

XX

Для нас это было
какой-то мелочью,
Просто изображением
нашего путешествия
На богатом, роскошном корабле,
Когда мы рассматривали беспечно
Финиковые деревья,
Песчаные речные берега
И людей, которые были заняты
Тяжким трудом...

XXI

Корзина с экзотическими фруктами,
Рыба из Нила
И цветок лотоса
Были поданы на этот ужин.
Скоро начнется пиршество.
Благослови нас,
святой Папаселинос,
Хоть слегка укрась
наши надежды...

XXII

Сегодня прибывает царь,
Которого давно мы ждали.
Стоим по сторонам дороги,
Готовые встречать,
приветствовать Его –
Спасителя и Победителя.
Все празднично одетыми пришли.
На женщинах торжественно сверкают
Элловии* цветные, ожерелья.
А лица их раскрашены так ярко!
Но все напрасно...
Слухи поползли,
Что умер царь,
Как Агасиполина,
Его к нам привезут помазанного медом*.

XXIII

«Сиракузяне закрыли дорогу,
подплыв к афинским берегам.
Афиняне сами сожгли
небольшое количество кораблей...
Положение афинян было ужасное...
тела павших не были погребены...
Всех охватило чувство
скорби и страха...»

Мы сожгли корабли свои сами.
Но осталась
 решимость бороться,
Хоть и знаем,
 что все безнадежно.
 Оставляем мы раненых братьев,
Тех, кто просит о помощи нас:
Мы не в силах уже им помочь.
Не поднять эту тяжесть, что давит
На несчастные души людей.
Отступленье уже невозможно,
Возвращения тоже не будет.
Как торопятся звезды
 к закату!
Завтра будем мы
 теньями только,
Ну, а память
 запутанной станет...

XXIV

Враг у ворот –
 коварный лютый враг.
Он уничтожить
 наши души хочет.
Враг у ворот –
 коварный лютый враг,
Работорговцы и гетеры –
 в ожидании.
А мы забыли
 о своих богах.
Пируем мы,
 украшенные золотом
И тошнотворным
 ароматом сна...

Ну, а там, вдали,
на поле Правды
Человек-борец нас ожидает,
Он готов
сражаться с этой сворой,
Чтобы снова
праздновать Победу.

XXVIII

Много лет прошло с тех пор.
Так много –
Даже лица
выцвести успели.
Были они
ясными когда-то,
Но с годами
гипсовыми стали
И живут давно
чужою жизнью.

XXIX

Через ставни старые видны
Стены, на которых –
фотографии.
Их давно забыли здесь. Они
И гнилые двери –
в ожидании.
Шепот слышу
в пыльной тишине
И дыханье даже
ощущаю.
Чувствую
присутствие людей
Их шаги во времени,
их стоны...

XXX

В забытом квартале
Здания почерневшие.
Женщины ждут тебя

Причудливые
 женские головки*.
Они дадут тебе такой совет:
В полуразбитых
 старых зеркалах
Свое лицо увидеть хоть на миг.
Ты помнишь ли его?
Не страшно ль будет
Узреть его
 под пенье петуха
И в первых бликах
 солнечного света?

XXXIII

Моему отцу

В снах
 появляются часто
Те, кто ушел
 безвозвратно,
С нами беседуют тихо.
Видно, им хочется очень
Вновь среди нас
 оказаться.
Мысли кружатся,
 как танец
Из многоцветного ветра,
В свете дневном
 растворяясь...

XXXIV

Все большое,
 о чем я мечтал,
Так мечтой
 навсегда и осталось –
Сладкой, но недоступной
 мечтой.
Я в глубокой
 ночной тишине
Ожидаю,
 набравшись терпенья,
Исполненья
 последней мечты...

XXXV

Макронисос*...
Среди сырых могил
Есть и моя –
 забытая и темная.
Под этим камнем
 жизнь моя лежит –
Давным-давно
 потерянная жизнь.
Богаты
 погребальные дары,
А среди них –
 и часть моих сосудов.
Остались с незапамятных
 времен
Они в моей
 заброшенной могиле...

XXXVI

Не потерялся я.
Оплакали меня
Напрасно,
Запечатлев
 на мрачном сером камне.
Однажды кто-то
 поглядит моими
Глазами
На этот мир.
 И, словно отголосок,
Как эхо,
 мои чувства оживут.
Пробудятся
 цвета и ароматы
Тех чужеземных фруктов,
 что любил я,
Среди которых жил.
А вслед за ними
Придут мои мечтания
 и грезы...

XXXVII

Мы говорим
на мертвом языке,
Таком же мертвом,
Как копии рисунков,
на которых
Изображенья птиц
над древним Нилом,
Летавших сотни
лет тому назад,
Арфиста пальцев
или жала кобры,
Как выцветшие
лица с фотографий.
Напрасно мы
не знали Имхотепа*
В одеждах белых,
на высоком троне,
Чтоб наблюдал
за нашими делами.
Проснемся мы когда-то наконец
И встретимся однажды
в океане
Или в простом саду,
и поразят
Они нас
многоцветием своим.

XXXVIII

Моему другу
Андреасу Георгицу

В миг великого
озарения
Ты сказал:
«Наша жизнь –
это совесть.
Почему бы
не повторить ее
В далях будущих,
В новых телах?..»

XXXIX

Напрасно я ищу тебя,
По многим жизням
 путешествую.
Но снова в путь!
 И паруса
Опять трепещут на ветру.
Они влекут
 не просто в даль,
Но – за ворота Океана.
Там есть такие острова,
Где и вода
 в осенних красках,
А дальше –
 только тишина.
Слышал я,
 в новых жизнях мы
В хитоны новые оденемся,
И лица наши
 станут новыми,
И станут новыми глаза,
Чтоб мир увидеть
 по-другому.

XL

Час праздника большого
 приближается.
Мелодия цимбал
 знобит меня.
Танцуют обнаженные гетеры
В пурпурных комнатах своих.
Селиниос* играет мне
 на струнах,
И дни страды
 уже завершены –
Завершены ужасными
 спектаклями
И хлесткими ударами кнутов,
Которые
 окованы желаньями.

Увидел отражение свое
Я в чистом кубке
 пьяного Сатира*,
Увидел Жизни круг и Смерти.
Купаясь в ярких
 солнечных лучах,
С триумфом буду я играть
В твоих мистериях, Дионис*!

ИЗ ГРЕЧЕСКИХ НАРОДНЫХ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН

Греческая народная мудрость гласит, что самыми главными факторами, определяющими судьбу человека, являются рождение, свадьба и смерть. Греки издавна считали, что свадьба указывает путь к вершине человеческого счастья. Как и у других народов, у греков с древних времен существует богатый фольклор, связанный со вступлением людей в брачный союз. Во многих местах страны древние свадебные песни продолжают жить и в наши дни. Их переводы на русский публикуются впервые.

* * *

Как мука тонка,
Как мука добра –
Белая такая!
Над закваской с утра
Дева молодая.

Ну, а мать жениха –
Не найти ловчей –
День и ночь хлопочет
И невесту скорей
Встретить в доме хочет.

Вот идет она –
Как у павы шаг.
А наряд как ярок!
И рубашка в руках –
Свекору в подарок.
Да связала сама
Шерстяные носки –
Получайте, братья.
Сестры, нате вам чулки.
А свекрови – платье!..

Выбрал я поярче,
самое большое.
К яблоку привычно
я тянусь рукою.
Ветви под плодами
наклонились тяжко...
Вдруг заговорила
яблоня-бедняжка:
«Не срывай, не надо.
Яблоко не трогай,
А ступай-ка лучше
прежнею дорогой.
Коль сорвешь – то ветка
опустевшей станет,
Станет безутешной
и, поверь, завянет...»

* * *

Добро пожаловать,
друзья и все родные!
Сегодня песню мы для вас споем.
Ее услышат пусть
и города большие,
И наши села – далеко кругом.
И тот, кто рыбу увидал
в потоке горном,
Оленя, выходящего к ручью,
И тот, кто яблоню нашел,
в ветвях которой
Давно создать свое гнездо хочу.

* * *

Ужинай, хозяин,
пока вы все вместе.
А завтра из дома
уходить невесте.
Кушай, кушай, мама,
остается ночка –

Он спешит. С водой такую
мы его побреем вмиг.
С невесомой нежной пеной
и с хрустальной водой
Брей серебряною бритвой,
парикмахер золотой!
Был жених наш неопрятен:
отрастала борода.
А теперь – смотрите, люди:
стал красавцем хоть куда!

* * *

Где же отец жениха? Где же он?
Время подняться ему на балкон,
Чтобы увидеть, какой сын счастливый
И как идет ему конь белогривый.
Где его мама? В наряде своем
Пусть поднимается вслед за отцом.
Где его братья? Скорее сюда!
Это запомнится вам навсегда!
Где вся родня жениха и весь дом?
Все поднимайтесь, любуйтесь орлом!

* * *

Так наша невеста
красива, стройна!
Как ясное солнце,
сияет лицо,
А грудь ее – светлая,
словно луна,
И с первой звездой –
на ручке кольцо.
Серебряный гребень,
будь с ней понежней,
Чтоб все сохранить
в переливах кудрей,
А то чужеземец
найдет волосочек
И приворожить
нашу кралю захочет...

* * *

И отец мой, и мать, и родня
Выгоняют из дома меня.
Ничего им в ответ не скажу,
Со слезами в глазах ухожу...

* * *

Кума сеет ячмень,
А кум сеет жемчуга.
Кума сеет ячмень,
А кум сеет жемчуга.
Семена добры, пригоди,
Прорастают в тот же миг.
До чего они похожи
На наряды молодых!

* * *

Выходи-ка, выходи, свекровь дорогая,
Хлебом-солью да добром молодых встречая.
Погляди-ка, погляди: сокол твой подходит,
Черноглазую голубку в дом к тебе приводит,
Чтобы тут свила гнездо, чтоб его хранила,
Восемнадцатью птенцами мужа одарила.

* * *

Добро пожаловать в наш дом!
Добро пожаловать, родные!
Мы всех встречаем вас добром.
Вы – гости наши дорогие!

– Мы эту радость пополам
Разделим с вами честь по чести.
Отныне радоваться нам
Всегда-всегда придется – вместе!

* * *

– Добрый день, хозяин!
Рады, что сегодня
Ты нас так встречаешь:
И вином отличным,
И приветным словом!
– Кушайте и пейте,
Гости дорогие,
Радайтесь сегодня
Нашей доброй свадьбе.
Я надеюсь: скоро
И на вашей свадьбе
Радоваться будем.
Кушайте и пейте,
Гости дорогие!
Завтра будет свадьба!
Завтра мы невесту
Приведем с собою!
Если же невесту
В дом наш не отпустят,
То на них, не медля,
Мы пойдем войною...

* * *

Парень брился,
Парень одевался,
В дальнюю дорогу
Парень собирался.

Парень должен
Одолеть преграды
И скорей добраться
Прямо до Царьграда.

Там невесту
Парню встретить надо –
Краше кипариса,
Слаще винограда,

Чтобы нежным
Озарила взглядом
И всегда по жизни
С ним шагала рядом.

* * *

Одевайся, девочка,
Украшайся, солнышко,
Кипарис наш стройненький,
Ласточка любимая!

Выходи, красавица,
Покажись-ка, милая,
Жениху нарядному
И гостям приветливым.

Даже все соловушки
Так тебе завидуют,
Что порхают весело
И щебечут радостно:

«Радуйся, красавица!
Кудри твои ласково
Золотыми гребнями
Расчесали ангелы...»

* * *

Ну и грустная суббота
Для меня настала:
Из родного меня дома
Мама выгоняла.

«Уходи!» – отец родной
Тоже вторит маме.
Ухожу я, обливаясь
Горькими слезами.

Дорогие папа с мамой,
Вас прошу я, плача:
Пожелайте напоследок
Счастья и удачи.

– Дочка, доченька, пусть будет
Добрый муж с тобою.
Становитесь вместе дружной
Крепкою семьею.

– Наступает час прощанья.
К свадьбе все готово.
Братья милые, скажите
Доброе мне слово.

– Ах, сестренка, гордость наша,
Пусть тебя, родная,
Окружают в жизни новой
Все богатства рая!

* * *

Церковь наша, матушка,
Гордость наша давняя.
Принимай, пожалуйста,
Жениха с невестою
И встречай их радостно,
Словно в дни пасхальные.
Повенчай их, матушка,
Ты на веки вечные,
Пожелай пять мальчиков,
А шестую – доченьку.

* * *

Выходи-ка, свекровь, выходи,
Погляди-ка, свекровь, погляди:
Твой сынок не один входит в дом,
А с богатой невестой вдвоем.
Выходи-ка, свекровь, выходи,

На невесту, свекровь, погляди,
Хлебом-солью да медом встречай,
Рисом белым скорей привечай,
Чтобы корни наши были глубоки
И пышны, как у пшеницы колоски!

* * *

Всегда, невеста, памятуй о том,
Что сказано в Писании Святом.

Чти свекра своего, и день придет,
Когда тебя он дочкой назовет.

Пусть трижды род твой знатен и богат,
Но чти свекровь, и будет в доме лад.

И ты, невеста, будешь в жизни сей
Достойна уважения людей.

ИЗ ЛАТЫШСКИХ ДАЙН

Латышские дайны – своеобразный жанр латышских народных песен. Являются самой яркой составляющей латышского фольклора и латышской литературы, частью народного эпоса латышей. Собирателем дайн был Крисьянис Барон – писатель, фольклорист и общественный деятель, жизнь и судьба которого связаны с Воронежским краем.

* * *

Что кобыла белая –
Что жена красивая:
Мой и холь кобылушку,
Береги красавицу.

* * *

Посылаю с пчелкою
Весточку любимому.
Не пошлю с людьми ее,
Чтобы не ославили.

* * *

Все мое приданое –
С медом сладким стопочка,
Да вторая, горькая, –
Со слезами девицы.

* * *

Пескарика-сынишку
Пескарь-отец подучивал:
«Зачем водицу мутишь ты?»
А сам хвостом повиливал.

* * *

Зачем за мной, сироткою,
Болотом бродишь, молодец?
Ступай тропинкой сухонькой,
Где ходит дочь хозяйская!

* * *

Не похвалите девушку
За то, что в танце легкая.
Хоть пляшет очень весело,
Зато в труде ленивая.

* * *

Милее дела нет у вас,
Чем обо мне посплетничать?
Была б белым хлебушком –
Давно б меня вы скушали.

* * *

Если моет рука руку,
То с лицом-то как же быть?
Ведь рукою той же самой
Мыть придется и его!

* * *

Так богат, что просто
Быть нельзя богаче:
Коль рубашка в стирке,
Надеваю шубу.

* * *

Я по речи узнаю
Паренька нездешнего:
Молвит слово,
Молвит два –
В третьем запинается.

* * *

Роят мне завистники
Яму у дороженьки.
Сами оказаться в ней
Могут ночью темною.

* * *

Впору мне тулуп отца,
Шляпа тоже впору мне.
Не хватает одного –
Разума отцовского.

* * *

Идет к закату солнышко,
А папа с мамой к старости.
Спешите, детки, спрашивать
У них совета доброго.

* * *

Себе невесту ладную
Не в церкви ты высматривай.
Ищи невесту в полюшке,
Где лен да рожь повызрели.

* * *

Пой, птичка, песни звонкие,
Продляй денечки летние –
Для поля урожайного,
Для долгой детской радости.

* * *

Распеваает птичка всякая.
Лишь у дятла нету песенки.
Разве будет петься весело,
Коль питаешься гнилушками?

* * *

«Платком зеленым кто тебя,
Березонька, укутывал?» –
«Весенний теплый дождичек
Да ласковое солнышко».

* * *

«Почему не расцветаешь,
Клевер придорожный?» –
«Потому что топчут люди
День-деньской ногами...»

* * *

Матушка моя была хорошей,
И меня всегда она учила,
Что пинать ногою ни собачки,
Ни полена для костра не надо.

* * *

Если много дыма стелется,
Значит, мало очень пламени.
Если речи слишком звонкие,
Значит, дела не увидите.

Богдан-Игорь АНТОНИЧ (1909-1937)

Украинский поэт, прозаик, переводчик, литературовед, оставивший яркий след в литературе XX века. Русскому читателю стихи Антонича известны мало. Е. Новицихин стал одним из первых его переводчиков на русский.

НОЧЬ

Лежит открытой книжка на коленях.
И лампа. И над лампой мотылек.
Опять на стенах петли вяжут тени
В такой чудной запутанный клубок.

Мурлычет, словно кот, пузатый чайник,
И стук часов – как пение жука.
О как сладка она, причастность к тайне
Тех слов, что не на миг, а на века!

Свинцово небо. Оловянный месяц,
И серой ночи пепелистый дым.
Неужто нет уже на свете места
Порывам пылким и мечтам моим?

БУНТ

Под серым небом, мрачен и суров,
Вознесся замок на горе высокой.
Жил в замке царь коварный и жестокий,
В подвалах он держал своих рабов.

Как будто кто косою их косил –
Сюда за жертвой жертва попадали.
Но, до поры безропотны в подвале,
Они собрали все ж остатки сил.

ВЕТЕР

Пусть песни – по ветру,
По ветру – слова,
Где в шепоте ветви,
Где в шуме трава.
Где сам ты, как тайна,
Под солнцем плывешь,
Где мира бескрайность
Внезапно поймешь.
Как молодо дышит
Земля на ветру!
И в запахе вишен
Сады поутру,
И в запахе яблок...
Чу! Зов из яруг,
Да это же зяблик.
Он – серый твой друг.
Ты в мире зеленом –
Как будто во сне.
Здесь молодо клены
Шумят по весне.
Здесь шепчутся сливы,
Здесь дали чисты.
Здесь птахой счастливой
Сегодня и ты.

Борис ОЛЕЙНИК (1935-2017)

Советский и украинский поэт, общественный и государственный деятель. В течение многих лет возглавлял Украинский фонд культуры. В 1992-2006 годах – депутат Верховной Рады Украины. Лауреат Государственной премии СССР (1975). Автор более 40 поэтических и публицистических книг, изданных как на украинском, так и на других языках народов мира. Стихи Б. Олейника в переводах Е. Новичихина публиковались в центральной российской периодике, в коллективных сборниках.

ПЕРЕОДЕВАНЬЕ ДУШ

1

Отпели тех,
но живы и сейчас
Они и в душах, и в крови у нас...
А эти громко
распевают сами,
Хоть и в душе у них –
как будто в яме.
Степенно, чинно тянут свой мотив,
И каждый свято верит в то, что жив.
Как быстро вы на новый лад запели!
Еще не слышно третьих петухов,
Уж над устами выверты усов –
Над теми, что и прежде сладко ели.
А ну-ка, покажитесь, каковы
Мои дружки – теперь, понятно, в прошлом!
Да, зрелищем тут веет в чем-то пошлым.
Ну что ж, подвластны времени и вы:
Кто – сед, кто – лыс,
а кто беззуб, глядишь,

Они – голым-голы.
Тарас Шевченко смотрит и смеется:
Мол, этим бывшим все никак нейдет –
Сошлись, а не садятся за столы!

2

А ну, срывай «Московской» янычарке
Головку с плеч.

И булькнем в три ствола!
Давайте-ка хлебнем
по первой чарке
За то, что наша жизнь...
вчера была!

...За пятой вновь
оплачем Украину
Да учиним грызню
за булаву.
И спишем все невзгоды,
все руины
На клятых инородцев и Москву.

А будет утром
нечем похмелиться
И закусить –
так это не впервой:
Друг другу вмазав
по опухшим лицам,
Кого-нибудь пошлем... за мировой.

Под щедрым компанейским Водолеем
Опять разложим
сало на столе.
И тут, на третьей,
сразу прохмелеем:
Мы жили иль...
отбыли на Земле?

...Но снова вихрь поднялся.
Закружило

Душ переодеванье и телес.
Что нацепить?
В усах отныне сила
Иль бороды уже имеют вес?

Кому служить сегодня –
разобраться
Попробуй без бутылки и... Москвы.
Так лучше –
лучше наливайте, братцы,
И снова
с первой мы начнем главы.

И – р-разом:

А ну, срывай «Московской» янычарке
Головку с плеч.
И булькнем в три ствола!
Давайте-ка хлебнем
по первой чарке
За то, что наша жизнь...
вчера была!

Петро РЕБРО (1932-2014)

Советский и украинский поэт, прозаик, драматург, публицист, литературовед, сатирик и юморист, переводчик, общественный и культурный деятель. Почетный гражданин Запорожья. В 2007 году в запорожском издательстве «Днепропетровский металлург» вышла книга юмористических стихотворений П. Ребро в переводах Е. Новичихина.

П. Ребро неоднократно приезжал в Воронеж, возглавляя делегации писателей Запорожья. Воронежу он посвятил немало прекрасных поэтических строк.

ШУТКИ КОЗАКА

Прокатил

На мотоцикле как-то вез Пахом
Из города куму свою Параску.
Сам восседая важно за рулем,
Ее, как панну, посадил в коляску.

– Держись, Параска! Эх, и прокачу!
Ты не каталась так еще ни разу.
А если что – кричи мне.
– Покричу...
И дал Пахом, как говорится, газу.

Как ошалелый, воет и рычит,
Мчит драндулет разгонистым проспектом.
Прислушался Пахом – кума кричит.
– Параска, цыц! Стоит автоинспектор!

За город выезжают, на простор.
Кума кричит. А кум ей, возмущенный:
– Ты что, ослепла? Видишь светофор?
Дай проскочить, пока горит зеленый!

Успели проскочить. Поля окрест.
Пахомов мотоцикл летит стрелою.
Кума кричит, а кум: «Тут переезд!
Не проморгать бы нам его с тобою!»

Проехали. Каким-то мчат селом.
За мотоциклом только пыль клубится.
Кума хрипит от крика. А Пахом:
– Вон мост дырявый! В речку б не свалиться!

Мост позади. Опять берет разгон
Пахом на мотоцикле – в гору, в гору!
Кума аж захлебнулась, а он:
«Погромче! Не слышать из-за мотора!»

Вновь мотоцикл несется по степи.
Кума за полы дергает Пахома.
А он: «Еще минутку потерпи.
Уж подъезжаем. Все расскажешь дома».

А вот и дом. Бледна, как полотно,
Параска – бряк! Одно лишь и сказала:
– Мы... потеряли... от коляски... дно...
И я... и всю дорогу... я бежала!..

Седоки

Возможно, вам известен этот случай.
Века до нас преданье донесли,
Как женщины мужей своих спасли
От гибели, от смерти неминучей.

Осадой крепость взял один паша
И речь повел на радостях такую:
– Я докажу – есть у меня душа,
Я не всегда безудержно лютую.

Да, в меру сил и я добро творю
И хоть мужчин нещадно покараю,
Всем женщинам свободу подарю.
Из крепости их с миром отпускаю!

Мы жизнью все – паша ты, раб иль тать –
Обязаны созданьям этим милым.
Пускай идут! И разрешаю взять
Я каждой то, что ей нести по силам...

И перед взором грозного паши
Предстали очень странные картины:
Все женщины из крепости пошли,
Взвалив мужей на шеи и на спины.

Хоть с той поры века, а не года
Прошли, растаяв, как туман в долине,
Но седоки иные – вот беда! –
Не спешились, представьте, и донине.

И спешиться не думают пока.
Несутся вскачь по большакам и тропам.
А кони получают под бока,
Освоив бег и рысью, и галопом.

Ну прямо настоящий ипподром!
И коль уж невозможно не кататься,
То не пора ли всаднику с конем
Хоть иногда ролями поменяться?

Третий – лишний

Прогнав из дома тещу, так
Сказал жене
 в саду под вишней:
– У нас любовь, а не пустяк,
Тут, как известно,
 третий – лишний!

Поэту Н.

В Кисловодск летишь трудиться?
Что ж, идея гениальная!
Будет в сборнике водица
Не простая –
 минеральная!

«Скромняга»

Кропает для детей стишочки,
Печат их
 за строкой строка.
Но собственным
 сынку и дочке
Читает только Маршака!

После свадьбы

Еще не отзвучали крики «Горько!»,
Жена сказала:
– А признайся, муж,
Ведь ты женился
 из-за «Волги» только.
Она у папы новая к тому ж.

На ней в любую даль
 махнуть недолго.
Захочешь – в Крым,
 захочешь – на Кавказ...

Надулся муж:
– Ты что? Какая «Волга»?
Забыла разве, что любовь у нас?

Любовь – всему основа, дорогая.
Мы, люди, горы двигаем, любя.
При чем тут «Волга»?
 Я б женился, зная,
Что даже... «Запорожец» у тебя!

Вась-вась

Пословица давненько родилась,
Но до сих пор в народе не забыта:
Когда Иван с Николою вась-вась,
Все будет, как известно, шито-крыто.

На красный свет машина пронеслась,
Шофер забыл про все в хмельной погоне.
Но он с автоинспектором вась-вась –
И потому прокола нет в талоне.

Тревожится завмаг: беда стряслась –
Большая недостача в магазине.
Но с ревизором наш завмаг вась-вась.
Глядишь – тревоги нету и в помине.

Дал токарь брак, увы, не в первый раз,
Но это бракодела не тревожит.
Он с контролером был всегда вась-вась,
Поэтому портачить снова может.

Комбайнер спал всю смену не стыдясь,
А в сводку дан отличный показатель!
Поскольку с бригадиром он вась-вась,
То ничего не знает председатель.

К тому, что рассказал я вам сейчас,
Одно лишь остается мне добавить:
Давайте вместе будем мы вась-вась,
Чтоб на вась-вась скорее крест поставить!

...«Вещица эта вам не удалась», –
В редакции сказать мне могут, знаю.
Вот был бы я с редактором вась-вась,
Стихи в набор он сдал бы не читая.

«Козломания»

Один спешит в театр, другой в кино,
Того ждет клуб, того – библиотека.
Ну, а Кирилла, аса домино,
Заветный столик ждет в подвале ЖЭКа.

Весна иль осень, ясно иль туман,
Бодрит мороз иль нет от зноя мочи, –
Одно лишь знает этот «козломан»:
Костяшками стучать до самой ночи.

– Два-три! – и бах!
– Три-пять! – и вновь – тарак! –
Грохочет канонада не смолкая.
У игроков уже темно в глазах.
Вокруг стоит завеса дымовая.

Под стук костяшек целый век проплыл.
Промчались годы – все в сплошном тумане...
А если б не в «козла» играл Кирилл,
А на кларнете, скажем, иль баяне,

И время, что убил на домино,
На музыку потратил, на ученье?
Да он уже б артистом был давно –
И очень знаменитым, без сомненья!

А если бы все время, что провел
Наш «козломан» за столиком в подвале,
Садить деревья? Здесь бы сад расцвел –
Адам такого с Евой не видали!

А если б книжки «козломан» листал
Усердно так же, с тем же интересом?
Он доктором наук, наверно б, стал,
А может – академиком известным!

...Один спешит в театр, другой в кино,
Того ждет клуб, того – библиотека.
Ну, а Кирилла, аса домино,
Заветный столик ждет в подвале ЖЭКа...

Идеальная парочка

Ну есть же пары! Не найдешь милей!
Он Аполлон, она – под стать Венере.
Таким живется, как в раю, ей-ей,
Не только в шалаше, но и в пещере.

Она была прекрасною женой
И лишь его любила, как ни странно,
Хоть он зарплату не носил домой
Не то чтобы частенько – постоянно.

- Я думал, что ядро влетело!
- Иль дьявол нагоняет страх!
- Кузьма, да что же
так гремело?
- Да это... я был
в тех штанах...

Какой веры?

- Вера, брат, твоя какая? –
Никодим спросил Фому.
Тот, плечами пожимая,
– Сам, – ответил, – не пойму.

- Вот так диво! Сам не знаешь?
Ты ж не турок, не монгол!
В воскресенье поспешаешь
В церковь ты? Или в костел?

А Фома:

- Прошу прощенья,
Да ужель не люди мы?
Поспешаю в воскресенье
Я, конечно... до корчмы!

Необходимое уточнение

В крик жена:

- На мне – семья,
А ему – бутылка!
Выбирай, пьянчуга, – я
Иль она, горилка?

Муж задумался, икая:

- Слушай, м-мое сердце, –
А горилка-то как-к-кая?
С п-перцем иль без п-перца?

Козацкий жребий

Если стрела овин задела,
То я иду в корчму.
А если мимо пролетела,
То целовать куму.

А если долетит до тучки
И будет там лежать –
Я косу наточу получше
И стану жито жать.

Поцелуй

Шинкарку подозвал козак
(Ударила в затылок водка):
– А на закуску заказать
Нельзя ли поцелуй, красотка?

– Сперва плати! – она в ответ, –
А то потом забудешь спьяну. –
Козак вскочил: «Вопросов нет!» –
И тут же вывернул карманы.

– Даю, – расщедрился козак, –
Еще и норковую шапку!
Шинкарка говорит: «Коль так...» –
И кличет старенькую Гапку.

– Я вижу, ты не скупердяй.
Твоим вниманием горжусь я.
Ну, а теперь с тобой пускай
Моя расплатится бабуся...

Прогнозы

У Степана на уме
Очень мрачные прогнозы:
Ой, лютой быть зиме!
Ой, идут, идут морозы!

– Да с чего ты взял, Степан,
Если дело – только к лету?!
– Весь дырявый мой жупан,
А другой одежды нету...

Темнота

Поймали турка. Притащили в стан.
Стоят вокруг, вопросы задавая.
Но вертит головою бусурман,
Слова – ни бе, ни ме – не понимая.

Хохочут запорожцы:
– Темнота!
Таких болванов нету в целом свете!
Видал? Не понимает ни черта
Того, что знают даже наши дети!

Кобзарь и царь

К несчастному слепому кобзарю
Судьба быть благосклонной не хотела.
Его схватила стража и к царю
Приволокла. А тот скучал без дела.

И царь, скучищу от себя гоня,
Сказал: «А ну-ка песню спой такую,
Которая бы славила меня, –
Тебе куплю я кобзу золотую».

– Э, нет, – кобзарь ответил, – хоть убей,
Служить царю я, право, не готовый.
Конечно, я слепой. Но, ей-же-ей,
Покамест я еще не безголовый!

Плохая память

Два старых козачины повстречались,
Уставшие от всяческих невзгод.
– Как жив-здоров?
– Подводит память малость...

Не тот совет

Поделился Гриць своей бедою,
Встретив друга старого Фому:
– Дай совет, что делать мне с женою, –
Что ни вечер – тащится в корчму.

– Тяжек крест иметь жену-пьянчугу.
Как тебя Всевышний покарал!
Я б ее, – Фома ответил другу, –
Крепко возле печки привязал!

– Привязать – оно, конечно, можно, –
Взвесил бедный муж совет Фомы, –
Но скажи: меня домой-то кто же
За полночь потащит из корчмы?

Два горба

Хлопцы дружно чешут лбы,
Глядя на верблюда:
– Для чего ему горбы –
Два косматых чуда?

– Темнота! – блеснул умом
Сотник Трясогузка. –
Ясно ж: выпивка – в одном,
А в другом – закуска!

Забыл

Крепко дверь шинкарь закрыл
И – как обух по затылку:
– Признавайтесь, кто забыл
Расплатиться за горилку?

Удивленно на него
Поглядев, козак ответил:
– Так ведь пил я для чего?
Чтоб забыть про все на свете!

Примета

– Близнецы твои, козак,
До того похожи!
Друг от друга ты их как
Отличаешь все же?

– Узнаю я их давно.
Как суда по флагу:
Савва хлещет лишь вино,
А Данила – брагу!

А закуска?

Плывут два старика в челне.
Один кричит другому в ухо:
– В Днепре – вчера приснилось мне –
Бог воду превратил в сивуху!

Тот чуть не выпал из челна
И пригорюнился: «Пожалуй,
Его не выпить нам до дна –
У нас с тобой закуски мало!»

Кожух виноват

– Пил опять? – дает чертей
Старику старуха. –
Дом – до окон и дверей –
Весь смердит сивухой!

Чуешь, как поганный дух
Все тут отравляет?
– Это ж пахнет мой кожух:
Он в корчме бывает!

Не всегда

Козак перекривился весь,
Поморщился брезгливо:
– Корчмарь, всегда такие здесь
Помои вместо пива?

– Зря, – тот ответил, – не брани
И не гляди сердито.
Бывает это только в дни,
Когда корчма открыта!

В гостях

– Дома, – муж сказал жене, –
Все же лучше спится.
А в гостях все время мне
Злая ведьма снится.

– Ведьма? – в панике жена. –
Что за кара, Боже!
Как хоть выглядит она?
– На тебя похожа!

Надпись на козацком надгробии

Тут спит козак (и вы тут будете) –
Веселый очень человек.
Пройдите тихо: коль разбудите,
То не напоите вовек!

Да или нет?

Гриць блукает, как во сне,
И вздыхает тяжело:
– Отказала все же мне
Бесова Палажка!

Успокоил парня Гнат:
– Все не так ужасно!
«Нет» частенько у девчат
То же, что «Согласна!»

– Эта краля, старина,
Не такого сорту:
Не сказала «Нет» она,
А сказала: «К черту!»

Родной

Увидев козака, от зла
И гнева пан трясется.
И вдруг кивает на осла:
– Гляди, твой брат пасется!

Козак ответил: «Виноват,
Но уточню я все же:
Осел – двоюродный мой брат,
А ваш – родной, похоже».

Молитва

Под вечер в церковь заглянул козак
И тут в поклоне до земли согнулся:
– О, Боже милостивый, сделай так,
Чтоб я однажды турком обернулся.

И тут к нему священник подошел,
Который и походы знал, и битвы:
– Ты что, совсем уже с ума сошел?
К чему такие просьбы и молитвы?

Не турок разве нападал на Сечь?
Не он ли враг козацкого народу?
Козак ответил: «Не об этом речь!
Да я аллаху не молился сроду!

Поверь, конины в рот я не беру,
Наоборот – люблю я очень сало.
Хочу я просто, чтоб, когда помру,
На турка одного хоть меньше стало!»

Наоборот

Крик и брань разносит эхо.
То по шляху, вдоль реки,
Злющий пан в коляске ехал,
А навстречу – козаки.

Заорал он: «Ну-ка, стадо,
Расходись, а то прибью!
Дурням всяким, знать бы надо,
Я дороги не даю!»

Козаки без тени страха,
Усмехаясь во весь рот,
Уходили прочь со шляха:
– Ну, а мы – наоборот!

Суровый универсал

Гетман, добрый по природе,
Подписал универсал:
«Пьяным места нет в походе.
Убивать их наповал!»

Очень просто подытожил
Гетман эту мысль свою:
– Коль не мы, то уничтожит
Враг их – в первом же бою!

А баран знает

Хвалился пан: среди панов
Его умнее нет на свете.
Хоть не имеет он чинов,
Но на любой вопрос ответит.

А запорожец «мудреца»
Спросил: «Ответь-ка без подсказки,
Когда и почему овца
Горазда до любовной ласки?»

– Не знаю, – отвечает пан, –
Мы не учили эти штуки.
Козак хохочет: «А баран
Все это знает без науки!»

Золотая цена

К запорожцу пан пристал,
Спрашивая строго:
– За меня ты сколько б дал?
Тот ответил: «Много!»

И, подумав, заявил,
Необычно кроток:
– Я за вас бы заплатил
Целых сотню злотых!

Возмутился очень пан:
– Ты болван – и только!
Да один лишь мой жупан
Стоит ровно столько!

А козак: «Да, понял вас,
Возражать не смею.
Я жупан-то ваш как раз
И в виду имею».

Уважил пана

Пан насмешливо сказал
Козаку прилюдно:
– Ты бы что-нибудь сбрежал,
Что-то стало нудно!

Ты, видать, на то мастак,
Особливо – спьяна.
Ус пригладивши, козак
Пристыдил вдруг пана:

– Выбрал время ты, болтун,
Чтоб точить тут ляды!
Глянь, татары твой табун
Тянут на колбасы!

Пан испуганно затих
И рванул скорее

В степь – спасать коней своих
От татар-злодеев.

Через речку, через яр,
Сжав в кулак ладони...
Только нет нигде татар,
Живы-целы кони.

Воротился пан в село,
А в руках – дубина:
– Обманул меня, хамло?
Обдурил, скотина?

А козак ему: «Свят-свят!
Нет, клянусь, обмана!
Ты ж просил меня сбрехать?
Я уважил пана!»

Жупан

В одежке новой ходит пан –
Любитель нарядиться.
– Гляди, гляди, какой жупан! –
Не может нахвалиться.

Козак в ответ: «Да погоди!» –
И шевелит усами:
– Ослов хоть в золото ряди –
Не станут жеребцами!

Козак в родных краях

Побывал козак в родных краях.
Все село вокруг него толпится:
– Много ль положил врагов в боях?
– Довелось, – сказал он, – потрудиться!

Я злодеев этих – наповал!
На моем счету их много очень.
Сотнями я их уничтожал!
Из ружья обоих, между прочим...

Дьяк и кобыла

Не избежал беды козак
И с криком «Господи, помилуй»
В надежде, что поможет дьяк,
Он просит: «Вылечи кобылу!»

Тот возмутился: «Как же так?
Совсем свихнулся ты? О, Боже!
Пойми, что я ученый дьяк,
А не какой-то знахарь все же!»

И чешет лысину козак:
Зря кипятиться! Если честно,
Известно мне, что ты – наш дьяк.
Но ведь кобыле неизвестно!

Избавился от врагов

Тот рад, что стать богатым может,
А тот – что нет долгов.
А у Лукьяна радость тоже:
– Нет у меня врагов.

– Да неужели? – все дивятся. –
Чем объяснить успех?
Смеется дед: «Да просто, братцы,
Я пережил их всех!»

Должник

В последний путь, пожив на свете,
Раб божий брел в кругу селян.
Рыдали и жена, и дети,
А всех сильнее – Омельян.

С участием, вполне понятным,
Заговорили с козаком:
– Покойный был вам кумом, сватом?
А тот – тихонько: «Должником...»

Похожий

Другу Гриць сказал: «О, Боже,
Чтоб забрал меня шайтан!
Вы с Иваном так похожи!
Ты же – вылитый Иван!»

– Не похож я на Ивана! –
Отбивается Павло. –
Что ты мелешь постоянно?
Что тебе на ум взбрело?

– Так похож, что сам не знаешь, –
Гриць сказал ему. – Похож!
Как и он, ты занимаешь,
А потом... не отдаешь!

Кто опасней

Собрав друзей своих когорту,
Сказал козак Роман:
– Я знаю, кто опасней черта.
Конечно, бусурман!

Я своего коня, поверьте,
Нещадно проклинал:
«А чтоб тебя забрали черти!» –
Никто его не брал.

Но вздумал пошутить, придурок,
Сказав, его кляня:
«Да чтоб тебя забрал сам турок!» –
И нет уже коня.

Где больше народу

Внук беседует с дедом Негодой,
Много раз побывавшим в бою:
– Интересно: а больше народу –
Где? В аду или, может, раю?

Дед ответил: «В аду. – И, вздыхая,
Пояснил: – Ты пойми, дорогой –
Путь крутой и тернистый до рая,
А до ада он легкий, прямой!»

Помолился...

Говорит жена Оверке:
– Как случилось, почему:
Должен быть ты, леший, в церкви,
А попал... опять в корчму!

Щиплет дед свою бородку:
– В церкви... там народу тьма.
А напротив – как сиротка –
Одинокая корчма.

Есть где встать и прислониться,
Не толкнет никто плечом...
– Так пошел же ты молиться! –
Машет баба рогачом.

Прерывает дед Одарку:
– А душа моя свята;
Ведь в корчме я выпил чарку
За здоровьечко Христа!

Мудрый выход

– Эх, кабы знать, – сказал Гаркуша. –
В каком походе и бою
Отдам я Богу свою душу,
Сложу головушку свою!

– И что б ты сделал? – отозвался
У куреня бывалый дед.
– Как что? – Гаркуша рассмеялся. –
В поход бы не пошел я! Нет!

Как доказать

– Как же мог, Никола, друга
Ты огреть веслом?
– Так ведь он меня, бандюга,
Обозвал ослом!

– Не осел ты – это ясно
Надо понимать.
– Понимаю все прекрасно.
Как мне доказать?

– Очень просто – по примете,
Точной круглый год:
Ни один осел на свете
Так, как ты, не пьет!

Все равно...

Стонет хворый дед Тарас:
– Хоть давно болею,
Может, смерть и в этот раз
Обдурить сумею?

– Да теперь – хоть круть, хоть верть, –
Шепчет бабка Настя. –
Обдурить сумеешь смерть,
Так помрешь от счастья...

Макитра

Пан гончару сказал: «Тебя
В селе все люди хвалят.
В макитре старенькой моей
Не смог бы дно ты вставить?»

Она мне очень дорога,
Служила мне немало...»
Гончар пригладил ус: «Неси,
Но выверни сначала!»

Лекарь

Никита с Гнатом по дороге
Ведут беседу. «Слушай, Гнат,
Ужасно разболелись ноги –
На дождь, а может, и на град».

Гнат почесал в своем затылке:
– Есть выход и из худших бед!
Поставь, Никита, мне бутылку –
Хороший дам тебе совет!

– Давай, давай его скорее!
Не пожалею даже две!
– Ты каменюкой посильнее
Все время бей по голове!

– Что это даст, не понимаю, –
Сверкнул в глазах Никиты страх.
– Коль будет голова больная,
Забудешь вмиг про боль в ногах!

Не та команда

– По коням! – прозвучал приказ.
И вновь: «Готовься к бою!»
Гаврила ж не открыл и глаз –
Он дремлет под сосною.

Тут – сотник. Тучи он черней:
– Ты что лежишь, Гаврила?!
Команду слышал – на коней?
– А у меня кобыла!

Перехвалил

На базаре старый дед
Табачок свой хвалит:
– Крепок так, что силы нет!
И кобылу свалит!

Козаки ему: «Чудак!
Да при чем тут силы?
Нам для трубок твой табак,
А не для кобылы!»

Поздравление

К Кондрату Савва прибежал
И начал осторожно:
– Слышать, ты Гапку в жены взял?
Тебя поздравить можно?

– Да что ты выдумал опять!
Откуда сплетни эти?
Чтоб эту Гапку в жены взять?
Да ни за что на свете!

Капризна Гапка и вредна,
Да и дурного роду.
За турка пусть идет она.
Да не женюсь я сроду!

А Савва, выслушав дружка,
Схватил скорее шапку:
– Ну, будь здоров, Кондрат. Пока!
Пойду поздравлю Гапку!

Только один злодей

Замучили кошмары пана,
Со страхом он глядит на дверь
И вот зовет слугу Ивана:
– Возьми-ка свечку и проверь.

Уверен: в комнатах – злодеи,
И нам не миновать беды.
Ты слышишь? Шорохи сильнее...
Все-все тихонько обойди...

– Да что вы, пан! – Иван ответил. –
Вам волноваться нет причин:
В покоях нет, поверьте, этих
Злодеев. Только вы один!

Пошутил...

С двора кобыла побрела.
Козак – он смотрит в оба –
Ей закричал: «Куда пошла?
Взяла б тебя хвороба!»

И что ж? Прошел единый миг,
Как вдруг его кобыла
Упала и ногами – дрыг.
И дух свой испустила.

Козак – к кобыле: «Ой-ой-ой!»
А вид кобылы жуток.
И закричал он: «Боже мой,
Не понимаешь шуток?!»

Сон

Сотник, спавший на рогоже,
Вдруг проснулся. Мрачен вид.
– Ух, и дал бы вам по роже! –
Козакам он говорит.

– Как? За что? – курень взорвался.
– Мне приснился страшный сон,
Будто с турком я сражался
И попал к нему в полон.

Как меня там мордовали!
Издевались аж три дня!
Так чего ж вы не примчали,
Чтобы выручить меня?

Корова на печи

Увидев из окна соседку
И не желая с нею встреч,
Сказала Гапка: «Тихо, детки.
Пасу корову». – И – на печь.

Вошла соседка в дом. А дети
Рядком уселись, как сычи.
– Где ж ваша мама?
– Мамы нету!
Пасет корову на печи!

Случай на охоте

Никола с Салимоном, бедолаги,
По осени охотиться пошли.
Обшарили все балки и овраги,
Но и зайчонка даже не нашли!

Когда ж, устав, на землю повалились
И подступила снега пелена,
То вдруг понятно стало: заблудились!
Вот тут и наступила им хана!

И Салимон сказал: «Ах, как все бренно.
Нас завтра же оплачет все село».
Но руку протянул, а рядом – сено.
(Охотникам, как видно, повезло.)

Никола заплясал: «Удача с нами!
Погреемся теперь немножко мы».
Поджег он стог. Заклокотало пламя,
Взметнулись искры из кромешной тьмы.

Но что случилось? Крики отовсюду,
Шум, гвалт, как будто в бой идет орда,
Бегут – в руках с водою ведра – люди:
– Село пылает! Караул! Беда!

– Эх, – недовольно Салимон бормочет, –
Привык народ наш на халяву жить:
Как сено поджигать – никто не хочет,
А как погреться – все село бежит!

Божий брак

Изнемогая от жары,
Козак прийти в себя не может:
– Чуть не сожрали комары!
Что, и они – создание божье?

Откликнулись ему деды:
– Да, с комарами нужен навык.
Но это, братец, полбеды –
Господь и баб создал вдобавок!

Потрогал лысину козак,
Затих и трубку набивает.
– Э-э, – говорит, – выходит, брак
И у Всевышнего бывает?

Тактика

Дед Омелько возмутился:
Ты, жена, в своем уме?
Три часа без перерыва
Что-то мелешь ты куме.

Разговор прервав на время,
Та ответила ему:
– Говорю без остановки,
Чтоб не слышать мне куму!

«Поклонник»

Повстречавшись в огороде,
Говорит куме кума:
– Что, к тебе, судачат, вроде
Мой заглядывал Кузьма?

– Я дала ему по трубке,
Чтобы рук не распускал!
– Лез, подлец, к тебе под юбку?
Что-то в пазухе искал?

– Если б так, – кума сказала, –
Небольшой бы был грешок.
Твой Кузьма – любитель сала,
Лез за ним ко мне в мешок!

Неравнозначный обмен

Муж жене сказал: «Послушай, Ганна,
Я тебя, зараза, проучу!
Завтра же отдам тебя цыганам –
На кобылу обменять хочу!»

Ну, а Ганна – как рядом накрыла!
Осадила сразу мудреца:
– Думаешь, цыганская кобыла
На тебя сменяет жеребца?

Размечтался

Под дубом лег козак Кирпатый
И размечтался (не про бой):
– Женюсь на честной, на богатой,
Красивой, умной, молодой...

– Не будет счастья и блаженства!
Ему отрезал дед Кузьма. –
– Да почему ж?
– За многоженство
Тебе положена тюрьма!

Когда выбирать жену

– А ты куда? – дед спрашивает внука.
(А у того сигарка на губе.)
– На вечеринку – чтоб развеять скуку.
Жену, быть может, выберу себе.

Дед недовольно шевелит усами:
– Дурной ты, вижу, парень, словно пень.
Знай: красть коней сподручнее ночами.
А выбирать жену – тут нужен день!

Метла

Степан, по ярмарке блукая,
Кричит: «Метла! Кому метла?»
Подходит женщина седая –
Кудлата, а к тому же – зла.

Глазами зыркает, как кобра –
Не то больна, не то пьяна.
И спрашивает так недобро:
«А не рассыплется она?»

– Прослужит век вам, если честно, –
Степан стал бабу уверять. –
Метла зачем вам, интересно?
Чтоб подметать или... летать?

Успокоил

Жинка, доленьку кляня,
Ссорится с Иваном.
– Хочешь ты, слышать, меня
Продать бусурманам?

А Иван: «Душа моя,
Говорю понятно:
Не продать намерен я,
А отдать бесплатно!»

Пока не поздно

– Слыхал я, Гнат, ты женишь сына? –
В недоуменье куренной. –
Но он, по сути, не мужчина.
И юный очень, и дурной.

А Гнат, лукавить не умея,
Взглянул сурово из-под век:
– Так ведь когда он поумнеет,
Я не женю его вовек!

Демидово золото

Вернулись из похода – да с добычей!
Теперь хоть пей, хоть спи, хоть песни пой.
И на виду у всех, вполне привычно,
Сидит – богатство делит куренной.

– С таким – хоть за покупкою, хоть в гости, –
Довольный, держит золото в руке.
И отсыпает из мешка по горсти
То Марку, то Софрону, то Луке.

– А мне?! – словно с цепи, Демид сорвался. –
Не получу, выходит, ни хрена?
– Так ты же сам в походе похвалялся,
Что золотая у тебя жена!

Дорвался

Юхим дорвался до кумы,
Разгоряченный после боя.
– Ах, дорогая, сколько ж мы
Уже не виделись с тобою!

Ты все цветешь? Сойду с ума!
Горишь, как зорька среди ночи!
Ну, чем ты угостишь, кума? –
На ухо – нежно так – лопочет.

– Что не попросишь – все отдам, –
Та, покраснев, ему сказала.
Юхим обрадовался: «Да?
Тогда отрежь побольше сала!»

Везенье

Не прельщает Данилу и водка,
На душе неприятностей груз.
– Дед! Сегодня шестая красotka
Поднесла мне, зараза, гарбуз.

Дед ответил: «Так это ж, Данило,
За добро твое – лучшая мзда.
Только ты не надейся, чудило,
Что везти тебе будет всегда!»

Вот так жена!

Козак, все опустив детали,
Сказал: «Вчера женился я.
В приданое – кобылу дали!»
– Бутылку ставь! – ему друзья.

Поставил. «Что, видать, красива?
Фигура как? Походка? Рост?»
– Так хороша, ребята, грива!
Жаль, жеребец отгрыз ей хвост...

Магарыч

Четвертый день Никола ищет кума,
Не пропускает хату ни одну:
Случайно, вы не видели Наума?
Он у меня на днях украл жену!

Уверенно идет он к цели, твердо:
– Куда ж он делся, этот старый хрыч?
– Набить ему, Никола, хочешь морду?
– Да нет, хочу поставить магарыч!

Грех

Раз к попу пришла старуха –
Очень рассмешила:
– Каюсь, отче! – и на ухо:
– С кумом согрешила...

Поп опешил: «А когда?» –
Трясет бородою.
– Да давно уж. Я тогда
Была молодою.

Удивился пастырь, но
Очень осторожно:
– Это ж было так давно –
И забыть бы можно...

– А зачем же забывать? –
Бабке непонятно. –
Только вспомню – и опять
На душе приятно!

Простой секрет

– Может, ты подскажешь, Ганна:
Что же делать мне?
Мой Данила постоянно
Говорит во сне.

Я боюсь – серьезно болен.
Мысли все о нем...
– Дай ему ты, Галя, вволю
Высказаться днем!

Не помолчит

Дед пришел, а бабка грозно:
– Вновь? – шипит змеею.
Говорит он: «Спи, уж поздно.
Дай ты всем покоя».

– Старый бабник ты! Приблуда!
Брешешь постоянно!
Знай, проклятый: спать я буду,
Но молчать не стану!

Венера

– Посмотри туда, – жена толкает
Мужа на базаре что есть сил. –
Женщина – красивая такая,
А без рук. Что, турок, отрубил?

– Это вертихвосткам всем наука, –
Объяснил вполне серьезно Гнат. –
Шлындры повыламывали руки,
Чтоб не обнимала всех подряд!

Точный расчет

Друзьям признался как-то Гнат
За чаркой (не одною!),
Что он уже лет пятьдесят,
Как мается с женою.

Они ему: «Что? Пятьдесят?
Да ты, дружок, брехало!
Ведь самому и тридцати
Тебе не наступало!»

А Гнат: «Нет, точен мой расчет,
Методу не скрываю:
Как поженились, каждый год
За десять я считаю!»

Отдельно!

Однажды в круг уселись козак.
Вопрос решали дружно, честь по чести:
«В раю живут отдельно мужики?
Или, как всюду, – с женщинами вместе?»
– Отдельно!

– Что – грешно?

– Да нет! Пойми,

Что женщины – они народ пропащий.
И если бы совместно жили мы,
Не рай, а ад там будет настоящий!

Зачем султану гарем

Разлив перцовку по стаканам,
Задал Степан вопрос такой:
– Зачем по сотне жен султанам?
Я не справляюсь и с одной!

– Так с ними ж легче, чем с одною, –
Ответил друг, подняв стакан. –
Они грызутся меж собою,
Зато спокоен сам султан!

Страшная месть

Спросил однажды Гнат Степана:
– Скажи, потомственный козак,
Вот если б в плен ты взял султана,
То покарал его бы как?

Взглянул тот весело на Гната,
Без промедленья заявил:
– Да очень просто – супостата
Я б хорошенько напоил!

– За что ж ему такое? Странно!
– Нет, я еще не все сказал.
Ведь напоивши бусурмана,
Я похмелиться бы не дал!

Ученый конь

Беседой интересной увлеченный,
Дьячок спросил у козака Кузьмы:
– А это правда, что твой конь – ученый
И сам тебя довозит до корчмы?

– Факт! – тот сказал. – Коня я обучаю.
Ну, а методу в тайне не храню:
Обычно я ведро не допиваю,
А что осталось – отдаю коню!

Спрятались...

– Спасайся – турки! Всем кранты! –
И вновь: – Свои спасайте души!
Все – врассыпную: тот в кусты,
Тот – под мосток, а тот – на грушу.

Как вихрь, летел на хутор враг.
Безлюдье всюду и безмолвье.
Пьют турки воду. А в кустах
Сказал им кто-то: «На здоровье!»

Схватили сразу мужика –
Того, что там, в кустах, скрывался.
Ну, а другой – из-под мостка:
– Чего ж ты, дурень, отозвался?

Схватили и того. Ведут,
Словно злодея или вора.
А третий с груши: «В добрый путь!
Опять придете к нам не скоро?»

Дня не хватает

Царица как-то лютовала
(Ее замучила мигрень):
– Что, запорожцы, я слыхала,
Горилку глушат целый день?

А кошевой: «Брехня какая!
Поверят только простаки!»
Ему царица, улыбаясь:
– Не пьют, выходит, козаки?

И он ответил прямо, смело:
– Царица, это все брехня,
Поскольку нам на это дело,
Ей-богу, не хватает дня!

Агагельды АЛЛАЗАРОВ

(Род. в 1948 г.)

Агагельды Алланазаров – известный современный туркменский поэт, прозаик, драматург. Автор более 40 книг, выходящих как на туркменском языке, так и в переводах на другие языки народов мира. По произведениям А. Алланазарова сняты три полнометражных художественных фильма. Писатель много пишет для детей – как в жанре прозы, так и в жанре поэзии.

В переводах Евгения Новичихина в Ашхабаде в 2005 году вышла книга стихов А. Алланазарова «Веселая азбука». В 2006 году там же, в Ашхабаде, издан двухтомник А. Алланазарова «Солнечный пароход», куда также вошли поэтические переводы Е. Новичихина. В 2020 году А. Алланазаров удостоен премии «Золотое перо Руси» за произведения, изданные на русском языке, в том числе и в переводах Е. Новичихина.

СЧИТАЛКА ТРЕХ КОТЯТ

Серый кот,
Тучный кот
Собирается
В поход.

А в походе
Не одетым
Будешь зябнуть
Даже летом.

Недовольно
Кот бормочет –
Одеваться
Кот не хочет.

Одевали
Мы кота
От ушей
И до хвоста.

Подобрав
Трусы и майку,
Сшили
Ватную фуфайку.

На затылок
Еле-еле
Шапку заячью
Надели.

В шапке
Серый кот хорош –
Стал
На чучело похож.

Но теперь,
Уйдя в поход,
Не озябнет
Серый кот!

ОДНАЖДЫ

То вдаль идет дорожка,
А то свернет к избе.
На свадьбу едет кошка,
Усевшись на арбе.

Поездке этой рады,
Тихонечко сидят
Котята с мамой рядом –
Юсуп, Эзиз, Хоммат.

Мелькает зелень леса,
Бегут столбы, дворы...
Доехать бы до места,
Покамест нет жары.

Лошадка торопилась,
Пустилась вскачь – и вот
Случайно оступилась,
Упала – не встает.

Лошадку очень жалко,
Но что поделывать тут?
Не помогает палка,
Не помогает кнут.

Котята встали дружно:
– Неужто мы слабы?
Да разве, если нужно,
Не сдвинуть нам арбы?

Опять бежит дорожка,
Вокруг – цветы, хлеба...
Довольна мама-кошка,
Что катится арба!

ПОЛЗЕТ ЧЕРЕПАХА

Найдя себе цель очень странную,
В упорстве немного смешна,
Нелегкой дорогой песчаную
Ползет черепаха одна.

Ползет черепаха. Дорога трудна,
Но с солнышком встречи
так хочет она!

А солнце глядит, улыбается.
Картина, конечно, странна:
В песках, словно в море, качается,
Плывет черепашья спина.

Ползет черепаха. Дорога трудна,
Но с солнышком встречи
так хочет она!

Мне кажется в утро погожее,
Когда я гляжу из окна:
На ту черепаху похожая,
На солнышке точка видна.

Ну что ж! Хоть дорога длинна
и трудна, –
Так с солнышком встречи
хотела она!

ЛИСИЦА-ОХОТНИЦА

Солнышко садится.
Темнота пришла.
Мечется лисица
Около села.

Бегает, считает,
Сколько фонарей
По селу мигает
И скрипит дверей.

Вышла на охоту,
Но удачи нет.
Мимо ходит кто-то,
Где-то вспыхнул свет.

Чей-то голос рядом.
Экая напасть!
Ей в курятник надо!
Как туда попасть?

Так хорош на ужин
Плов из петушков!
И ничуть не хуже
Суп из потрошков.

Даже выступает
Слюнка на губах.
Но собаки лают,
Нагоняя страх.

Ночью ей не спится –
Не дают дела.
Мечется лисица
Около села.

ПЕСНЯ СЫТОЙ СОБАКИ

Пусть, от солнца изнывая,
Все погибнет на жаре.
Ну, а мне беда какая?
Мне спокойно в конуре!

Здесь уютно, здесь прохладно,
Здесь не нужен мне никто!
Дома нет у вас? И ладно!
У меня он есть зато!

Пусть вокруг трещат морозы,
Пусть весь мир покроют льдом –
Наплевать на их угрозы:
У меня прекрасный дом!

Здесь и в стужу – словно летом,
Как под шубой иль в пальто.
Дома нет у вас? С приветом!
У меня он есть зато!

Не замечу здесь ни града,
Ни метели, ни жары,
Ни того, кто бродит рядом,
Не имея конуры.

Сухо в мире или влажно –
Не страшит меня ничто.
Дома нет у вас? Неважно!
У меня он есть зато!

ИЗ «ВЕСЕЛОЙ АЗБУКИ»**А****Арбуз**

Арбуз с землею, словно с соской,
Не расставаясь, воду пьет.
На солнцепеке под матроской
Растет один большой живот.

Рисую букву «А»

Я букву «А» рисую то и дело:
То на заборе, то раскрыв альбом,
То на асфальте, взяв кусочек мела,
То на большом листе карандашом.
Ведь эту букву я отлично знаю.
Вас научить? Ну, что ж, начнем урок:
Туда – одна нога, сюда – другая,
А в середине палка поперек.

Б**Баран**

Баран и меня убедил,
Что мир интересен и мил:
– Бабочка! Бантик! Бутон!
Бе-е! Бе-е! – удивляется он.

В**Волк**

Волк из села к себе домой
Вернулся без добычи злой.
– У-у-у, я не трус и не слабак,
Но как же много там собак!

Г**Горы**

Вершины гор похожи на ракеты,
А небо им лучи-сигналы шлет.
И каждая зовет пилота: «Где ты?» –
Готовая отправиться в полет.

Д**Дождик**

Дождик с нами поутру
Поиграл охотно.
Нашим пяткам на бегу
Было так щекотно!

Е-Ё**Ель**

Елям наряд
Предлагает природа
Самый различный
В течение года.
Сделали выбор
Красавицы-ели:
Платья весеннего
Цвета надели!

Ежик

– Ежик, ежик,
Не держи в секрете:
Для чего тебе
Иголки эти?
– Да иголки
Каждому нужны!
С ними
Даже змеи не страшны!

Ж**Жираф**

– Жираф, тебе из высоко
Не видно нашего щенка?
– Сейчас найдем. Нетрудно это.
Наверно, в облаках он где-то?
– Ты что? Какие облака?
Ведь нету крыльев у щенка!
– Тогда найти его непросто!
Жирафы все такого роста,
Что видят только облака.
Земля отсюда далека!

З**Заяц**

Заяц шустрый зверь и ловкий,
Заяц знает вкус морковки.
Стал и я, как заяц, ловок,
Съев на завтрак шесть морковок!

Скороговорка

Змеи занозинами
Землю зазанозили –
Злыми, зелеными
Зельями змеиными.

И-Й**Ива**

Ива стоит над рекою,
Косы висят за спиною.
В воду, стройна и красива,
Кокетливо смотрится ива.

Умный

Умный мой щенок.
Уже вот-вот
Он служить в милицию пойдет.
Притащил домой,
Найти помог
Мой давно потерянный сапог.

К**Котенок**

Картинка на комодке
Коричневого цвета.
Коричневый котенок
Глядит на нас с портрета.
А наш котенок хмурится,
Ему до слез обидно:
– Да здесь усов красивых
Совсем-совсем не видно!

Крокодил

Вы слышали? Крокодил
К нам в Туркмению приплыл!
Долго-долго добирался
Он из Африки в арык.
Раз в арыке искупался –
Навсегда к нему привык.
Он совсем не злой на вид,
По-туркменски говорит.

О**Буква «О»**

«О – колесо, открытое давно.
То крутится, то вертится оно.
Не старится от самого рожденья,
Поскольку жизнь его –
одно движенье.

Обезьяна

Мы все произошли от обезьяны.
Вот почему
я так люблю бананы!
Иду в зверинец, как к себе домой:
Здесь обезьяна. Это предок мой!

П**Поросенок**

Поросенка мыли, мыли,
А потом кормили.
Недовольно он бормочет,
Он совсем другого хочет:
Чтоб кормили и кормили –
И совсем не мыли.

Р**Учусь произносить «Р»**

– Ворона, спать уже пора,
А ты все каркаешь с утра.
– Кар-р-р, я с тебя
бер-ру пример-р-р,
Ка-р-р, изучаю букву «эр-р-р».

С**Снег**

Ах, какой сегодня выпал снег.
Оглянулся я – следы за мною.
Мерки с ног
снимает он у всех.
Может, сапоги сошьет весною?

Т**Туча**

Из объятий речки выплывала
Туча тяжела, темным-темна.
Мокрые одежды выжимала
Трижды нам на головы она.

Троллейбус

Тронулся троллейбус, как всегда,
С места тихо так и осторожно.
Катится, держась за провода:
Это город. Заблудиться можно.

У**Утки**

– Утки, утки, не пойму,
Вы босые – почему?
– Мы травую на лугу
Чистим пятки на бегу!

У-у-у...

За селом шакалы воют:

– У-у-у...

– Эй, шакал, да что с тобою?

– У-у-у...

Запах вкусной дыни чую.

У-у-у...

– Ну и что же?

– Есть хочу я...

У-у-у...

Ф**В гостях у филина**

У филина

до утренней зари –

Как факелы глаза,

как фонари.

За сказками

при свете фонарей

Ночь не страшна

для птиц и для зверей.

Футбол

Верблюды гоняет мяч уже с утра:
Футбол – его любимая игра.
А если сыро
на футбольном поле, –
Всегда поет он песни о футболе.

Х**Хлопок**

В поле хлопоты опять –
Время хлопок убирать.
Хоть нелегкая работа –
Поработать мне охота!

Ц**Цирк**

Цирк наконец приехал к нам. Ура!
Там целый день –
такие номера!
Я в цирк,
Чтоб оценить его программу,
С собой возьму
и бабушку, и маму.

Цветы

Лучики добра и красоты
Светятся и в хмурый день ненастный:
Самые прекрасные цветы
В маминых руках
еще прекрасней!

Ч**Черепашка**

Ползет черепаха вперед без опаски
В надежно надетой на голову каске.
Не знает испуга,
Не чувствует страха.
Отменный пожарный она, черепаха!

Ш**Шишки**

Падают шишки,
Прыгают шишки,
С шишками шумно
Играют мальчишки.
Шишки, как шуба,
Под елкой лежат,
Очень похожи
Они на ежат!

Шары

Раздуты шары то и дело,
Пузаты шары до предела:
Вовсю не раздуешься, то
Тебя не заметит никто.

Щ**Щетка**

Щука купила
Щетку на рынке,
Очень колючи
У щетки шетинки.
Щука глотать
Это щетку не хочет:
Щетка приятно ей
Щечки шекочет.

Ъ-Ъ**Твердый знак и мягкий знак**

Январь звонил:
– Жаль, не дождусь никак –
Когда приедешь в гости,
Твердый знак?

А тот в ответ:

– Здесь нет моей вины –
К тебе дороги все заметены.
Подъеду – лишь растает снег весной,
И будет братец Мягкий знак

со мною...

Съедобный барашек

Волк знает, волк чует по запаху: есть

Съедобный барашек.

Но как его съесть?

Схватить бы добычу,

в овраг уволочь,

Но лают – проклятье! –

собаки всю ночь.

Ы**Бык**

Для быка мычать привычно,

Бык бодается обычно.

А бодаться не привык –

То какой бы был ты бык?

Ыклым и ботинки

Смотрите-ка:

в новых ботинках Ыклым.

Теперь никому

не угнаться за ним.

Был в школе Ыклым

через десять минут –

Так быстро ботинки Ыклыма бегут!

Э**Страус эму**

С дня рожденья страус эму

Приобрел себе проблему:

Страус эму – это птица,

Только птице не летится.

Страус эму – быстрый бег.

Он бежит резвее всех!

Экскаватор

– Экскаватор, что ты роешь?

Что с утра копаешь ты?

– Не мешайте! Под землю

Братья ждут меня – кроты.

Может быть, и братец Крот
Мне навстречу роет ход...

Ю

Юсуп и пес

Юсуп домой пришел веселый.

Вокруг юлой вертелся пес.

– Гав-гав! Юсуп, а ты из школы

Сегодня что-нибудь принес?

– Мы в школе буквы изучали.

Принес я «пять» за букву «Ю».

– А мне, Юсуп, лизнуть нельзя ли

Добычу вкусную твою?

Я

Яблоко

Яблоко на яблоне

Цвета янтаря

Светится, как яркая,

Ясная заря.

Съесть хотел я яблоко –

Только не могу:

Жалко зорьку ясную –

Лучше сберегу!

ПРИМЕЧАНИЯ

Актион – бухта на западном побережье Греции (Ионическое море). В этой бухте 2 сентября 31 г. до н.э. шла решающая морская битва между Клеопатрой и Антонием с одной стороны и Октавианом – с другой.

Аларих (370-410) – король вестготов. В 396 г. Аларих вместе с готами, только что принявшими христианство, ограбил, разорил Грецию, в том числе и Оракул в Дельфах. Монахи пошли на государственную измену, способствуя проходу Алариха через Фермопилы.

Александрion – сын Александра Македонского и Роксаны. Родился в Вавилоне через месяц после смерти отца. В 311 г. до н.э. его вместе с матерью Роксаной убил правитель Македонии Кассандр.

Амон Ра – в древнеегипетской мифологии – бог солнца, почитавшийся как царь и отец богов.

Анадиомена – прозвище Афродиты. В буквальном смысле – нечто внезапно появившееся.

В Ани – древнеегипетский писарь, живший между 1500 и 1400 годами до н.э. Папирус Ани был найден в Фивах (современный Луксор) и является частью так называемой египетской библиотеки мертвых.

Анубис – древнеегипетский бог, покровитель умерших. Его представляли в образе шакала или дикой собаки, иногда – с головой шакала и туловищем человека.

Аргираспиды – элитное подразделение армии Александра Македонского.

Ахетатон – город, столица фараона Аменхотепа IV.

Гермес – согласно древнегреческой мифологии, сын Зевса, вестник олимпийских богов, покровитель торговли и путников. Отождествлялся с египетским богом Тотом.

Гермодам – первый учитель Пифагора.

Демиург – в древнеегипетской мифологии персонаж, создающий элементы мироздания, космические объекты, а также людей. Согласно мифу, из первобытного хаоса – Нуна – возник Атум. Атум – это демиург, создавший сам себя вместе с первобытным холмом (с которым он отождествляется) из космического Океана. Из слезы этого всевышнего существа произошли и все остальные древнейшие существа.

Демосег – земляк Пифагора, врач персидского царя.

Дионис (Вакх) – бог плодородных сил, виноградарства и виноделия.

«Его к нам привезут помазанного медом...» – см. Ксенофонт, «Греческая история», т. V: «Пока еще был живой, в течение семи дней оставался вне святилища, после чего умер. Был помазан медом и отправлен на свою родину, где похоронен с почестями...»

Имхотеп – древнеегипетский мудрец, советник фараона Джосера. Известен также как архитектор, построивший пирамиду Джосера в Сахаре, с которой и началось сооружение других египетских пирамид. После создания этой пирамиды Имхотеп был обожествлен. Считался покровителем мудрости и врачевания. Древние греки отождествляли его с Асклепием. Имхотепа часто изображали с бритой головой, а иногда – одетым в белые одежды врачевателя, сидящим на троне и держащим в руках развернутый папирус.

Иолл – сын Антипатра (наместника Македонии) и брат Кассандра.

Ипатия Александрийская (370-415) – математик, астроном, философ. Яркий представитель и сторонник эллинизма.

Ирида – богиня радуги, соединявшей, по древним представлениям, Небо и Землю.

Каллисфен (370-328 до н.э.) – племянник Аристотеля. Сопровождал Александра Македонского и писал историю его похода. Псевдо-Каллисфеном назван автор другой истории, которая, как считается, написана не Каллисфеном.

Канфар (кантар) – древнегреческий кубок для вина. В египетской религии – символическое перерождение.

Кассандр – наместник Македонии, который умертвил родных Александра Македонского – Олимпиаду, Роксану и Александра.

Кирилл – патриарх Александрии с 412 г. По его приказу монахи в 415 г. жестоко убили Ипатия на одной из улиц Александрии.

Либеллула – вид насекомого, которое обитает в болотах.

Макронисос – остров в Эгейском море, на котором расположены древние захоронения. Известен также тем, что здесь во время греческой гражданской войны (1946-1949) содержали более 15 тысяч политзаключенных, людей левых взглядов, в том числе женщин, стариков и детей. Буржуазная печать все-речь называла Макронисос «школой перевоспитания», «Акро-полем XX века». Эту «школу» свыше пяти тысяч человек не выдержали и погибли, столько же вернулись домой калеками.

Мекара (Мен-кау-ра, Микерин) – фараон четвертой династии. По его приказу построена третья пирамида в египетском городе Гиза.

Меритатен – египетская принцесса, первая дочь Аменхотепа IV и Нефертити.

Минос – один из трех сыновей Зевса и Европы. Был усыновлен критским царем Астерием, после смерти которого сам стал царем Кипра.

Минотавр – мифическое чудовище с головой быка и туловищем человека.

Неарх (360-312 до н.э.) – один из полководцев Александра Македонского. С 334 до н.э. правитель Ликийи и Памфилийи, участник похода в Индию. С 325 до н.э. командовал флотом, совершившим плавание из Индии в Месопотамию.

Нектабет (Нехтанебо) – царь Египта. Правил в 360-345 гг. Свергнут в результате второй персидской оккупации. Согласно народному преданию, последний фараон Египта, бежавший из страны накануне захвата ее персидским царем и нашедший убежище в Македонии.

Нефер – вид древнеегипетского лотоса. Этим же словом обозначаются понятия «добрый», «прекрасный» и тому подобные. Встречается как составная часть в некоторых других словах, а также в именах (Неферузи, Нефертити, Неферхатеп и т.д.).

Озирис (Осирис) – бог умирающей и воскресающей природы. Покровитель и судья мертвых, владыка разума.

«Он нам цветок обещает – тот, что сокрыт в Океане...» – речь идет о цветке бессмертия, который искал в глубинах Океана мифический герой Месопотамии Гильгамеш.

Оракул в Дельфах – религиозная святыня Эллады, «пуп Земли». Дельфийский оракул (до греческо-персидских войн) был главной духовной силой Греции, основой греческого единства. Он пробудил в греках осознание своего превосходства над варварами, дал направление национальному характеру во всех областях духовной жизни, в религии и нравственном мировоззрении.

Пан Ку – согласно китайскому мифу, первый человек, который проработал 18 тысяч лет и смог создать жизнь на Земле.

Пифия – жрица-прорицательница храма Аполлона в Дельфах.

Поликрат – тиран, правитель острова Самос с 540 г. до н.э. Осуществил государственную чеканку монеты, значительные строительные работы, создал военный и торговый флот и армию. Боролся с городами Малой Азии и островов Эгейского моря за торговые пути. Смерть Поликрата была трагичной: один из его сатрапов убил его и распял тело на высокой горе, чтобы его могли видеть соотечественники.

«Появятся, раскрашенные красками, причудливые женские головки...» – имеются в виду покрашенные волосы.

Птолемей Спаситель (367-283 гг. до н.э.) – ученик Аристотеля и детский друг Александра Македонского. Руководил охраной Александра Македонского. Основатель династии Птолемеев в Египте (328-30 гг. до н.э.). Птолемей помог жителям острова Родос в их борьбе против Антигона в 304 г. до н.э. За оказанную помощь они назвали его Спасителем.

Победа (Ника) – божество, персонификация победы в войне или мирных соревнованиях. Обычно изображается как молодая крылатая женщина, держащая венок, которым венчает победителей.

Роксана – дочь Оксиарта, одного из вождей Согдианы – исторической области в Средней Азии, одного из древних центров цивилизации. Роксана славилась своею красотой. Она попала в плен к Александру Македонскому, который влюбился в нее и женился на ней. Когда Александр Македонский умер, Роксана была на восьмом месяце беременности.

Саранги – индийский струнный смычковый музыкальный инструмент.

Сатиры – низшие божества, демоны плодородия. Их изображали мужчинами с козьими рогами или лошадиными ушами, копытами, хвостом. В переносном смысле – пьяный, похотливый человек.

Селиниос – сельдерей, из которого нередко делали венки, которыми в Древней Греции награждались победители Истмийских и Пифийских игр. Использовался и как лекарственная трава. Известно также, что селиниос изображался на отдельных древнегреческих монетах.

Таис Афинская – гетера, сопровождавшая Александра Македонского в его походах. После его смерти отправилась вместе с Птолемеем в Египет, где ее следы теряются. Некоторые историки утверждают, что она играла роль императрицы в Мемфисе и что она предала сожжению Персеполис – одну из столиц Персидского царства.

Танаграская кора – статуэтка девушки в длинных одеждах. Такие статуэтки изготавливались из керамики (терракота). Были найдены при раскопках в некрополях деревни Танагра. Отличались прекрасной пластикой, удивительной прелестью, нежностью красок. В свое время ими восхищался великий Роден.

Тэфнум – в древнеегипетской мифологии богиня влаги.

Тутмес – древнеегипетский скульптор, автор великолепных портретов царицы Нефертити, найденных в 1912 году.

Шу – в египетской мифологии бог воздуха, разделяющий небо и землю.

Эринии – в греческой мифологии богини мести, обитающие в подземном царстве, преследующие преступника и лишаящие его рассудка.

Apatris – без родины (лат.).

Ave, vita, moriturus te salutat! – Здравствуй, жизнь, идущий на смерть приветствует тебя! Здесь Ю. Янонис перефразировал известное латинское изречение «Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя» (обращение римских гладиаторов к императору перед боем).

СОДЕРЖАНИЕ**Юлюс Янонис (с литовского)**

Задача бардов	3
«Я знаю: неправду твердят мудрецы...»	4
Мои песни	4
Вечерняя песня девушки	4
Моя муза	5
Болит сердце	5
Он	6
Эхо весны	6
Другу	7
Мы	7
«Смотрятся в окна звезды несмело...»	7
В чем счастье?	8
Не вините меня...	8
«Я буду весну воспевать и природу...»	9
«Глядя в небо, в беспредельность высоты...»	9
«Ну почему мне два крыла...»	9
«Сказал художник умиленно...»	10
«К грядущему, к свету...»	10
Пуускай серебрятся студеные росы...	11
Клоун	11
Из рабочего катехизиса	12
Песня борцов	12
Песня батрака	13
«Тот не бард, кто нас обманет...»	13
Зимю	14
Поросль	14
Видал ли ты?	15
На могиле павших	16
«Создавать пышных образов тонкие сети...»	17
«Отдыхать нам не придется...»	17
Не плачьте...	18

Маяк	18
Мозолистым рукам	18
Друзья	19
Мысль	20
Весна	20
Три дороги	21
Ave, vita, moriturus te salutat!	21

Евген Плужник (с украинского)

«Упал – вставай у стены!..»	23
«Стиснул зубы. Потупил взгляд...»	23
«Ничего ему старый отец не сказал...»	24
«Читаю Синклера, хожу – ищу работу...»	24
«Торгуем всем, что только продается...»	25
«И снова сумрак со страницы...»	25
«Вздыхнула: «Ну что ж ты так бледен, сынок?...» ..	26
«Плакала ты. Свою спину устало...»	26
«Как видно, снова будет недород...»	27
«Пропало сено! Только покосили...»	27
«Пролился дождь, за много дней впервые...»	27
«Все ближе дождь. Березы зашумели...»	28
«Когда опять сентябрь золотоглавый...»	28
«Все дольше говорим, собравшись вместе...»	29
«Не хутор – а темница. Тихо-тихо...»	29
«Четвертый день горячий суховей...»	30
«Сердце – удивительная птичка...»	30
«Мудростью нельзя прожить чужою...»	30
«Напишешь, рвешь... И пишешь снова!..»	31
«Целый день шалят сегодня нервы...»	31
«Теперь меня волнует мало...»	31
«Бушует море. Новый вал идет...»	32
«Две параллели, два меридиана...»	32
«Линяют краски... Тихнут голоса...»	33
«Окошко в сад. Таблеток мертвый дух...»	33
«Вечереет... Мгла легла на море...»	33
«Когда-то пышный храм здесь был...»	34
«Суди меня сурово, современник!..»	34
«Одолено упрямство Изабеллы...»	34

«Вновь за окном ненастье разыгралось...»	35
«Взгляд очей наивных ваших...»	36
«Однообразно, безысходно...»	36
Костис Паламас (с новогреческого)	
Олимпийский гимн	38
Такой, как есть	38
Русалка слов	39
Я видел море...	39
Константинос Кавафис (с новогреческого)	
Монотония	40
Мольба	40
Души стариков	41
Клянется	41
Миртиотисса (Теони Дракопулу) (с новогреческого)	
Разлука	42
О, деревья!	43
Плач дождя	43
Костас Кариотакис (с новогреческого)	
Уходи...	45
У памятника Свободе, освещающей мир	46
Какие молодые...	46
Милтиадис Малакасис (с новогреческого)	
Луна	48
Георгос Сеферис (Сефериадис) (с новогреческого)	
Отрицания	49
Сверчки	49
Яннис Рицос (с новогреческого)	
Из «Эпитафии»	51
Никифорос Вреттакос (с новогреческого)	
Весна, я люблю тебя	57
«Глядит на меня мой дом родной...»	58

Георгиос Кодзюлас (с новогреческого)

Гакис Спирос	59
Сказал народ	60
Партизан	60
Разбойники	61
Мост-волосок	62
Катахняс, военный судья	63
Стрельба	63
Революция	64
Павшие	65
Нашему Арису	66
Генералу Авгеропулусу	67
Капитан Козякас	68
В завершение борьбы	69
«Если станут награду за бедность давать...»	70
«Весь в муках и души своей, и быта...»	70

Ставрос Боснакидис (с новогреческого)

Знание	71
Человечность	72
Олимпиада	72
Лес	73
Море	73
Экскурсия	74
Действия времен	75

Теодорос Трупис (с новогреческого)

Покинула...	109
-------------------	-----

Георгиос Веллас (с новогреческого)

«Верю в тебя я, Эллада моя...»	110
«Греки всесильны...»	110
Афины. 1896	111
«Мои стихи... Канва их трудно вяжется...»	112
Несу с собой	112
У родного дома	113
С детства	113
Все тут родное	114

«Стану размышлять неторопливо...»	115
Если заглянуть в сердце	116
Канцико	116
«Каждый день, каждый час...»	117
Расстрел	118
Два брата	119
Памяти матери	120
Отец	121
«Бесконечной тяжестью во мне...»	121
Воронежу («В пушистом небе...»)	122
Как дом родной	123
Вторая чужбина	123
«Афины... Столько солнца и тепла...»	124
Афины	125
Сосуд	125
«Сколько солнца, цветов...»	126
Я хочу...	127
Я как свеча...	127
Молюсь	128
Бесконечные степи	128
Завещание	129
«Я так хочу...»	129
Скажи мне...	130
Только две капли	131
Любовь моя...	131
«Когда поймешь...»	132
«Когда стою...»	133
Огонь любви	133
«Твоих очей...»	134
Воспоминание	135
«Мне виделось не раз...»	135
Родник	136
Проклятие	136
«Зло обнаружить, заметить...»	136
«Как тебя я...»	137
Искал тебя...	137
Ветер	138
«Пришла любовь...»	138

Добрый день	139
«О, мой далекий и любимый край...»	139
Моим студентам	140
«Старыми тропками – теми, что пройдены мной...»	142
Я пишу тебе, Россия	142
Березки	144
Люблю эту землю	144
Гостеприимство	145
Воронежу («Люблю твою весну голубоглазую...») ..	146
Покатились слезы	147
Письма	147
Мои мечты	148
«Вот и мое уже умчалось лето...»	148
Прочтите...	149
«Наивный до сих пор...»	149
Нежность	150
«Мне с детства, Боже, было нелегко...»	151
«День настает...»	151
 Периклис Завитсанос (с новогреческого)	
Вливается прошлое в настоящее	152
 Никос Занопулос (с новогреческого)	
Эскизы	204
Терракоты	215
 Из греческих народных свадебных песен	
«Как мука тонка...»	234
«– Это кто же рядом с женихом...»	235
«В розах ласточка свить гнездышко старается...» ...	235
«Шел я по тропинке...»	235
«Добро пожаловать, друзья и все родные!...»	236
«Ужинай, хозяин, пока вы все вместе...»	236
«Мойся, мойся, наш жених, добела!...»	237
«Ну, за дело, парикмахер!...»	237
«Где же отец жениха? Где же он?...»	238
«Так наша невеста красива, стройна!...»	238

«Едет жених на коне ко двору...»	239
«Мы пришли не есть и пить...»	239
«И отец мой, и мать, и родня...»	240
«Кума сеет ячмень...»	240
«Выходи-ка, выходи, свекровь дорогая...»	240
«Добро пожаловать в наш дом!..»	240
«Добрый день, хозяин!..»	241
«Парень брился...»	241
«Одевайся, девочка...»	242
«Ну и грустная суббота...»	242
«Церковь наша, матушка...»	243
«Выходи-ка, свекровь, выходи...»	243
«Всегда, невеста, памятью о том...»	244

Из латышских дайн

«Что кобыла белая ...»	245
«Посылаю с пчелкою...»	245
«Все мое приданое ...»	245
«Пескарика-сынишку...»	245
«Зачем за мной, сироткою...»	246
«Не похвалите девушку...»	246
«Милее дела нет у вас...»	246
«Если моет рука руку...»	246
«Так богат, что просто...»	246
«Я по речи узнаю...»	246
«Роят мне завистники...»	247
«Впору мне тулуп отца...»	247
«Идет к закату солнышко...»	247
«Себе невесту ладную...»	247
«Пой, птичка, песни звонкие...»	247
«Распекает птичка всякая...»	247
«Платком зеленым кто тебя...»	248
«Почему не расцветашь...»	248
«Матушка моя была хорошей...»	248
«Если много дыма стелется...»	248

Богдан-Игорь Антонич (с украинского)

Ночь	249
Бунт	249
Пейзаж в окне	250
Над водою	250
Ветер	251

Борис Олейник (с украинского)

Переодеванье душ	252
------------------------	-----

Петро Ребро (с украинского)

Шутки козака	256
--------------------	-----

Агагельды Алланазаров (с туркменского)

Считалка трех котят	292
Однажды	293
Ползет черепаха	294
Лисица-охотница	295
Песня сытой собаки	296
Из «Веселой азбуки»	296

Примечания	307
-------------------------	-----

Евгений НОВИЧИХИН
ПАРАЛЛЕЛИ

Подписано в печать 14.04.2023 г.
Формат набора 84х54/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 67,2.
Заказ № 453. Тираж 300 экз.

Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.